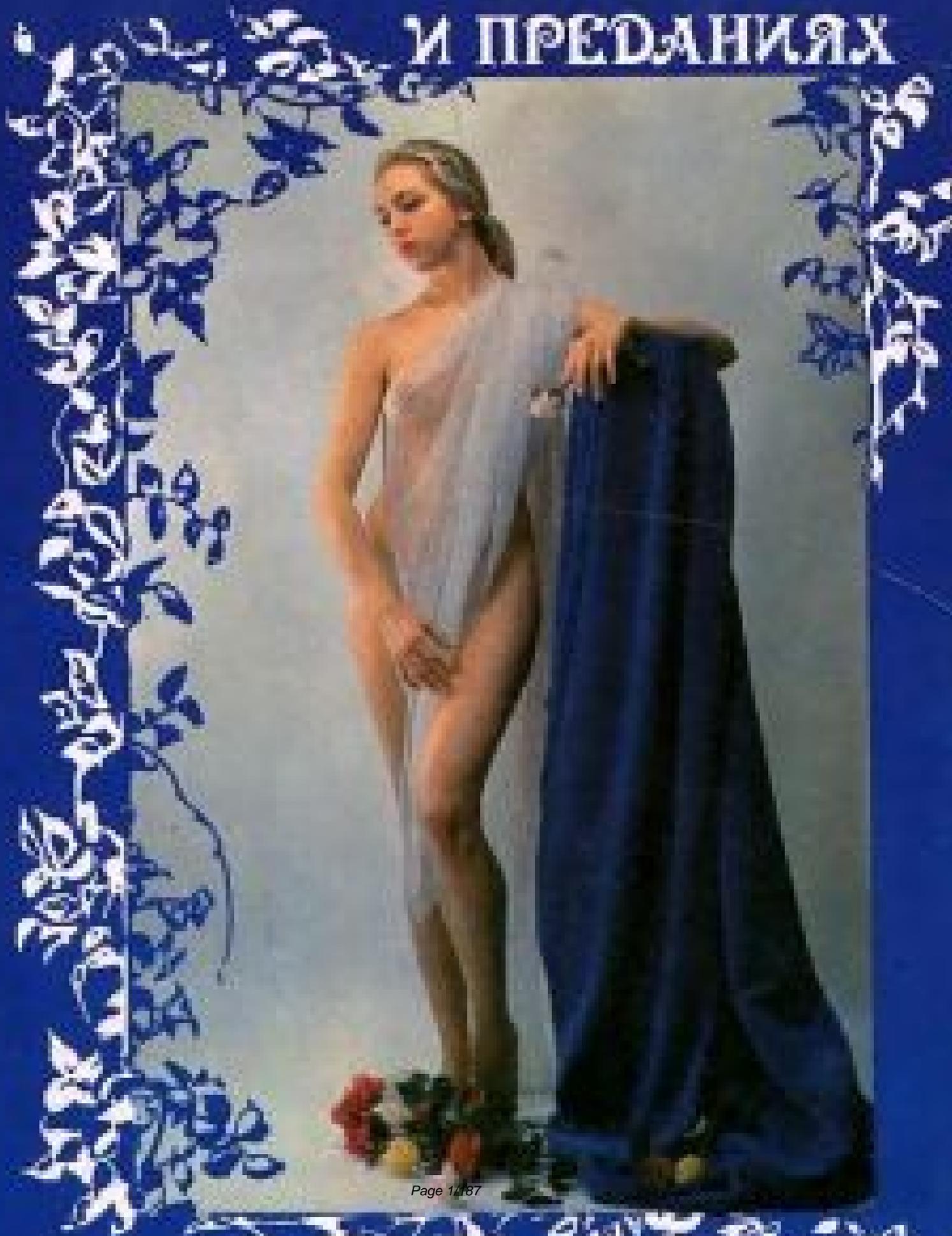

Н.Ф. ЗОЛУТНИЦКАЯ

ЦВЕТЫ В ЛЕГЕНДАХ И ПРЕДАНИЯХ

Золотницкий Н.Ф. Цветы в легендах и преданиях

С.-Пб, Изд. А.Ф. Девриена, 1903; М, 1913; «Агропромиздат», 1991 (репринтное воспроизведение издания А.Ф.Девриена); Довира, 1993; Экономическая газета, 2009; М.: Дрофа-Плюс, 2005 (в переработанном, «осовремененном» виде; исключена глава «Цветы и торговля цветами в Париже»); С.-Пб, «Альфарет», 2006 (подарочное издание).

Автор:

Золотницкий Николай Федорович

Издательство: Фирма "Т-Око", 1992

ISBN:

978-5-86282-016-4

Переплёт:

Твёрдый переплёт ,

362 с.

Эта книга написана замечательным дореволюционным писателем, автором многих популярных книг о природе Николаем Федоровичем Золотницким и была впервые издана еще в самом начале XX века. Собранный в ней уникальный материал рассказывает об эстетической и эмоциональной роли самых привлекательных и популярных цветов в жизни людей и даже стран, а также в поэзии разных народов.

Рассказы о цветах включают исторические эпизоды, легенды и сказания, в которых реальные факты переплетаются с вымыслом и народной молвой.

Москва, 1913

Предисловие

«Вы, кто любите легенды и народные баллады, Этот голос дней минувших, Голос прошлого, манящий к молчаливому раздумью...» Г. Лонгфелло

У этой книги странная судьба. В начале века она имела огромный успех в читающей России и в короткое время стала настольной книгой для десятков тысяч детей и взрослых. Но вышла в свет перед самой мировой войной — и с тех пор не переиздавалась. Надо ли удивляться, что в наши дни эту книгу трудно найти даже на полках центральных библиотек? На протяжении многих лет лишь какие-то отголоски, отрывочные сведения из нее проницательный читатель встречал на страницах различных периодических изданий, иногда со ссылкой на первоисточник, а чаще — нет.

Почему же ее не переиздавали? Думается, осторожных редакторов отпугивало, в частности, обращение автора к религиозным сюжетам. И лишь сейчас, когда стало ясно, какой огромный пласт духовной культуры был нам недоступен, когда стало очевидно, что без обращения к религиозным темам невозможно глубоко постичь ни истории, ни искусства, мы вновь обращаемся к первоисточнику, чтобы услышать живой голос автора.

Но для начала хотелось бы немного рассказать о нем самом, поделиться теми сведениями, которые удалось отыскать.

Николай Федорович Золотницкий родился в 1851 году в городе Брест-Литовске (ныне Брест). Первоначальное образование получил в Германии, учился в Дрезденской гимназии, а вернувшись в 1866 году в Россию, окончил сначала V Московскую гимназию, а затем — математический факультет МГУ. В 1875 году, как явствует из строгих документов, «вступил на государственную службу в лицей цесаревича Николая», где и был преподавателем долгие годы.

Но главные его интересы лежали в другой области. С детства увлекался он наблюдениями над удивительным миром растений и животных — собирал гербарий, наблюдал за жизнью насекомых, совершал дальние экскурсии в природу — короче говоря, принадлежал к замечательному и никогда не переводящемуся у нас племени, которое одни торжественно именуют естествоиспытателями, а другие — просто чудаками.

Прекрасное знание иностранных языков позволило Николаю Федоровичу глубоко и всесторонне познакомиться с мировой литературой, а это привело к желанию поделиться своими знаниями и открытиями с другими. Все это сделало его одним из выдающихся популяризаторов естественных наук, и прежде всего — ботаники, цветоводства и аквариумистики.

И вот появляются на страницах журналов «Нива», «Родник», «Любитель природы», «Сад и огород», «Естествознание и география», в газетах «Московские ведомости», «Русские ведомости», «Современные известия» его спокойные, неторопливые рассказы о растениях. Особой его любовью пользовался удивительный и своеобразный подводный мир. Каким только растениям ни посвящены его работы: циперус-папирус и водяной орех чилим, «водяная чума» элодея и насекомоядная росянка, нимфеи и рдесты, увирандра и сальвиния!.. Заинтересовавшись аквариумами, он не только составляет список московских растений, годных для выращивания в них, но и подробно рассказывает об их устройстве, уходе за их обитателями — причем, что особенно важно, наряду с солидным капитальным руководством для всех любителей — книгой «Аквариум любителя», получившей золотую медаль в Москве, Киеве, почетную медаль в Париже и переведенной на немецкий язык, — он выпускает специальное руководство «Детский аквариум». И это в 1888 году, когда литературы для детей практически не существовало!

Но работы Николая Федоровича выходят не только в популярных журналах. За короткое время он становится активным членом многих обществ — «Любителей естествознания, антропологии и географии», Русского общества акклиматизации животных и растений (где был председателем отдела ботаники и товарищем председателя отдела ихтиологии).

По его инициативе было создано Московское общество любителей аквариума и комнатных растений. Работа этого общества была главным делом Николая Федоровича, которому он отдавал весь свой талант. Огромная энергия и любовь к делу позволили ему в короткий срок сплотить вокруг себя немало единомышленников и создать дружный коллектив, насчитывающий свыше 400 членов. Общество это имело свое помещение (на Сретенке, у Сухаревой башни, дом церкви Троицы в Листах, ныне реставрируемой), организовало выпуск журнала «Аквариум и комнатные растения».

Событием для Москвы стали выставки аквариумных рыб и растений, проводившиеся в Зоологическом саду. На этих выставках Николай Федорович организовал раздачу небольших простеньких аквариумов, черенков и семян растений для школьников, не имеющих возможности приобрести их за деньги. В Косино, под Москвой, была организована летняя станция для наблюдений в природе.

На заседаниях Общества делали сообщения крупнейшие ботаники и зоологи Москвы, среди его членов были профессор Д.Н.Кайгородов и Л.П.Сабанеев, главный садовник ботанического сада МГУ Г.Г.Треспе, почетным членом был избран известный всей Москве писатель В.А.Гиляровский. А Николаю Федоровичу Золотницкому за его огромные заслуги было пожизненно присвоено звание почетного председателя и посвящен, несмотря на все его протесты, специальный выпуск журнала с портретом и перечнем трудов.

Интересовался Николай Федорович и вопросами интродукции и акклиматизации растений в России, принимал участие в работах Акклиматизационного ботанико-зоологического съезда, в организации общественного аквариума в столице.

Зоологи, ихтиологи помещали имя Золотницкого среди самых заслуженных своих деятелей, цветоводы и ботаники считали его своим — а он был естествоиспытателем самого широкого профиля, настоящим энциклопедистом. И, конечно, не мог не заниматься вопросами истории этих наук.

Особенно привлекала внимание Николая Федоровича история наших самых обычных садовых и овощных растений, их роль в материальной культуре разных стран и народов. В 1911 году вышла его книга «Наши садовые цветы, овощи и плоды. Их история, роль в жизни и верованиях разных народов и родина», а спустя три года и книга «Цветы в легендах и преданиях» — результат его многолетней работы.

После революции Николай Федорович работал в Народном комиссариате просвещения, в основном по вопросам, связанным с методикой преподавания естествознания. Знаменательно, что в самые трудные годы молодая советская республика находит и бумагу, и типографию, чтобы издавать книги, которые учат школьников наблюдать за природой, и в их числе книги Н.Ф.Золотницкого «В мире пресных вод», «Практические прогулки с учениками в лес», «Живая природа в школе», «Из сказок природы».

Умер Н.Ф.Золотницкий в 1920 году в Москве. Память о нем надолго сохранили его многочисленные ученики, читатели, товарищи по увлечению. Так, всем посетителям Центрального театра кукол в Москве надолго запоминаются не только почти живые персонажи, прекрасный музей, но и великолепные аквариумы в фойе. Еще бы, ведь художественный руководитель театра народный артист СССР Сергей Владимирович Образцов всегда увлекался аквариумами и террариумами (и даже когда-то растил дома двух крокодилов). А возникло это увлечение еще в гимназические годы от его преподавателя Николая Федоровича Золотницкого.

Итак, книга возвращается к своим читателям. Хочется верить, что для многих она станет «золотым ключиком» в чудесный мир растений.

Современный читатель, особенно занимающийся цветоводством (а некоторые цветоводы-любители становятся настоящими специалистами в своей области), может возразить против некоторых утверждений автора или дополнить их — но не надо забывать, что книга писалась в самом начале века. Так, давно уже взяты под охрану многие виды пионов, лилий, первоцветов, о широком сборе которых на букеты рассказывает автор. У современного цветовода, конечно, вызовет удивление отсутствие глав о таких очень сейчас популярных цветах, как гладиолусы и ирисы, — в то время они не были столь распространены. Но, без сомнения, и до сих пор у внимательного читателя вызовет

восхищение эрудиция автора, его любовь к миру живой природы, его внимание к собеседнику-читателю.

Т.Клевенская

Введение

Кто не был ранним утром на центральном цветочном рынке в Париже, тот не может себе и представить той суеты, той кипучей деятельности, какая царит там в это время.

Сотни фургонов, нагруженных снизу доверху цветами, съезжаются со всех окрестностей Парижа, сотни фур везут цветы с вокзалов железных дорог, присылаемые из Ниццы, Грасса, Лиона и других южных городов.

Целые сотни, тысячи людей занимаются разгрузкой, разборкой, расстановкой и продажей цветов, другие сотни, тысячи — их покупкой, сортировкой и разноской по Парижу.

Снятые с повозок цветы располагаются здесь красивыми группами на сколоченных наскоро подставках, столиках или прямо на полу, причем каждый из торговцев старается со свойственным всем французам вкусом расположить свой товар эффектно и красочно. И получается такая прелестная картина, какую, не видав, трудно себе представить.

Прелесть картины этой усугубляется еще тем чудным чарующим запахом, который доносится ото всех этих сотен тысяч цветов.

Бьет три часа утра, и торговля начинается. Любителей, конечно, еще нет: для них это час слишком ранний, а главными покупателями являются скупщики, которые стараются скупить все, что получше и как можно подешевле, и затем, наняв тут же себе местечко для торговли, поджидают, чтобы цветы поднялись в цене, и тогда продают их разносчикам и торговцам в палатках.

В девять часов торг на центральном рынке уже окончен и продавцы, и покупатели отправляются восвояси. Разносчики, наполнив свои тележки доверху, расходятся по улицам Парижа, более крупные торговцы везут накопленный товар в свои палатки, а садовники и огородники, сладко заснув под навесами своих кибиток, едут домой.

Но здесь кончается только первая часть торговли цветами. Теперь приобретенные цветы везутся (прежде всего) на девять цветочных рынков.

Все эти рынки имеют крайне своеобразный вид рядов, открытых с одной стороны, парусинных палаток или навесов, внутренность которых уставлена снизу доверху размещенными на полках горшками и букетами цветов, большинство которых обернуто в белую или цветную бумагу в форме большого фунтика.

Среди расставленного таким образом товара сидит торговка в теплой кофте, с ногами, поставленными на грелку. Она громко выхваляет свой товар, обращая внимание покупателей на его замечательную свежесть и качество — гораздо более высокое в сравнении с товарами ее соседей.

В теплые, солнечные весенние дни, когда зажиточные парижане и богатые иностранцы еще не разъехались из города, эти рынки бывают особенно красивы. Цветов там всегда такая масса и все они так прелестны, что многочисленные покупатели находятся в затруднении, что им выбрать.

Но кроме сейчас описанных рынков цветы расходятся еще по городу благодаря множеству всевозможных разносчиков цветов и продавщиц букетиков, встречающихся всюду, на всех улицах и бульварах.

Одним из отживающих типов среди них является продавец цветов в корзиночке или плетенке. Он предлагает публике желтые нарциссы, душистые фиалки и вообще самые скромные цветы, нарванные, быть может, где-нибудь в лесах в окрестностях Парижа. Он продает их крайне дешево и потому находит покупателей даже среди бедняков, которые благодаря ему за несколько грошей получают возможность разукрасить свою скромную комнатку живыми цветами.

Но наиболее популярным торговцем цветами в Париже является так называемый «торговец четырех времен года». Он торгует то цветами, то овощами, а иногда даже и другими товарами, но всегда примешивает к ним цветы.

Товар его помещается в небольшой тележке, которую он катит сам. Главными его покупателями являются всегда те, кто по своим обязанностям или по другим обстоятельствам не имеет возможности уходить из дома.

Таких торговцев в самом Париже насчитывается до 4000, да в окрестностях около 2000. Так что 6.000 одних только этого рода торговцев развозят ежедневно цветы по Парижу и окрестностям.

Далее следует продажа цветов в киосках, представляющих собой, так сказать, переход от разносчика и рыночного торговца к дорогим цветочным магазинам.

Это наиболее дешевые из торговцев цветами средней руки. Их киоски встречаются всюду: на всех площадях, улицах и бульварах, где только может быть публика.

Часто киоски эти располагаются близ церковных папертей, и торговцы выбирают для продажи цветы, служащие для украшения алтаря церкви, предлагая набожным покупателям приобретать их.

Некоторые праздники особенно ценятся парижскими торговцами цветов в киосках — это праздники наиболее популярных в народе святых и, следовательно, имеющих среди парижан множество носящих их имя. А так как в Париже принято идти к имениннику, а особенно к имениннице с букетом или горшком цветов, то чтобы об этих, дорогих для торговцев цветами, именинниках не забывали, в каждом киоске среди растений можно всегда видеть табличку имен наиболее чтимых святых с указанием дня празднования их церковью.

Но особенно обильным по количеству требующихся цветов, преимущественно только белых, является май, именуемый в католических странах месяцем Пресвятой Девы Марии. Тогда в церквах ежедневно служат обедню в честь Пресвятой Богородицы и алтари, а иногда даже и всю церковь украшают белыми цветами. Цветы эти приобретают благочестивые прихожане, и многие в продолжение всего месяца берут на себя эту обязанность в качестве подвига благочестия.

Что же касается до тех больших цветочных магазинов, которые являются у нас главным центром цветочной торговли, то такие, конечно, имеются и в Париже, и притом в значительно большем количестве, но они почти уже не пользуются цветами, привозимыми на центральный рынок, а держат только более редкие экзотические растения или особенно роскошные цветы, разводимые в собственных теплицах и садоводствах.

Число таких магазинов в Париже доходит до 500. При этом замечательно, что почти вся торговля цветами ведется здесь исключительно женщинами.

Причины тому весьма ясны: для составления бутоньерок, венков, букетов, плато¹ и разного рода жардиньерок² требуется много вкуса, много изящества, а в этом отношении женщины, конечно, неизмеримо превосходят мужчин.

Знаменитыми артистками по устройству цветочных эталажей³ большею частью являются здесь великосветские дамы, которые каждое утро сами присутствуют при уборке цветами окон и магазина и, окруженные целой толпой исполняющих их приказания помощниц, принимают и сами, в случае надобности, деятельное в ней участие. Точно так же наблюдают они и за выполнением выдающихся цветочных работ и вообще дорогих, требующих особого изящества заказов.

А потому эталажи парижских цветочных магазинов являются истинным наслаждением для глаз. Особенно же они поражают зимой, когда сквозь гигантские зеркальные окна взор околоченного от холода зрителя видит перед собой всю роскошь тропиков или знойного юга, увеличенную искусной группировкой растений и полным артистического вкуса подбором цветов и аксессуаров. Не надо забывать той выдающейся роли, какую может сыграть красота вазы, оригинальный стиль корзины, жардиньерки, цвет и роскошь ленты и особенно оригинальность, эффект сделанного из нее банта или перевязи, что, конечно, является также заслугой женщины...

Спрашивается: сколько же тратится Парижем и его летучим чужестранным населением ежегодно на цветы?

На это точная статистика отвечает следующее.

В хорошие года в Париж ввозится на 30.000.000 франков цветов. Из них половина отсылается в провинцию и за границу, а другая половина распределяется между жителями Парижа и его окрестностей. Но эта половина удваивает еще свою ценность, так как попадает в руки торговцев, из которых львиную долю, конечно, наживают богатые магазины.

Таким образом, парижане тратят в год на цветы по меньшей мере 30 миллионов франков.

Кто же является покупателем такой массы цветов, на которые, как можно вычислить, ежедневно расходуется в среднем около 100.000 франков?

Они все расходятся по рукам, по домам положительно всего Парижа.

Кого вы только ни встретите в Париже: молодую ли девушку, пожилую ли даму, мужчину ли, ребенка ли — у всех почти увидите цветы или в руках, или на груди, или в петлице.

Войдете ли в комнату скромного работника или работницы — вы увидите на окне или в стаканчике цветы. Войдете ли в богатый дом — увидите их не только всюду расставленными в роскошных вазах, жардиньерках, но и украшающими обеденные столы, гостиные, будуары и даже лестницы.

Цветы в Париже и новорожденного встречают, и покойника провожают. Цветами украшают себя, когда идут в театр, на бал, на скачки. Цветами приветствуют именинника, убирают невесту, цветы подносят артистам. Ими украшают свадебное помещение, торжественные обеды, убирают экипажи, убирают могилы. Словом, нет события, веселого или печального, где бы их не было.

Но особенно много тратится их в дни каких-нибудь особых экстренных торжеств: в дни цветочных праздников в Булонском лесу, когда за отделку одного какого-нибудь экипажа цветами нередко платят по 5 — 10.000 франков и более; в дни блестящих оперных представлений; в дни битв цветов⁴, где их уничтожают на сотни тысяч франков, и особенно в дни приема чужестранных высокопоставленных гостей.

Так, например, во время пребывания государя Александра III в Париже на украшение цветами города и внутренних помещений здания ратуши и дворцов было истрачено по меньшей мере 140 — 150.000 франков, во время первого приезда королевы Виктории — более 100.000 франков. А сколько тысяч франков было истрачено на них при приеме государя Николая II в 1896 году!

В Версале, как рассказывают, тогда одна зеркальная зала была украшена целыми тысячами букетов из жонкилей⁵, зала Геркулеса представляла собой огромную оранжерею, всю наполненную гвоздиками и примулами, а большая зала Людовика XV, предоставленная императрице, была вся убрана розами и фиалками.

Но больше всего было издержано парижанами на цветы на похоронах президента Карно. В этот горестный для всей Франции день за букеты, венки, украшение погребальной колесницы, катафалка и могилы Париж уплатил громадную сумму: более чем полмиллиона франков!..

Кроме того, в Париже встречается немало эксцентричных богатых иностранцев, которые платят иногда сумасшедшие деньги за редкие цветы, лишь бы блеснуть новинкой.

Так, например, известный миллионер Вандербильд, войдя однажды в цветочный магазин, узнает, что продается единственная в своем роде хризантема, выражает желание приобрести ее и платит за один цветок 1.500 франков.

Или вот другой пример: как буря, влетает в магазин какой-то иностранец и, показывая на часы, говорит: «Сейчас 5 часов, в 7 часов мне нужна во что бы то ни стало корзина самых редких орхидей, но помните, ровно в 7 часов. Что это будет стоить?» И платит за такой спешный заказ целые тысячи, даже десятки тысяч франков.

Но больше всех платят за цветы в Париже американцы. Один американец, уезжая к себе на родину, пожелал, чтобы ему на пароход было послано 7 ящиков разных цветов, по числу дней переезда в Нью-Йорк, чтобы каждый день каюта его была убрана свежими новыми цветами, и, конечно, заплатил за эту фантазию громадные деньги.

Другой, желая доставить удовольствие своей невесте, прислал ей такое множество цветов, что их пришлось привезти в нескольких фургонах...

Каждый цветок в Париже, скажем в заключение, имеет свой смысл, свой язык. Хризантема выражает глубокую безмолвную печаль; омела, цветок древнегалльских друидов⁶, — вечное обновление, и потому ее всегда дарят на счастье на Рождество и в Новый год; ландыш служит эмблемой нежности, безмолвного излияния сердец влюбленных, и потому день его царства — 1 мая; роза — эмблема поклонения и пламенной любви; фиалка — скромности и обаяния; гвоздика — жгучих чувств...

Такова роль цветов в Париже, во всей Франции, можно сказать, во всем современном цивилизованном мире.

Но цветы играли не меньшую роль и у всех народов, начиная с самых отдаленных времен, о каких нам повествуют только история и исторические памятники.

Мы встречаемся с ними и у древних евреев, персов, египтян, греков, римлян и арабов, встречаемся у индусов, китайцев и мексиканцев. Встречаемся в средние века. Встречаемся как у язычников, так и у христиан.

Они играли у них свою роль и в войнах, и в пиршествах, и в торжественных погребальных процессиях, служили для украшения алтарей и жертвоприношений, являлись волшебными и целительными травами, являлись охранителями домашнего очага и домашних животных...

Сколько связано с ними разных интересных легенд, исторических сказаний и преданий, какое важное значение имели они в домашней и общественной жизни как отдельных лиц, так и целых народов — это даже себе и представить трудно.

И вот эти-то легенды, сказания и предания — то веселые, то грустные, то поэтические, то исторические — и составят предмет последующих глав.

1 Плато — старинный вид цветочной аранжировки, представляющий собой цветы на коротких стеблях, укрепленные (обычно во мху) в низкой корзине, на подносе или плоской плетенке. 2 Жардиньерка — в начале нашего века это слово имело несколько значений - ящик или корзина для цветов, этажерка для горшечных растений и пестрый букет для дамской шляпки (в данном случае, очевидно последнее значение. 3 Эталаж — выставка, раскладка товаров. 4 Битва цветов — карнавальное развлечение, во время которого участники бросали друг в друга цветы и целые букеты. Чем большим успехом пользовалась красивая девушка, тем больше цветов доставалось на ее долю. 5 Жонкили — одна из групп мелкоцветных нарциссов. 6 Друиды — жрецы у древних кельтов, выполнявшие также функции судей, врачей, учителей, прорицателей.

Царица из цариц — роза

-

Царица из цариц — роза

Розы и розовая вода у магометан

Антоний и Клеопатра

Роза в жизни греков

Роза в пиршествах римлян

Истребление роз

Sub rosa dictum

Роза — царица цветов. Ее любили, ей поклонялись, ее воспевали с незапамятных времен. О ней создано столько сказаний, она играла такую выдающуюся роль в истории человечества, что об этом можно бы написать целые тома. Выберем наиболее характерное.

Самые первые сведения о розе мы встречаем в древнеиндусских сказаниях, судя по которым, она пользовалась в древней Индии таким почетом, что даже существовал закон, по которому каждый принесящий царю розу мог просить у него все, чего только пожелает.

Ею украшали брамины свои храмы, ею усыпали путь, по которому должны были следовать во время торжественных процессий божества, ею убирали цари свои покои, ею уплачивали дань и царские подати.

Запах же ее считался в Индии столь приятным, что индийские принцы и принцессы проводили в чудных садах своих вдоль всех дорожек канавки, наполненные розовой водой, чтобы испаряющийся запах роз пропитывал всю окружающую атмосферу и не покидал их даже и на воздухе.

О появлении ее на свете в сказаниях этих ничего не говорится; только в индийских мифах сообщается, что красивейшая на свете женщина Лакшми родилась из распускающегося, составленного из 108 больших и 1.608 мелких лепестков бутона розы. Вишну, охранитель вселенной, увидев эту обворожительную красавицу, укрывающуюся в своей прелестной розовой колыбельке, увлеченный ее прелестью, разбудил ее поцелуем и, таким образом, превратил в свою супругу.

С этой минуты Лакшми сделалась богиней красоты, а укрывавшая ее роза — символом божественной тайны и стала считаться у всех восточных народов священной.

Окутав, как дымкой, весь Восток своими сказаниями, роза нашла главный приют себе в древнем Иране, стране персов, поэты которой написали о ее прелести сотни томов.

По словам одного из этих поэтов, она была подарком самого Аллаха. К нему явились однажды все дети флоры с просьбой назначить им нового повелителя вместо сонливого лотоса (нильской водяной лилии), который, хотя и был дивно красив, но забывал среди ночи свои обязанности правителя. Тогда Аллах, благосклонно их выслушав, внял их просьбе и дал им правительницей белую девственную розу с охраняющими ее острыми шипами.

Когда соловей увидел эту новую чудную царицу цветов, то был так пленен ее прелестью, что в восторге прижал ее к своей груди. Но острые шипы, как кинжалы, вонзились ему в сердце, и теплая алая кровь, брызнув из любящей груди несчастного, оросила нежные лепестки дивного цветка. Вот почему, говорит персидское сказание, многие наружные лепестки розы и по сих пор сохраняют свой розоватый оттенок.

Слово «гюль», роза, для перса и особенно для персианки является очаровательнейшим из слов, и сама Персия у поэтов получила название «Гюлистан» — сад роз. И действительно, здесь всюду розы. Ими переполнены и сады, и внутренние дворы, ими украшены все комнаты, купальни, могилы; без них не обходятся ни одно торжество, ни один праздник.

Особенно же красив бывает проводимый в Кашмире праздник распускающейся розы. Он проходит обыкновенно в то время, когда розы только что начинают расцветать. Тогда отовсюду стекаются в Кашмир молодые люди и, гуляя по улицам с корзинами роз, бросают ими в прохожих. Тот или та, в которых попали розой, считаются счастливыми и обязаны, в свою очередь, дать попавшему в них какой-нибудь подарок. И все с удовольствием отдариваются, так как уверены, что осыпавший их поток роз принесет им счастье.

Из персидских поэтов особенно воспевал розу знаменитый Хафиз, в память чего он даже погребен в местечке Кессер, представляющем самый обширный на всем свете сад роз.

От персов благоговение и любовь к розе перешли и к туркам или, лучше сказать, ко всем магометанам, которые, согласно Корану, верят, что белая роза выросла из капель пота Магомета при ночном его восхождении на небо. Поэтому они приписывают ей очистительную силу, и ни один магометанин не только не позволит себе наступить ногой на розу, но даже если бы ему пришлось увидеть валяющийся на земле лепесток ее, тотчас же его подымет и бережно положит на чистое место.

Вследствие этого, вероятно, очистительную силу приписывают они и приготовленной из нее розовой воде, и султан Саладдин, как известно, снова отняв у христиан в 1189 году Иерусалим, вступил в превращенную крестоносцами в церковь мечеть Омара не ранее, как обмыв весь пол, все стены ее и даже скалы, на которых она была построена, розовой водой.

О том, сколько было потрачено этой воды, можно судить отчасти уже по тому, что для перевозки ее потребовалось более 500 верблюдов.

Так же поступил и Магомет II с храмом св. Софии после взятия им Константинополя в 1453 году. Прежде чем превратить этот чудный храм в мечеть, он велел его весь снизу доверху вымыть розовой водой.

Розой увлекался, говорят, даже и великий Конфуций, посвящая свою поэзию ее красоте и запаху и воспевая ее как царицу цветов. Говорят также, что из 18.000 томов, составляющих библиотеку китайского императора, более 500 трактуют только о розе и что в императорских садах она растет в таком количестве, что цветы ее дают ежегодно более нежели на 50.000 франков эссенций.

Интересное применение имеют еще в Турции лепестки роз, особенно же розовых. В них обертывают или, лучше сказать, ими осыпают в сералях новорожденных, и только за неимением их употребляют для этой цели напоминающий их своим цветом розово-красный газ, который вследствие этого, как известно, ежегодно выписывают в Турцию и Египет целыми тысячами аршин.

Знали ли древние евреи розу — вопрос спорный. Некоторые ученые находят, что встречающееся в Библии еврейское слово «шошам», переведенное Лютером как «роза», обозначает не розу, а красную лилию. С другой же стороны, по Талмуду, красная роза выросла из безвинно пролитой крови Авеля и потому должна служить украшением каждой еврейской невесты в день свадьбы. Скорее всего, однако, евреи ознакомились с ней лишь по возвращении своем из Египта, который, в свою очередь, ознакомился с ней не ранее VII столетия до н.э., так как до этого времени изображение ее не встречается ни на одном из египетских памятников, ни в одном из папирусов.

Что же касается до известного романа знатока египетской жизни Эберса «Уарда» (Роза), где этим именем названа героиня древнеегипетского романа, то это, по-видимому, просто увлечение почтенного египтолога.

В VII же столетии, во времена Птолемеев, своими чудными розами стало славиться в Египте местечко Арсиное, где из них даже готовили розовую воду, и знаменитая египетская царица Клеопатра, принимая у себя Марка Антония, велит покрыть весь пол залы, где должен был происходить в его честь пир, слоем около пол-аршина вышины (в 1 локоть) розовых лепестков. Слой этот представлял мягкий ковер и, чтобы по нему удобно было ходить, был покрыт мелкой шелковой сеткой. Одно это украшение обошлось в полтора таланта серебра, т.е. более чем в 2.000 рублей.

Розовые же лепестки, как рассказывает Плиний, сыграли немаловажную роль и в дальнейшей жизни Клеопатры — они помогли ей убедить подозрительного Марка Антония в искренности ее любви.

Во время дружеских пиршеств, как известно, было в обычае у римлян бросать в вино лепестки из своих венков и вместе с вином выпивать их в знак расположения к тому, кто их бросил. Когда Антоний сделался крайне подозрителен и до того проникся мыслью о вероломстве Клеопатры, что заставлял пробовать все кушанья своего слугу, то последняя, чтобы успокоить его, сделала следующее.

Она приказала опрыскать сильным ядом розы своего венка, и когда Антоний, в минуту опьянения, клялся ей в своей любви, осыпал розы с ее венка в свою чашу с вином и хотел ее выпить, то она, вырвав спешно у него из рук ее, сказала: «Посмотри, дорогой Антоний, как мне легко было бы от тебя избавиться, если бы только я могла без тебя жить!» И, велев привести осужденного на смерть невольника, приказала ему выпить чашу Антония.

Смерть невольника последовала моментально и, как говорят, до того отрезвила Антония, что в благодарность он просил Клеопатру, если только он умрет раньше ее, не забывать постоянно убирать розами его могилу.

Описав в кратких чертах роль розы у восточных народов, перенесемся теперь в Грецию — этот центр всей умственной жизни древнего мира.

Греки считали розу даром богов, и знаменитая поэтесса Сафо дала ей название царицы цветов. Появление этого прелестнейшего из цветов греческие поэты облекли в целый ряд чудных сказаний.

По словам Анакреона, она родилась из белоснежной пены, покрывавшей тело Афродиты (Венеры), когда эта богиня любви во всей своей дивной красоте вышла после купанья из моря. Увидев на ней этот не менее ее прелестный цветок, очарованные боги обрызгали его сейчас же нектаром, который и придал ему чудный запах. Однако дававший бессмертие нектар, вследствие зависти некоторых богов, не дал его розе, и она осталась такой же смертной, как и все, что рождается на земле.

Явившуюся во всей ее девственной прелести и чистоте белую розу жрицы Афродиты снесли в храм этой богини и украсили ею алтарь и окружающий их сад. И роза оставалась белой до тех пор, пока сердце Афродиты не было поражено ужасной вестью: ее возлюбленный Адонис лежит раненный насмерть вепрем.

Забыв все, в неопишемом горе устремляется богиня в рощу Пифона, где находится ее дорогой, и бежит, не обращая внимания на покрывающие розы шипы, которые ранят ей до крови ноги. Несколько капель этой божественной крови попадает и на розы и из белых превращает их в ярко-красные.

По другому сказанию, белая роза сделалась красной во время одного из пиршеств богов на Олимпе.

Порхая в веселом танце. Амур как-то нечаянно опрокинул своими розово-красными крылышками сосуд с нектаром, который, разлившись на цветшие тут же белые розы, окрасил их в красный цвет и сообщил им прелестный запах.

Еще поэтичнее предание о сотворении красной розы богиней Флорой.

Не любившая и избегавшая долгое время Амура, Флора была все-таки поражена его стрелой и воспылала к нему с этой минуты страстной любовью. Но хитрый божок, добившись желаемого, начал тогда, в свою очередь, избегать Флору, и вот тогда-то, в неудовлетворенной страсти, она решила создать цветок, который и смеется и плачет — соединяет в себе и грусть и радость.

Увидев вырвавшийся в руке своей чудный цветок, богиня в восхищении хотела, воскликнуть: «Эрос» (так звали греки Амура), но, застенчивая от природы, запнулась, покраснела и, проглотив первый слог, крикнула только: «рос». Росшие вокруг цветы подхватили это слово, и с той поры цветок этот и стал называться розой.

Наконец, еще по одному сказанию, роза происхождением своим обязана богине охоты Диане.

Влюбленная в Амура, богиня эта приревновала его к дивно красивой нимфе Розалии. И вот однажды в диком гневе схватила она несчастную, повлекла в ближайший куст терновника и, изранив страшными шипами этого колючего кустарника, лишила ее жизни.

Узнав о горькой участи своей возлюбленной, Амур поспешил на место преступления и, найдя

ее бездыханной, в неутешном горе залился горячими слезами. Слезы его капали, капали из глаз на терновник, как роса, и — о, чудо! — орошаемый ими куст начал покрываться дивными цветами. Цветы эти были розы.

Роза играла у греков выдающуюся роль не только в радостных и печальных торжествах, но и в домашнем быту.

Венками из роз, перевитых миртами, украшалась у них невеста. Розами убиралась дверь, ведущая в ее дом, и лепестками же розы усыпалось брачное ложе. Венки из роз посылали друг другу влюбленные или клали их у порога в дом. Если же у кого-либо из молодых людей разрывался венок, то говорили, что он влюблен. И когда он не желал сознаться, прибегали к помощи так называемого резанного оракула, который, как сообщает Феокрит, состоял в следующем.

Брали розовый лепесток, клали его на образованное большим и указательным пальцем левой руки отверстие (как это мы иногда делаем с маковыми лепестками) и затем ладонью правой ударяли по этому месту. Если лепесток оставался цел, то считалось, что отрицавший сказал правду, если же он лопался, и притом с треском, то над запиравшимся юношей или девицей начинали подтрунивать, говоря, что они влюблены, но без надежды на взаимность.

Розами и венками из роз греки усыпали путь возвращавшегося с войны победителя и убирали его колесницу. Ими же убирали тело и гробницы дорогих умерших. Так, например, Гомер говорит, что Афродита украсила ими тело Гектора и что Анхис просил роз, чтобы украсить ими могилу своего друга. Розами убиралась также постоянно могила Софокла.

Греки носили розы на голове и на груди также в знак траура, как символ кратковременности нашей жизни, которая так же быстро увядает, как и душистая роза. У них возникла даже пословица: «Если ты прошел мимо розы, то не ищи ее более».

С другой стороны, они убирали ею памятники и урны с прахом покойников, так как приписывали ей чудесное свойство сохранять смертные останки от разрушения и думали, что запах ее приятен душам умерших. Кроме того, в бутоне розы они видели символ бесконечности, выразившийся в ее круглой, не имеющей ни начала, ни конца форме, и на греческих надгробных памятниках можно было то и дело встретить изваяние плотно сомкнутого бутона розы.

Не менее выдающуюся роль играла роза и в религиозных обрядах греков. Венками из роз они украшали чело богов и венки из роз клали у ног их. Но особенно украшалась ими, как это мы уже говорили, статуя Венеры: увядшие на челе ее розы считались чудодейственными.

Элиан приводит даже такой случай: у знаменитой куртизанки и первой красавицы во всей Греции Аспазии в детстве был на щеке нарост, от которого она никак не могла избавиться, несмотря на все старания знаменитейших врачей. Обезобразивавший лицо, нарост этот приводил ее в такое отчаяние, что, сделавшись молодой девушкой, она даже решила умереть. Но спасло ее — сновидение. Ей приснилось, будто любимая птица Венеры — голубь явилась ей в виде молодой девушки и предложила снять увядшие на челе богини розы и, сделав из их листьев мазь, натереть ею нарост. Аспазия сделала, как ей было сказано, нарост исчез, и она превратилась в красивейшую из женщин Греции.

Самые знаменитые в Греции храмы Венеры, находившиеся на островах Кирене и Родосе, были окружены роскошнейшими и обширнейшими садами роз. Здесь поклонение розе доходило до того, что даже монеты были снабжены ее изображением.

Вообще надо сказать, что в Греции пользовались величайшим почетом не только сама роза, но даже и торговля ею, и вязание из нее венков. И первая вязальщица венков в Древней Греции, красавица Глицера из Сициона, была даже увековечена знаменитым греческим

живописцем Павсием, написавшим ее портрет. Впоследствии за одну лишь копию с этой картины Лукулл заплатил несколько тысяч рублей.

Из Греции роза была перенесена колонистами в Рим и прижилась там прекрасно. Но чудный цветок этот получил здесь совершенно иное значение. В то время как в Греции у богов он служил символом любви и красоты, а у людей — выражением веселой радости и глубокой печали, у римлян во времена республики он считался символом строгой нравственности и служил наградой за выдающиеся деяния, а во времена падения Рима являлся символом порока и предметом роскоши, на который тратились безумные деньги.

Вначале, как сообщает римский писатель Элиан, римские воины, отправляясь на войну, снимали даже шлемы и надевали венки из роз, чтобы вселить в себя мужество, да и вообще в это время она служила эмблемой храбрости. Это был как бы орден, который давался в награду за геройство. Так, Сципион Африканский разрешил солдатам 8-го легиона, первыми ворвавшимся в неприятельский лагерь, в день их триумфального шествия в Риме нести в руках букеты из роз и в увековечение их выдающейся храбрости выбить изображение розы на их щитах. Точно так же и Сципион-младший дозволил солдатам первого взобравшегося на стены Карфагена легиона украсить венками из роз их щиты и убрать розами всю триумфальную колесницу.

Вообще, вначале венком из роз было дозволено украшать чело человека, сделавшего что-нибудь выдающееся, и когда Марк Фульвий после небольшой стычки позволил своим солдатам украсить шлемы розовыми венками, то получил за это строгий выговор от цензора Катона.

Роза так высоко ценилась римлянами в это время, что было даже запрещено украшать себя венком из роз в дни скорби, печали или угрожавшей Риму опасности. И когда один богатый меняла, пренебрегая этим постановлением, вздумал появиться во время 2-й пунической войны у себя на террасе в венке из роз, то он немедленно по приказанию сената был свергнут в темницу и выпущен оттуда только после прекращения войны.

У римлян первой республики роза считалась также предметом священным, и ежегодно в Риме совершались в память умерших торжества, носившие названия розалий или розалийских дней.

Торжества эти происходили в разное время года, но не ранее 19-го апреля и не позже 19-го июня, и заключались главным образом в роскошном убранстве могил умерших и урн, где хранился их прах, гирляндами и венками из роз.

Вообще, насколько высоко ценили римляне этого времени розу как надгробное украшение, лучше всего показывает обыкновение богатых людей завещать крупные суммы на постоянное украшение их могилы розами. На уборку могил главным образом употребляли белые и карминно-красные розы. Первые большею частью сажали на могилах молодых людей, а вторые — на могилах более пожилых.

Наконец, розы играли в это время немаловажную роль и в домашнем обиходе римлян, и в их религиозных церемониях. Ими украшали они постоянно свои жилища и домашние алтари, ими усыпали путь во время торжественных процессий. Особенно же торжественна была процессия корибантов — жрецов богини Цибелы — охранительницы богов, во время которой все усыпалось белыми розами: и статуя богини, и ее жрецы, и весь путь.

Не таково было значение розы во времена падения Рима. Из царственного цветка она делается цветком забавы пьяных оргий, выразительницей низменных чувств. Теперь ею украшают уж не Венеру-Уранию — богиню честного брака и благословения детьми, а позорную Венеру-Пандемос — богиню чувственной любви.

В это время злоупотребление розой как украшением достигло крайних пределов. Так, например, тщеславный проконсул Веррес, обвинявшийся, как известно, Цицероном в продажности, передвигался по Риму не иначе, как на носилках, матрац и подушки которых постоянно набивались свежими лепестками роз, причем он и сам был весь обвит гирляндами из этих цветов.

Еще более роз истреблял император Нерон. В его знаменитом обеденном зале, потолок и стены которого вращались во время пиршеств посредством особого механизма и изображали попеременно четыре времени года, вместо града и дождя на гостей сыпались миллиарды свежих розовых лепестков. Для каждой такой пирушки, по словам Светония, тратилось более чем на 180.000 рублей роз.

Но розы истреблялись в громадном количестве вообще на всех обеденных пиршествах римлян, так как не только каждый гость должен был непременно быть увенчан венком из роз, но розами украшались также и все подававшие кушанья и прислуживавшие рабы, все сосуды и чаши с вином; ими же усыпан был весь стол, а иногда даже и пол. При этом надо заметить, что подносившиеся гостям венки были не просто сплетены из роз, а сделаны из розовых лепестков, которые в виде чешуи обвертывались вокруг обруча.

Желая как можно более упиться запахом роз, некоторые патриции усыпали ее лепестками даже поверхность моря, когда отправлялись на галерах на прогулку, а во время одного из празднеств ими была даже усыпана поверхность целого Люцинского озера.

Но всех превзошел своим безобразным истреблением роз император Гелиогобал¹.

На одном из его пиршеств, как рассказывают, знатные гости были забросаны таким множеством падавших с потолка розовых лепестков, что некоторые из них, к величайшему его удовольствию, задохлись под ними. Он же купался только в вине из роз, которое после того чернь должна была пить. Наконец, по его же приказанию, этой драгоценной влагой наполнялись и общественные купальни, которые подвергались тогда частой осаде римского простонародья, устремлявшегося сюда со всех концов Рима — не столько для того, чтобы купаться, сколько для того, чтобы напиться.

Но среди всех вышеупомянутых пиршеств и оргий роза, кроме украшения, имела и еще оригинальнейшее значение. Она служила символом молчания, вследствие чего даже была посвящена Гарпократу — богу молчания, который, как известно, изображался в виде юноши с приложенным к губам пальцем.

Латинская пословица говорит: «in vino veritas» (в вине истина), указывая тем, что опьяненный винной влагой человек может выболтать иногда все свои тайны. А так как во время упадка Рима было очень опасно делиться публично своими мыслями, то, чтобы напомнить разгоряченным головам, что нужно держать язык за зубами, во время римских пиршеств вешали на потолке залы искусственно сделанную белую розу. Взгляд на эту розу заставлял сдерживать свою откровенность многих. Говорят, от этой розы и произошло известное латинское выражение: «sub rosa dictum» — «сказанное под розой», в смысле: под секретом.

Римляне готовили еще из розы всевозможные питья и яства. Кроме вина, о котором мы сейчас говорили, они делали, подмешивая к лепесткам яйца, пудинг, желе, розовый сахар и многочисленные сладости, по сих пор употребляющиеся на Востоке.

Вообще у римлян этого времени потребность в розе была так велика, что обширнейшие резанные сады, находившиеся в громадном количестве в окрестностях Рима и во всей Кампании, были не в состоянии ее удовлетворить и приходилось привозить розы целыми кораблями из Александрии и Карфагена, где возникла вследствие этого даже новая громадная отрасль промышленности. В резанные сады превращены были в ущерб хлебным полям самые плодоносные местности Рима, так что большинство благомыслящих людей

даже были этим возмущены, и Марциал, например, с горькой насмешкой писал: «Египтяне, пришлите нам хлеба взамен наших роз».

Все улицы Рима были до того пропитаны запахом роз, что непривычному человеку становилось дурно. На каждом углу, на каждом перекрестке можно было встретить или торговцев розами, или торговков и вязальщиц венков из роз. Целые сотни их торговали розами на рынках, как это было некогда в Афинах.

Наконец, существовала в Риме даже особая биржа роз и были особые, занимавшиеся только куплей и продажей роз маклеры, так как розы были, конечно, различных сортов и цен. Самыми знаменитыми и драгоценными считались зацветавшие два раза в году розы из Пестума. Они были не раз воспеты самыми знаменитыми поэтами Рима Вергилием, Овидием...

1 Это нашло отражение в стихотворении Л.А.Мейя "Цветы": «И падают, и падают цветы, И сыплются дождем неудержимым..... Их сотня рук с потухших хор кидает Корзинами, копнами, аромат Вливает в воздух смертоносный яд..... Напрасен крик пирующих: "Пощады! Мы умираем!" Падают цветы - Пощады нет - все двери заперты; Потухли всюду пирные лампы... В ответ на вопль предсмертный и на стон В железных клетках завывали звери, И за дверями хохотал Нерон. Еще мгновенье... Распахнулись двери: - Великодушный Кесарь забывал Обиду, нанесенную поэту... Впоследствии, припомнив шутку эту, Позвал на пир гостей Гельогабал; Но тем гостям печальный жребий выпал: Помешанный цветами их засыпал...»

Роза в Западной Европе

Розанное воскресенье

Золотая роза папы

Награждение добродетели розой

Грустная история Флеретты

Роза —цветок горя

Война Алой и Белой розы

Такое отношение римлян к розе, конечно, не могло не внушить отвращения к ней первых христиан, и они смотрели на нее сначала как на цветок разврата и гибели. Тертуллиан написал строгое послание против употребления венков из роз, а Климент Александрийский считал даже за грех увенчивать свою главу подобным венком.

Но со временем эта неприязнь к розе смягчилась, и благодаря своей дивной красоте и приятному запаху она стала мало-помалу приобретать расположение христиан. Прошло несколько столетий, и святые отцы, забыв ее значение в дни упадка Рима, объявили ее райским цветком и даже посвятили Пресвятой Богородице.

Тогда с розой начало соединяться множество священных и исторических сказаний.

Так, например, в них сообщается, что св. Доротея, растерзанная дикими зверями в Колизее,

посылает среди зимы с ангелом антиохийскому архиепископу Феофилу розу; что св. Доминик, желая быть угодным Богу, искалывает себя терниями и тернии эти превращаются в розы; что архангел Гавриил, взяв белых, желтых и красных небесных роз, делает из них три венка для Пресвятой Богородицы. Венки из белых роз обозначают ее радость, из красных—ее страдания, а из желтых — ее славу.

Вследствие этого и древнегерманские живописцы любили изображать Богоматерь с Младенцем, окруженных тремя венками из роз, причем каждый из них имел только что указанное значение. Некоторые из этих картин сохранились и по сих пор. Такую картину, например, можно видеть в церкви городка Вейльгейма в Швабии, а другую — в церкви города Кольмара — она носит название «Пресвятой Девы Марии в розовом кусте»¹ и считается одной из замечательнейших картин древнегерманской живописи.

Белые розы назывались в это время также розами Магдалины, и про них рассказывали, будто они потеряли свой цвет от пролитых на них Магдалиной слез раскаяния.

Затем в одной из легенд о кресте Спасителя говорится также о моховой розе, которая возникла из капель крови Христовой, упавших на находившийся у подножия креста мох.

Кровь эта, струившаяся по кресту, собиралась ангелами в золотые чаши, но несколько капель случайно упало на мох, который, чтобы уберечь их от осквернения, сейчас же жадно впитывал в себя.

И вот из этих-то божественных капель и выросла чудная красная моховая роза², ярко-красный цвет которой должен служить нам вечным напоминанием о пролитой за наши грехи крови.

Кроме того, роза является в католических легендах иногда небесной защитницей добрых дел. Так, в одной из них повествуется про святителя Николая. Когда он однажды среди страшно студеной зимы нес взятый в монастыре хлеб, чтобы накормить бедных, и был остановлен строгим настоятелем монастыря, то хлеб этот превратился в розы — в знак того, что это доброе дело было приятно и самому Господу. Аналогичные же сказания существуют про римскокатолических святых: про св. Елизавету Тюрингенскую, про св. Радегунду и св. Казильду.

Наконец, начиная со средних веков, золотой, усыпанной драгоценными камнями розой папы увековечивают выдающуюся добродетель.

В день, именуемый «Dominica in rosa» (розанное воскресенье), папа благословляет такую розу в присутствии полного собрания кардиналов в церкви св. Петра, окуривает ее фимиамом, окропляет святой водой, обмакивает в миро³ и посылает ее обыкновенно тому царственному лицу, которое за истекший год оказалось наиболее достойным. Обычай этот начался с XI века и установлен, как говорят, папой Львом IX.

Такая роза обходится папе около 10.000 рублей. Право ее делать принадлежит художнику из одной и той же фамилии, которая пользуется величайшим почетом.

В настоящее время право это принадлежит фамилии Сантелли, ведущей свою родословную с XIV столетия. Семья эта живет постоянно в одном и том же доме близ Ватикана. И когда умер несколько лет тому назад старший из этой семьи, Пьетро Сантелли, то похороны его были до того блестящи, что римляне не могли себе представить, что хоронят простого ремесленника, а не какое-нибудь знатное лицо. На похоронах этих присутствовали все кардиналы и епископы, и притом в самых торжественных своих ярко-красных облачениях.

Что касается самой розы, то она крайне оригинальна. Стебель ее, сделанный из чистого золота, имеет длину почти четыре фута. Большой цветок составлен из отдельных лепестков,

на которых выгравированы имя папы и различные добродетели того лица, которому роза назначается. Кроме того, на листьях блестят бесчисленные крошечные брильянтики, изображающие небесную росу.

Эту громадную ветку прежде укладывали в изящный футляр, обитый внутри голубым атласом, а снаружи выложенный инкрустациями в виде прелестных серебряных роз. Но после того как папе в 1892 году, когда он переслал золотую розу королеве португальской Амалии, пришлось заплатить еще громадную сумму за дорогой футляр, он решил впредь быть экономнее. И теперь розу обертывают только в шелковый платок и укладывают на подстилке из ваты в простую коробку.

Пересылка золотой розы обходится не менее 24.000 лир (около 10.000 рублей). Сумма эта выдается двум лицам, выбранным из древнейшего римского рода для доставления цветка к месту назначения, в виде вознаграждения за их труд.

Церемония поднесения папского подарка отличается большой сложностью.

Парадный придворный экипаж, украшенный гирляндой живых или искусственных белых роз, ожидает депутатов папы у вокзала. Во дворе дворца знатных римских гостей той королевы, которой подносится роза, встречает барабанным боем выстроенный в парадных мундирах полк. Затем старший из папских послов несет розу в высоко поднятой руке до приемной залы, где кладет ее на приготовленный столик, покрытый белой шелковой скатертью.

Вслед за тем дворцовый епископ служит молебствие, на котором королева присутствует, сидя под белым балдахином. Затем все отправляются в тронную залу, и здесь ее величество садится в стоящее на возвышении кресло. Рядом с ней занимает место старший посол, младший же, стоя перед ней, читает громко послание папы. При этом он три раза медленно взмахивает золотую веткой и, наконец, вручает ее прелату.

Тот прикасается розой к сердцу королевы и произносит следующие слова: «Вот таинственная роза — дар святейшего отца».

Королева целует золотой цветок и отвечает: «Благодарю Господа». Вслед за тем король или королева жалуют послам высший орден своего государства.

Из исторических лиц такую розу получили в 1160 году Людовик Молодой, которому она была прислана папой Александром III за почет, который ему был оказан при проезде через Францию; Иоанна Сицилийская, которой послал розу папа Урбан V за то, что она избавила Италию от венгерцев; Фридрих Саксонский (до реформации); германский император Генрих III, а в более близкие времена — императрица Евгения, несчастная мексиканская императрица Шарлотта и испанская королева Изабелла.

Говоря об этой розе, нельзя обойти молчанием и другое, играющее важную роль в католичестве предание — в четках, которые носят по-французски также название роз, так как составляющие их шарики в первое время делались из тертых розовых лепестков, связанных гуммиарабиком.

У католиков четки введены были в употребление основателем Доминиканского ордена Домиником де Гузманом, но ведут начало от восточных народов, где они были сначала в употреблении у ламайских монахов, а затем от них перенесены были к туркам, у которых странным образом они носят также название роз, хотя и делаются из шариков земли, взятой в Мекке или Медине.

Теперь, если мы перейдем к отдельным христианским государствам, то увидим, что наибольшею любовью пользовалась роза во Франции.

Здесь ее так высоко чтили и ценили, что даже разводить ее позволялось не всякому. И тот, кто получал эту привилегию, обязывался ежегодно доставлять городскому совету в день Благовещения три венка, а в день Вознесения — корзину с розами, из которых потом готовили дорого стоившую в то время розовую воду, которую примешивали, по обычаю, почти во все праздничные кушанья.

В XIII веке возникает во Франции обычай ношения дамами венков из роз, которые получают название «шапель», а занимающиеся их вязаньем — «шапелье» — слово, которым теперь обозначают фабрикантов шляп; так что, по-видимому, от этих венков произошло и нынешнее французское слово «шапо» (chapeau) — шляпа.

Обычай этот вскоре настолько распространился, что даже самый бедный человек считал обязанностью подарить своей дочери в день свадьбы подобный «шапель», который она надевала на голову во время венчания. Отсюда же произошло, вероятно, и название «chapeçon de roses» — небольшой подарок, который дарили в средние века или новобрачным, или ребенку в день крещения.

Скажем, кстати, что и самое крещение производилось в это время часто с примесью розовой воды, которая почти постоянно приносилась в церковь.

Байе рассказывает, что такой водой крестили, например, известного средневекового французского поэта Ронсара, и когда, сделавшись в царствование Генриха II знаменитым поэтом, он получил первую награду на состязании поэтов в Тулузе, то ему, вместо обычной золотой дикой розы (шиповника), поднесли серебряную статую Минервы⁴, желая этим как бы указать, что, будучи крещен розовой водой, он еще в пеленках был уже признан поэтом.

Получив эту награду, Ронсар, как говорят, послал ее в подарок почитательнице своей — королеве Марии Стюарт, а она в ответ прислала ему венок из серебряных роз, на каждом листке которых в виде росинок блестели чудные бриллианты. На обвивавшей его ленте была сделана следующая надпись: «Ronsard, l'Apollon de la source des muses». (Ронсару — Аполлону источника муз).

В XIV веке возникает во Франции еще новый оригинальный обычай, связанный с розой. В палате, составлявшей так называемый королевский совет и состоявшей из 6 духовных и 6 светских пэров, входит в обыкновение, чтобы каждый из пэров, как только у него возникает какое-либо дело в суде, подносил всем членам палаты розы. Поднесение это получает название «baill? des roses», и при палате учреждается даже особая должность придворного поставщика роз, местопребыванием которого назначается местечко «Фонтене-о-роз», славившееся уже тогда своей культурой роз.

Но в XVI столетии обычай этот, вследствие постоянных ссор членов палаты из-за мест, прекращается, и ни в чем неповинная роза подвергается такой опале, что духовный суд в Ниме предписывает, чтобы она отныне служила знаком отличия христиан от евреев, которые обязаны носить ее на груди.

Но такое гонение во Франции на розу было временным и ограничилось некоторыми местностями, так как уже несколько лет спустя возник среди садоводов небольшого, находившегося недалеко от Парижа, городка Провен обычай выбирать ежегодно короля роз. Выбор этот производился в день св. Фиакра. Царствование такого короля продолжалось год и сопровождалось разного рода почестями.

Подобное же избрание, но не короля, а королевы, или, как ее называли, «розьеры», проводилось еще и в местечке Саленси 8-го июля — в день св. Медара.

Розьера избиралась из трех наиболее добродетельных и целомудренных девушек всей провинции. А для того, чтобы не могло произойти какой-либо ошибки и чтобы честь эта

досталась действительно наиболее добродетельной, имена предлагаемых к избранию провозглашались сначала с церковной паперти, где каждый мог высказать о них свое мнение и, в свою очередь, предложить, если он только знает, еще более достойную.

Как скоро выбор был сделан, избранницу при звуках музыки вели в сопровождении 12 пар празднично одетых девушек в господский замок, а оттуда — в церковь св. Медара, где лежал приготовленный для розьеры венок или, лучше сказать, повойник из чудных роз. Повойник этот в присутствии всех молящихся с молитвою возлагался священником на главу избранницы. Затем следовал целый ряд празднеств. Удостоенная такой чести девушка получала, как награду за свое безукоризненное поведение, 25 ливров и часто пользовалась своим титулом розьеры в продолжение многих лет (обыкновенно до выхода замуж).

Празднество это, как говорит предание, было установлено еще в VII столетии н.э. св. Медаром, архиепископом в Саленси, который для того, чтобы увековечить его, оставил даже по завещанию 12 десятин земли, из дохода от которой и составляется выдаваемая розьере премия.

Первой розьерой была его собственная сестра, и изображение этого торжества сохранилось и по сих пор на фреске, находящейся в церкви св. Медара в Саленси.

С другой стороны, существует мнение, будто это празднество было установлено лишь при Людовике XIII, чему доказательством служит серебряная пряжка, которая надевается в виде украшения на венок из роз и которая, как говорят, была пожертвована этим королем.

Подобные празднества со временем стали проводиться еще и во многих других местностях Франции. Особенной же известностью пользовались празднества в память Мальзерба, министра Людовика XVI, погибшего, как и этот король, на эшафоте.

Скажем кстати, что, кроме подобного рода торжеств, роза играла еще видную роль и в праздниках, которые, как кажется, представляли начало наших битв цветов.

Так, в городке Тревизо существовал с незапамятных времен праздник, во время которого среди города устраивалась крепость, ее валы и стены состояли из драгоценных ковров и шелковых тканей. Знатные девушки города защищали крепость, а знатные юноши осаждали ее. При этом орудиями осады и защиты служили яблоки, миндальные орехи и цветы, главным образом розы, которыми бросали друг в друга, а также струи розовой воды, которой обдавали защитницы крепости осаждавших.

На праздник этот стекались отовсюду тысячи зрителей, и присутствовавший на нем однажды Фридрих Барбаросса нашел даже, что веселее этого праздника ему ничего не приходилось видеть.

Особенно же славился этот праздник тем, что встречавшиеся на нем юноши и молодые девушки выбирали себе невест и женихов и после него всегда заключалось много браков.

Но не всегда роза играла столь приятную роль в нравах Франции. Тяжелая драма жизни связана с ней на почве любви в дни молодости Генриха IV. Тогда он носил еще титул принца Беарнского.

Отличаясь замечательным искусством стрельбы из лука, он принял участие в состязании в стрельбе, устроенном при дворе Карла IX, короля Наваррского, в замке Нерак в 1566 году. Вот как рассказывает об этом предание.

Был поставлен целью апельсин. Герцог Гиз, которому начинать, сбивает его с первого же раза. Тогда Генрих подходит к одной прелестной, присутствующей на состязании крестьянской девушке, просит у нее приколотую на груди розу и предлагает сделать ее

предметом цели.

Гиз промахивается. Генрих пронизывает ее насквозь и торжественно подносит ее вместе с вонзенной в нее стрелой той, которая ему ее одолжила.

Но стрела, пронзившая розу, пронзает в то же время и сердце молодого Генриха. Он влюбляется по уши в эту прелестную крестьяночку и всячески ищет случая завести с ней более близкое знакомство.

Оказывается, это дочь дворцового садовника Флёретта.

Со следующего же дня садоводство становится любимым занятием Генриха. Он разбивает цветники близ бассейна, куда, как он узнает, приходит часто за водой Флёретта и вместе с отцом усердно ухаживает за растениями.

Завязывается знакомство. Польщенная вниманием высокопоставленного принца и очарованная его красотой и молодостью, Флёретта влюбляется в него.

Молодые люди на седьмом небе, блаженствуют... Но в дело вмешивается суровый воспитатель принца, де ла-Гошери. Находя, что подобного рода знакомство неприлично для принца, он всячески убеждает его бросить Флёретту, а когда тот не соглашается, устраивает его отъезд домой в По.

Делать нечего, приходится расстаться, но принц клянется Флёретте, что никогда ее не забудет и возвратится в Нерак при первой же возможности.

Бедная Флёретта не верит этому, в отчаянии ломает руки, льет горькие слезы и говорит, что ей остается одно — умереть.

«Видите ли Вы, — добавляет она в ту минуту, когда раздается звон дворцового колокола, возвещающий, что все готово к отъезду, — видите ли Вы этот бассейн, образованный из заводи Гаронны? Откуда бы и когда бы Вы ни приехали, Вы всегда найдете меня здесь!»...

Принц уезжает. Проходит несколько месяцев.

Ветреный по своему характеру, он вскоре забывает Флёретту и начинает ухаживать за другими. До Флёретты все это доходит. Не раз он приезжает в Нерак, но всегда увлекается кем-нибудь другим, забыв о бедной Флёретте.

Но вот однажды, гуляя в саду замка, он случайно встречается с Флёреттой, которая за это время сделалась еще прелестнее. Любовь моментально вспыхивает в нем с прежней силой.

Он ласкает ее, умоляет простить его забывчивость и прийти к нему на свидание к бассейну, где они прежде встречались.

«Хорошо, — отвечает Флёретта, — в 8 часов я буду там».

Вне себя от радости принц спешит в 8 часов на свидание. Приходит, но никого не находит.

Ждет полчаса, ждет час. Тогда, разочарованный, раздраженный, хочет возвратиться в замок, как вдруг замечает на месте, где он всегда встречался с Флёреттой, маленький колышек, а на нем записку.

Но уже вечер, темно — ничего не разберешь.

«Я Вам сказала, что Вы всегда найдете меня в бассейне. Поищите хорошенько... может, найдете... Вы больше меня не любите. Что мне делать, видно, уж такая судьба. Боже

милостивый, прости меня, грешную!»

Угадав смысл записки, принц в отчаянии. Звонят в колокол, сзывают людей. Все с фонарями и факелами бегут к бассейну и действительно находят в нем тело утопившейся Флёретты.

Бедняжка предпочла смерть терзаниям любви.

Горе Генриха было неопишимо. Сколько раз он после этого ни ухаживал за первыми красавицами, сколько раз ни влюблялся, но не мог забыть Флёретты.

Невидимая тень ее преследовала его всегда и всюду; и даже, будучи уже стариком, он не раз вспоминал свою чистую душой, прелестную деревенскую розу и горько, горько ее оплакивал.

Таким же цветком горя роза явилась вначале и в истории Англии.

Почти неизвестная здесь до XIV столетия, она появилась при дворе английских королей незадолго до начала кровавой распри между домами йоркским и ланкастерским и так пленила их своей красотой, что тот и другой поместили ее в своем гербе, причем первый избрал белую, а второй — алую. Вследствие этого распря, возникшая при Генрихе VI Ланкастере за право на английский престол с Эдуардом Йоркским, и носит, название войны Алой и Белой розы⁵.

Об этом избрании роз мы находим у Шекспира в его хронике «Генрих VI» такую сцену.

Дело происходит в 1450 году в парке Тампльб у куста роз. Собралось многочисленное собрание, чтобы обсудить, кого избрать на трон.

Приходит Плантагенет, один из имеющих право на престол, и все, смутившись, умолкают.

Тогда Плантагенет (представитель дома Йорка) говорит: «Пусть всякий дворянин, кто чтит высоко свое званье и верит в то, что я не буду лгать, сорвет со мной вот эту белую розу».

Сомерсет: «А тот же, кто не трус, не льстец и смело стоит со мной за правду, пусть тот сорвет эту красную».

Варвик: «Я ненавижу всякие румяна и потому сорву без всякой лести с Плантагенетом белую».

«В таком случае, — говорит Йорк (2ч. 1 акт), — я поднимаю высоко молочно-белую, пусть она будет красоваться на штандарте Йорка, чтобы вести борьбу с Ланкастером»...

И вот в минуту, когда Ричард Плантагенет вступает на трон, король Генрих является со своей свитой — все с красной розой на шляпах.

Тогда, вне себя от гнева, Ричард восклицает: «Нет, я не успокоюсь до тех пор, пока моя белая роза не окрасится теплой кровью Ланкастеров в красную»...

И вот под знаменем этих-то двух мирных роз и разгорается страшная, ожесточенная братская война, которая длилась, как известно, 30 лет с лишком, была крайне кровопролитна и отличалась большими жестокостями как с той, так и с другой стороны.

Кусты, с которых были сорваны эти две исторические розы, находились в Лондоне в парке Тампль до последнего времени и погибли лишь несколько лет тому назад.

Впоследствии в воспоминание об этой расправе английские садоводы даже вывели особый сорт розы, получивший название «Ланкастер-Йорк» и отличавшийся тем, что на одном и том же кусте эта роза давала и белые и алые цветы.

Однако, отпраздновав так печально свое вступление в Англию, царица цветов вскоре сделалась всеобщей любимицей.

Служа сначала лишь отличительным знаком актеров, которые, по предписанию королевы Елизаветы, могли являться вне театра в обыкновенном платье, но с розой на башмаках, она вскоре сделалась принадлежностью костюма всех щеголей и щеголих Англии. Щеголи носили ее за ухом, причем, чем крупнее был цветок, тем это считалось шикарнее. Розу носили не только летом, но и зимой, а так как в зимнее время в те времена живая роза являлась еще большою редкостью, то людям со средними средствами приходилось заменять живую искусственной. Вскоре с живой розой за ухом стала появляться и сама королева Елизавета, и даже с такой розой чеканили одно время ее изображение на серебряных монетах.

Наконец, роза сыграла интересную роль еще и в жизни покойной королевы Виктории.

Рассказывают, что, когда приехавший в Англию свататься за королеву Викторю и, скажем между прочим, очень нравившийся ей принц Альберт Кобургский появился на данном в его честь придворном балу, королева в знак своего расположения отшпилила от корсажа розу и передала ему.

Очарованный таким вниманием, принц пришел в восторг и, не найдя на своем фраке петли, куда бы ему прикрепить драгоценный подарок, не задумавшись ни на минуту, сделал перочинным ножом на фраке, как раз против сердца, крестообразный надрез и воткнул в него подаренную розу.

Эта находчивость и цена, которую он придал ее небольшому знаку внимания, окончательно пленили Викторю и решили ее участь. Она согласилась на сделанное ей принцем предложение и стала его женой.

Наконец, роза была и последним цветком, унесенным столь любившим розы королем Эдуардом VII из этого мира. Прощаясь с ним навеки, когда он лежал уже в гробу, вся в слезах, королева Александра вложила ему в руку чудную белую розу.

1 Картина написана в 1473 году и принадлежит кисти художника Мартина Шонгауэра, находится в церкви св.Мартина в г.Кольмаре (Франция). Другая картина с тем же названием, написанная Стефаном Лохнером (умер в 1451 г.), находится в одном из музеев Кельна (Германия). Существует картина неизвестного верхнерейнского мастера, относящаяся к 1410 — 20 гг., изображающая Деву Марию в саду (среди кустиков клубники) с младенцем, которому она протягивает цветущую розу. На заднем плане — цветущие кусты роз. Картина находится в городском музее г.Золотурна (Швейцария).2 Моховые розы — одна из старинных групп садовых роз, отличающаяся мохообразными железистыми выростами на цветоножках и особенно на чашечках и чашелистиках цветов, выделяющими сильнопахнущие смолистые вещества.3 Мирро —ароматическая смола или получаемое из нее масло некоторых южных деревьев, использовавшиеся при религиозных обрядах (миропомазание в христианстве).4 Минерва — богиня мудрости, покровительница ремесла, отождествлявшаяся в Риме с Афиной.5 Война Алой и Белой розы(1455 — 1485) — междоусобная война в Англии, принявшая форму борьбы за престол. Гибель в войне главных представителей обеих династий обеспечила установление абсолютизма Тюдоров.6 Этот парк так густ и прекрасен, что в нем и до сих пор происходят выставки садоводства. (Прим.авт.).

Роза в Германии и у нас

Сказание о розовом саде в Вормсе

Роза — эмблема масонов

Роза короля Вильгельма

Роза — символ благородного рыцарства

Курьезный случай с розой

В Германии роза (шиповник) появляется еще во времена язычества.

В древнегерманских сагах она посвящается царице неба Фригге, во многих местностях до сих пор ее называют Фриггадорн. Рвать ее позволялось только в пятницу — день, посвященный Фригге. Она росла на местах, где прежде были капища и где совершались кровавые жертвоприношения.

Розой пользуется также и германский бог огня Локи при наступлении весны. Он смеется, и от его смеха холод бежит, снег тает и земля покрывается розами.

Она же играет роль и в сказании о Брунгильде, когда та, сделавшись валькирией, долг которых был переносить с поля битвы души героически погибших за отечество воинов в Валгаллу¹, изменяет данному ею обету и, вмешавшись в битву двух королей, помогает одержать победу тому из них, которому Вотан², бог войны, предназначил погибнуть. В наказание за это разгневанный Вотан подкладывает ей под голову ветку дикой розы (шиповника) с мохообразными наростами, и Брунгильда и все ее окружающее погружаются в глубокий сон, от которого она может проснуться только тогда, когда какой-либо принц придет ее разбудить.

Словом, происходит все то, что служит прототипом существующей у нас сказки «О спящей красавице», которая по-немецки носит название «Дикой розочки».

В это же время красная роза служит символом меча и смертельной раны, и потому в танцах меча, происходивших позднее на севере, особенно в Гессене, розой называли также еще и крышу, образованную из мечей над царицей праздника. Вследствие же этого в германских сказаниях розовыми садами назывались часто также и поле битвы, и поле смерти, а впоследствии название это перешло и на кладбища.

С другой стороны, однако, садом роз называется в сказании о Нибелунгах и настоящий сад роз. Особенно же оригинально встречающееся там сказание о розовом саде в Вормсе.

Король Гибих, говорит это сказание, после одной кровопролитной битвы устроил своей дочери Кримгильде сад из роз. Он имел 1,5 версты³ в окружности, и среди него росла гигантская липа, в тени которой могло поместиться более 500 женщин. Этот сад охранялся 12 героями, славнейшим из них был Зигфрид. Каждому из рыцарей давался в награду поцелуй и венок из роз. Гильдебранд взял венок, но пренебрег поцелуем. Находившийся же среди рыцарей монах Ильзам, наоборот, не довольствуется одним венком и поцелуем, а требует такое же число венков и поцелуев и для своих 52 монастырских братий. Возгорается борьба, и, победив 52 рыцарей в единоборстве, монах получает желаемое.

Вообще, в древнегерманских сагах розовый венок служит часто или предметом вызова на единоборство, или победной наградой рыцарю, передаваемой ему дамой сердца, или же, наконец, знаком, что любовь его услышана.

С водворением в древней Германии христианства перенеслось в него и языческое поклонение розе.

По христианскому сказанию, белые садовые розы обязаны своим происхождением Пресвятой Деве Марии. Они выросли на кусте, на котором она вывесила просушить Христовы пеленки. Вследствие этого в средние века считалось, что роза имеет устрашающее влияние на ведьм и оборотней — при прикосновении к ней они немедленно вновь превращались в человека, а ведьмы уличались.

Любопытно также возникшее в это время сказание о происхождении загнутых шипов розы.

По сказанию этому, сатана, будучи свергнут Господом с неба, задумал вновь подняться и для этого избрал шиповник, прямые стволы которого с их шипами могли бы служить ему как бы лестницей. Но Господь угадал его мысли и согнул стволы шиповника. Тогда рассерженный сатана согнул и шипы. И вот с тех пор шипы роз не прямые, а загнутые вниз и цепляются за все, что до них ни дотронется.

Тогда же сложилось и сказание о тысячелетнем и поныне существующем в Хильдесгейме розовом кусте. Куст этот растет там на кладбище св. Анны, близ собора, и разрастается, опираясь на внешнюю стену хоров небольшой готической капеллы. О происхождении его предание рассказывает следующее.

После смерти Карла Великого сын его Людовик Благочестивый велел соорудить в Эльзе, в Саксонии, церковь и приказал считать ее главной. Но однажды, охотясь в этой стране зимой, Людовик потерял свой нательный крест, содержащий в себе частицу святых мощей. Начались поиски, и наконец слуга нашел этот крест среди снега на покрытом цветами розовом кусте. Но когда он хотел снять его, куст не пускал, и, несмотря на все усилия, должен был вернуться домой без креста и рассказать об этом чуде.

Тогда за крестом отправился сам Людовик и, приехав на место, увидел на снегу громадное пятно, которое имело форму плана собора, в верхней части которого находился розовый куст.

Сняв крест, он приказал построить на этом месте собор и сохранить при нем чудесный куст. Вместе с тем туда было переведено из Эльзы епископство и получило название Hilde-Schnee, т. е. глубокий (большой) снег; отсюда впоследствии образовалось и слово Хильдесгейм.

Мало-помалу куст этот превратился в громадное, имеющее несколько сажен высоты, дерево, которого существует и поныне и покрывается ежегодно тысячами великолепных роз.

С средних же веков роза начинает играть также роль таинственного знака разных тайных обществ.

Прежде всего ее изображение в виде букета роз, который держит в руках рыцарь, появляется на топорах членов средневековых тайных, иначе, вестфальских судилищ, и члены этих грозных общин обязываются целовать каждую розу, которую увидят.

Затем, в XVI столетии, ею украшаются франкмасоны в Иванов день, и она, по-видимому, служит знаком для некоторых из их лож. По крайней мере, при перестройке Гейдельбергского замка были найдены в земле изображения циркуля в венке из пяти роз.

Наконец, развившееся из франкмасонства, основанное немецким ученым Андреасом мистическое общество розенкрейцеров избрало своим знаком также венок из роз с шипами, внутри которого находился Андреевский крест. Под изображением этим находилась надпись: «Cruz Christi — corona christianorum» (Крест Христов — венец христиан).

В противоположность этим тайным мистическим обществам своей эмблемой имело розу основанное герцогом Шартрским в 1780 году общество «Розана», представлявшее просто

собрание золотой молодежи и куртизанок, а также и парижское общество, носившее название «Розати», членами которого могли быть только поэты, вообще люди, написавшие какое-либо стихотворение.

Наконец, изображение венка роз в пятиугольнике из звезд служило знаком основанного бразильским императором Дон Педро I ордена Роз, получить который считалось величайшей честью. Кроме того, изображение ее то и дело встречалось в гербах знатнейших рыцарских родов, дворянских фамилий и в гербах городов. Между прочим, розу имел в своей печати и Мартин Лютер.

Но оригинальнейшим памятником, которому роза служила когда-либо украшением, является построенный в XVII столетии в городе Бремене городской винный погребок.

Это вакхическое святилище, существующее и поныне, было разделено внизу на четыре отделения. В конце третьего отделения красовалась на стене надпись: «Здесь цветет роза» и хранилось 12 бочек Рюдесгеймера 1624 года, каждая из которых содержала в себе 1.500 бутылок. Вино это называлось «Вином розы». В прошлом столетии погребок этот служил местом заседаний городского совета. В зале, где они происходили, находится гигантское изображение розы с латинской надписью: «Зачем зал Вакха эта роза украшает? А потому, что без хорошего вина и сама Венера зябнет».

Подобными же изречениями, прославляющими красоту и значение розы для человека, украшены и остальные стены залы. В конце четвертого отделения находится зала 12 апостолов, в которой хранятся 12 бочек Гохгейма 1718 года; каждая из них носит имя одного из апостолов.

В прежнее время «Вино апостолов и розы» давали только тяжелобольным или в каких-нибудь особенных случаях. Теперь же его прямо продают всем желающим. Несколько капель этого вина распространяет удивительно приятный запах, но пить его не представляет уже удовольствия, так как оно чересчур густо, вроде какого-то масла.

Скажем еще несколько слов о волшебном и целебном значении розы.

По примеру фессалийских волшебниц древнегерманские ворожеи пользовались ею для привораживания. Для этого они давали девушке, желавшей приворожить милого, такой совет: «Возьми три розы: одну темно-красную, одну розовую и одну белую, и носи их три дня, три ночи и три часа на сердце, но так, чтобы этого никто не видел. Затем прочитай три раза «Отче наш» и три раза «Богородицу», сопровождая молитвы крестным знаменем. После чего положи эти три розы на три дня, три ночи и три часа в бутылку вина и дай выпить этого настоя предмету твоей любви, но опять так, чтобы он не знал, что в вине находилось. И тогда он полюбит тебя всей душой и будет тебе верен до конца своей жизни».

Что касается до лечебных ее свойств, то розовые лепестки накладывались на лицо, чтобы придать ему юношескую свежесть, настой из сваренных в розовом масле пчел употребляли как средство для ращения волос, а собранная на розах роса считалась лучшим средством против воспаления глаз.

Укажем теперь еще на ту роль, которую сыграла роза в некоторых исторических событиях Германии.

Так, при заключении Тильзитского мира прусским королем Фридрихом Вильгельмом III с Наполеоном I, когда возник вопрос об отторжении от Пруссии всех лежащих на западе от Эльбы провинций, королева Луиза решила отправиться к грозному победителю и попытаться смягчить его суровое требование. Наполеон I принял ее очень любезно и, когда зашел разговор об оставлении за Пруссией города Магдебурга, как галантный кавалер поднес ей из стоявшей на столе вазы чудную розу. Думая, что эта роза означает как бы знак согласия на

ее просьбу, королева Луиза, принимая ее, прибавила: «И с Магдебургом, не правда ли?» Но тут надменный корсиканец мгновенно переменялся и резко ей сказал: «Я должен заметить Вашему величеству, что я один предлагаю, а Вам вольно соглашаться или не соглашаться». Поступок этот произвел удручающее впечатление на всю Пруссию, но с тех пор пруссаки всячески стремились отомстить за тильзитскую розу, что, наконец, и исполнили, взяв Париж и контрибуцию в 5 миллиардов в 1871 году.

Тот же король Фридрих Вильгельм III, как известно, страстно любивший розы, устроил у себя в Потсдаме, среди чудного парка, небольшой островок роз, известный под названием «Павлиньего острова», где проводил свои лучшие часы досуга. Здесь были собраны все имевшиеся тогда сорта и разновидности роз, так что местечко это представляло собой нечто вроде римского Пестума. Фридрих Вильгельм любил этот уголок не менее, чем известный Гарун-аль-Рашид свой розовый сад, и не одно доброе дело совершилось здесь.

В 1829 году в этом розовом парке произошло выдающееся событие. Принцесса Шарлотта Прусская была помолвлена с императором Николаем Павловичем, и в день ее отъезда был устроен праздник роз. Праздник этот был назначен как раз в день ее рождения, 13-го июля.

С ранней юности принцесса Шарлотта, как и отец ее, была большой любительницей роз, но особенно любила она белые розы, за что ее даже в кругу семьи прозвали белым цветком. И вот эти-то белые розы и должны были послужить центром всего предполагавшегося волшебного праздника.

Сама будущая всероссийская императрица, сидя под золотым, изукрашенным драгоценными камнями балдахин, изображала из себя волшебную белую розу, а ожившие из преданий во всем своем блеске и красоте рыцари круглого стола короля Артура окружали ее, готовые копьем и мечом со щитом защитить свою повелительницу.

Наследный принц Фридрих-Вильгельм, изображавший рыцаря белой розы, был одет в блестящее, затканное серебром платье, с цепью ордена Черного Орла на шее и с шлемом с приподнятыми орлиными крыльями на голове. На его блестевшем, как солнце, щите красовалась надпись «С нами Бог».

Чтобы украсить весь сценарий, были отовсюду свезены тысячи тысяч белых роз. Ими украшены были все знамена, они обвивались гирляндами вокруг древков, венками из них были убраны головы всех приглашенных дам и самой царицы, ими же, наконец, были усыпаны все ступени и разубран трон.

В память об этом празднике каждая из присутствовавших дам получала от будущей императрицы серебряную розу, на листьях которой были вырезаны год и число. В самой же королевской семье память об этом дне сохранилась в виде изящного бокала с серебряной розой на крышке, хранящегося во дворце в Берлине, и картины аль-фреско на стене одной из зал Потсдамского дворца, изображающей главную сцену этого памятного торжества.

Много лет прошло со времени этого празднества, и большинство рыцарей и сама роза уплатили дань природе — отошли в вечность. Только один продолжал оставаться таким же бодрым, как и прежде, — это брат покойной императрицы Александры Феодоровны, будущий император германский. К нему-то 13-го июля 1869 года собралась во время его пребывания в Эмсе небольшая кучка оставшихся в живых участников потсдамского праздника и поднесла изображавшую его самую роскошную серебряную статуэтку и два памятных листка. На одном из них была изображена сцена передачи принцессой Шарлоттой белой розы бывшему в то время наследному принцу прусскому.

Прошло еще два года, и совершилось отмщение за розу Наполеона I — кровавая победа при Седане. Несколько дней спустя магистрат города Берлина получил пакет, в котором оказалась увядшая белая роза и при ней записка следующего содержания:

«Высокоуважаемому магистрату города Берлина посылает один из борцов в битвах при Гравелотте и Седане белую розу, которую он сорвал на поле сражения, среди грохота пушек и адского неприятельского огня, и почтительнейше просит передать ее той из дам, которая наиболее отличалась в попечении о раненых». Подписано: «стрелок 3 роты гвардейского стрелкового батальона».

Магистрат, собравшись в полном своем составе, решил, что никто более не достоин этой расцветшей и сорванной на кровавом поле битвы розы, как императрица Августа, которая была истинным ангелом-хранителем и попечительницей всех раненых, и с этой целью отправил к ней для поднесения розы целую депутацию. Но императрица, со свойственной ей скромностью, отклонила это подношение и просила отослать розу в лазареты на поля битв, где работали неустанно сестры милосердия и многие высокопоставленные дамы и девушки. «Там, — сказала она, — найдется достойная более меня». А до того времени роза была вставлена в роскошную рамку под стеклом и повешена в маленькой молельне императрицы, где она проливала столько слез и проводила столько бессонных ночей, молясь за родину и за бедных героев и их матерей. С этой-то розы, служившей как бы символом благородного рыцарства, и были сняты многочисленные фотографии, хранящиеся как изображение исторического памятника во многих немецких семьях.

Что касается достойнейшей, то и на полях битвы не нашлось более достойной, чем императрица Августа, а потому ей же по окончании войны она была и поднесена.

Но не одна императрица удостоилась чести получить розу с поля битвы, — такую же розу получил и сам император. Это случилось 19-го августа 1870 года в Горзе, небольшом городке недалеко от Седана.

У открытого окна одного из деревенских домиков сидел тяжелораненый офицер, держа в здоровой руке розу. Вдруг раздались крики: «Едет, едет король!», и у самого окна действительно показался король. Мгновенно вспыхнули щеки молодого офицера румянцем, и, не зная, как выразить свою глубокую преданность, свой, может быть, навеки прощальный привет возлюбленному монарху, он бросил ему единственное сокровище, которым в данную минуту обладал, — свою розу.

Король приказал поднять эту розу и вложил ее в петлицу. Доказательством тому, что он не забыл об этом подарке, служит следующее собственноручное письмо, посланное им много времени спустя бросившему эту розу полковнику фон Цедлицу: «С благодарностью вспоминая о той незабвенной минуте, когда, будучи тяжело раненым в Горзе 19-го августа 1870 года, Вы при проезде моем близ Вашего смертного одра поднесли мне розу, посылаю Вам прилагаемый при сем мой портрет. Пусть будут знать в позднейшее время, как Вы вспомнили в такую тяжелую минуту о Вашем государе и как государь остался Вам за это благодарен.

Рождество 1871 г. Король Вильгельм».

Другим воспоминанием об этой розе служит памятник, воздвигнутый в Горзе. Памятник этот изображает скалу, наполовину прикрытую национальным прусским черно-белым знаменем. Наверху скалы, посередине, стоит каска пехотинца, обвитая дубовым венком, листья которого покрыты сильной росой слез. К каске прислонен орден железного креста с лентой. А под всем этим, внизу, в середине широкой золотой рамы помещена сделанная из матового серебра роза императора.

Переходя к нашему отечеству, надо сказать, что к нам роза впервые попала лишь в XVI столетии, как это мы узнаем из записок «*Rerum Moscovitarum Commentarii*» немецкого посла барона Герберштейна при русском дворе в 1517—1526 годах. Роза, конечно, в это время была лишь достоянием царского двора и некоторых сановников, народ же был с ней

незнаком4.

Некоторые немецкие ученые, однако, предполагают, что празднуемая у малороссов и белорусов испокон веков «русальная седмица» имеет своим происхождением римские розалии, которые сперва перешли к славянским племенам на Балканском полуострове, а оттуда уже и к нам. Седмица эта, как известно, ведущая свое начало от языческих времен, совпадает с праздником Св. Троицы, во время которой и теперь у балканских славян уцелел обычай бросать розы с церковной колокольни.

О русалиях мы не раз встречаем упоминание в разных старинных летописях, в том числе и у Нестора, который в летописи от 1067 года, восставая против всех языческих суеверий, говорит, что дьявол отвлекает людей от Бога «трубачи и скоморохи, гуслими и русалиями». Празднества эти сопровождались плясками, музыкой и переряживанием.

Существует даже мнение, что и название русалок происходит от русальи, так как они, по народным поверьям, начинают выходить из воды поиграть, начиная с Троицына дня, и только тогда уже разгуливают по земле и живут в лесах на деревьях.

Что касается до самой розы, то как украшение наших садов она стала появляться лишь при Петре I и особенно при императрице Екатерине II, что видно из следующего курьезного случая.

Однажды, в царствование императора Николая Павловича, генералу Клингену было поручено сопровождать мать государя, императрицу Марию Феодоровну, в Царское Село. Прогуливаясь по парку, генерал был удивлен, увидев часового, стоявшего с ружьем у совершенно пустого места на дорожке. Заинтересовавшись этим, он обращался с вопросом о причине нахождения часового ко всем придворным, но никто ему не мог ответить — все говорили только, что так полагается по регламенту. Тогда он стал наводить справки в С.-Петербурге у высшего начальства и получил ответ, что пост этот занимает часовой уже более 50 лет и что в приказах только значится: «сохранять пост, находящийся в 500 шагах от восточного павильона».

Приезжая время от времени в Царское Село и отправляясь осматривать почти каждый раз загадочное место, охранявшееся часовым, генерал мало-помалу заинтересовал этим вопросом всех и даже самую императрицу. И вот однажды он, наконец, узнал от нее следующее.

Оказалось, что часовой этот был поставлен здесь по приказанию императрицы Екатерины II, которая, прогуливаясь как-то раз по саду, заметила великолепную только что распутившуюся розу и, желая поднести ее на следующий день в подарок одному из своих внуков, приказала приставить к ней часового, чтобы никто ее до этого времени не сорвал. На следующий день, однако, она забыла про понравившуюся ей розу, а часовой так и остался.

Проходили годы, давно скончалась императрица, давно пропал и самый розовый куст, а часовые продолжали сменяться на том самом месте, где он когда-то рос. Вскоре, однако, после этого случая загадочный пост часового был отменен.

Скажем еще, что так часто встречающаяся у нас фамилия Розанов ведет свое начало также от розы. Один из носящих эту фамилию сообщил нам следующее.

Известный петровский вельможа и первый русский канцлер граф Г. И. Головкин был страстным любителем садоводства, особенно, роз. И для того, чтобы разводить их, он устроил в своем подмосковном имении, селе Клевине (Серпуховского уезда), великолепный розовый сад и для ухода за ним выписал даже из Англии особого садовника. Но один англичанин не в состоянии был управиться со всем садом, и потому ему было дано в помощь несколько русских крепостных, среди которых один вскоре так наострился в уходе за розами,

что перещеголял самого англичанина. Граф был от него в восторге, отпустил его и всю его семью на волю и приказал ему именоваться Розановым. И вот от этого-то садовника и ведет свое начало большинство лиц, носящих теперь эту фамилию.

1 Валгалла, точнее Вальхалла, — в древнескандинавском эпосе — чертог мертвых, куда попадают после смерти павшие в битве воины и где они продолжают прежнюю героическую жизнь. 2 Вотан, он же Один — верховный бог в скандинавской мифологии. 3 Верста — русская мера длины; равна 1.0668 км. 4 Имеются в виду садовые сортовые розы, ведь дикие виды шиповника, которые относятся к роду роза и послужившие исходным материалом для селекции садовых роз, широко распространены на территории нашей страны.

Роза за последнее время

Современные розы

История розы «Chevette»

Роза «La France» и «Вальс роз»

Все до сих пор рассказанное нами о розе касалось главным образом роз центифольной¹ и моховой — тех чудесных махровых роз, которые составляли некогда красу наших старинных помещичьих садов и парков.

Современные розы — чайная, бурбонская, ремонтантная, со всеми их бесчисленными гибридами, появились гораздо позднее. Это, большей частью, уже дети наших дней.

Чайная роза, называемая так за свой дивный чайный запах, была привезена в Европу лишь в начале XIX столетия, и притом розовая — в 1860 году из Ост-Индии, а желтая — в 1824 году из Китая.

От помеси этих-то двух видов и получились те сотни, даже тысячи гибридов чайных роз, которые составляют красу наших современных цветников².

Сюда относятся и знаменитая роза Mar?chal Niel, La France, Caroline Testout, La belle Siebrecht, Gloire de Dijon, Souvenir d'un ami, Kaiserin и сотни других.

Бурбонская³ была привезена с острова Борбон в 1819 году, где кустики ее были случайно найдены директором тамошнего Ботанического сада г-ном де Бреон, а так называемая ремонтантная⁴ получилась от помеси бенгальской розы, привезенной в Европу в 1789 году из Кантона, с сейчас упомянутой — чайной.

Гибриды, полученные от этих роз, насчитываются также тысячами. Среди них находятся такие красавицы, как Ульрих Бруннер, Поль Нейрон, Виктор Вердье, фрау Карл Друшки и другие.

Все эти чайные, бурбонские и ремонтантные розы получали свои названия от городов, местностей или лиц, которым были посвящены, и потому многие из них также имеют свою интересную историю.

Знаете ли вы, например, прелестную, как бы из воска сделанную розовато-белую розу, носящую название «Souvenir de la Malmaison» (память о Мальмезоне)?

Это действительно память о когда-то чудном саде экзотических растений замка Мальмезон, память об устроившей его страстной любительнице роз императрице Жозефине, первой жене Наполеона, его счастливой звезде, как ее когда-то называли. Покинутая, забытая Наполеоном, бедная Жозефина, желая как-нибудь смягчить свое горе, ослабить тяжелую для себя разлуку с человеком, которого она обожала до последних своих дней, увлеклась растениями.

Собирая со всех концов мира интересные растения, она составила в парке Мальмезон коллекцию таких цветов, каких до этого времени в Европе не существовало.

Среди них находилась и присланная ей с острова Борбона бурбонская роза, получившая название «Сувенир де ля Мальмезон». Чудная эта роза и до сих пор является прекрасным цветком, несмотря на свое более чем столетнее существование. Жозефина носила всегда эту розу в волосах, когда у нее не было ее любимой фиалки.

Другой интересной розой является сочно-розовая, переходящая в малиновый цвет ремонтантная роза «Paul Neuron» — память об одном молодом, подававшем блестящие надежды лионском студенте-медики — страстном любителе роз. Отправившись на войну с Германией в 1871 году, он погиб смертью героя.

Узнав о том, что он отправляется на защиту дорогого отечества, сосед его, садовод Левэ посвятил ему эту чудную, действительно обессмертившую его имя розу. А когда он погиб, то назвал в его память другую, не менее прелестную, — бланжевую розу «Souvenir de Paul Neuron» — память о Поле Нейроне.

Одной из прелестных, несравненных по своей красоте и необычайному обилию цветов является также чайная роза «Маршал Ниель», посвященная этому военному герою в память об его воинских доблестях во время Крымской кампании, где он командовал корпусом инженеров, а также и в память торжественного открытия им Ботанического сада в Монтобане, где он присутствовал в качестве председателя и страстного любителя роз.

Но самая интересная в историческом отношении из ремонтантных роз носит название «rose Chevette» — имя Шеве — садовода в Баньоле, в окрестностях Парижа.

Шеве, живший в царствование Людовика XVI, был преданнейшим из роялистов. Он славился своим искусством получать гибриды роз, наиболее выдающейся из них была роза, которую он окрестил своим именем — «Rose Chevette». Обширное его садоводство, всегда изобиловавшее самыми красивыми розами, постоянно привлекало к себе всеобщее внимание высокопоставленной публики и посещалось отборным французским обществом. Раза два или три в год у него бывал даже и сам король с королевой Марией-Антуанеттой. Осчастливленный такой высокой, особенно для того времени, милостью, Шеве, само собой разумеется, обожал и того, и другую.

Вдруг разражается революция. Король гибнет на эшафоте, а Марию-Антуанетту заключают в темницу в Тампль.

Мысль о том, что обожаемая им королева томится в темнице и ей, быть может, грозит смертная казнь, не покидает садовника ни на минуту. Он мучается и горит желанием помочь ей.

И вот вдруг ему сообщают, что образовался тайный заговор с целью освободить королеву и на него рассчитывают: чтобы он как-нибудь нашел возможность известить ее об этом.

Что же делает Шеве? Он нарезает великолепнейший букет своих чудных роз, кладет в него записочку, извещающую королеву о часе и способе побега, и, отправившись в темницу, бросает его ей через ограду в каземат.

Но стража не дремлет. Заметив брошенный букет, она захватывает и букет, и записку.

Шеве арестовывают, передают суду и приговаривают к смертной казни.

Возведенный уже на эшафот, Шеве, однако, не теряет энергии. Перед смертью он просит позволения сказать несколько слов судьям и, когда это ему разрешают, обращается к ним с просьбой, чтобы кто-нибудь из них после его смерти взял на попечение его 17 детей.

Пораженные этим неожиданным сообщением, судьи решают подарить жизнь отцу такого многочисленного семейства, но при условии (а условие это вытекало из царившей в то время страшной дороговизны съестных припасов), чтобы он уничтожил весь свой сад и все розы и засадил его картофелем.

Пришлось, конечно, согласиться — так погибла и та самая красивая роза, которая составляла его славу. Но, погибнув для садоводства, она оставила память по себе в летописях.

Одной из прелестнейших новых роз считается также чудная розовая чайная, носящая название «Франция» — «La France».

Роза эта неоднократно играла свою роль в разных проявлениях патриотизма и выражениях международных симпатий французов.

Когда в 1888 году возникла во Франции партия буланжистов, приверженцев генерала Буланже, мечтавших поставить его во главе Франции, то основанная графиней Парижской монархическая лига, не потерявшая надежду возвести когда-нибудь снова на французский престол Бурбонов, избрала розу «La France» своей эмблемой в противоположность буланжистам, избравшим своей эмблемой красную гвоздику.

Когда монархистов спрашивали, отчего они избрали эту розу, а не старую эмблему Бурбонов — белую лилию, то они отвечали: царица цветов — цветок царицы (королевы).

Кроме того, они сделали себе изображение этого цветка из золота и носили его: дамы — в виде броши, а мужчины — в виде булавки для галстука.

Та же роза служила приветом при прибытии и встрече графини Парижской и дочери ее Елены в 1890 году в Клерво — замке герцога де Люина, ее сына.

Весь экипаж и гривы лошадей были убраны этими розами, а когда они уезжали обратно в Париж, то группа монархистов и представители монархической прессы поднесли им громадный букет этих дивных роз.

Та же прелестная роза послужила выражением симпатий Франции к России при кончине императора Александра III. На гроб его был возложен присланный из Франции чудный венок из этих роз перемежку с фиалками «Le Tzar», а два года спустя, когда вдовствующая императрица Мария Феодоровна, возвращаясь из Ниццы, была встречена французским президентом Фором в Фуаре, то в благодарность за любезное внимание, оказанное в Ницце больному цесаревичу Георгию Александровичу, милостиво дала ему розу «La France».

С гибридами же новых роз: «Оливье Метра», «Жорж Бараль» и «Эдуард Лефор» — связано появление в свете наделавшего в свое время столь много шума «Вальса роз» Оливье Метра.

Знаменитый вальс этот, обошедший затем весь мир, был написан им для одного из парижских литературных собраний Арсена Гуссе, носивших название «Желтого дивана».

Это было в ноябре 1886 года. В этот день у Арсена Гуссе собрался весь цвет парижских литераторов и садоводов на блестящий банкет, устроенный им по поводу посвящения

вышеуказанным лицам розистом Вердые трех новых гибридов роз.

Банкет вышел на славу. Желая в свою очередь придать некоторую торжественность этим крестинам и в то же время отблагодарить Вердые за любезность, Оливье Метра посвятил свой новый вальс его розам — и во время банкета он был сыгран в первый раз...

В заключение скажем, что из выдающихся поэтов последнего времени особенно увлекался розами Виктор Гюго. Он всегда говорил, что ничего так не желал бы, как умереть в пору цветения роз. И желание его исполнилось. Он умер как раз в конце мая, когда они в полном расцвете; гроб его буквально утопал в розах.

1 Центифольные или столитные, розы — старинная группа роз, появившаяся впервые в XVI в.; большинство сортов выведено во Франции; были очень популярны в Европе до появления современных садовых роз. Сейчас встречаются редко, лишь в крупных коллекциях. 2 Сейчас более популярна группа чайно-гибридных роз, происшедших от скрещивания ремонтантных роз с чайными. Первый сорт этой группы был получен в 1867 году. 3 Исходная форма бурбонских роз предположительно является гибридом между розами китайской и дамасской. 4 Ремонтантные розы (дающие повторное цветение) появились около 1820 г. в результате гибридизации местных роз — бурбонских, дамасских, французских — с чайной и бенгальской розами. Подробнее см. Былов В.Н., Михайлов Н.Л., Сурина Е.И. «Розы. Итоги интродукции». М., Наука, 1988. 5 Бланжевый — телесный цвет.

Цветок крови — гвоздика

Цветок крови во время чумы

Гвоздика и орден «Почетного легиона»

Гибель молодого Сен-При

Любимица бельгийских бедняков

Гвоздика у обелиска борцам за свободу

Разговоры при помощи гвоздики

«Твой яркий цвет, что капля крови, Эмблема чести и свободы. Тобой клялись, тебя любили И храбрый воин, и поэт...»

Ярко-пунцовый — цвет гвоздики имеет в себе как будто что-то зловещее, напоминающее кровь. И на самом деле, во многих случаях история этого цветка, как оказывается, связана с целым рядом кровавых исторических событий, начиная с самого греческого мифа, повествующего об его происхождении.

Рассказывают, что однажды богиня Диана, возвращаясь очень раздраженной после неудачной охоты, повстречалась с красивым пастушком, весело наигрывавшим на своей свирели веселую песенку. Вне себя от гнева она укоряет бедного пастушка в том, что он разогнал своей музыкой дичь, и грозит его убить. Пастушок оправдывается, клянется, что он ни в чем не повинен, и умоляет ее о пощаде. Но богиня, не помня себя от ярости, не хочет ничего слышать, набрасывается на него и вырывает у него глаза.

Тут только она приходит в себя и постигает весь ужас совершенного злодеяния. Ее начинает мучить раскаяние, образ кротких, умоляющих о пощаде глаз пастушка преследует ее всюду и не дает ей ни минуты покоя, но поправить дела она уже не в состоянии.

Тогда, чтобы увековечить эти, так жалобно смотревшие на нее глаза, она бросает их на тропинку, и в ту же минуту из них вырастают две красные гвоздики, напоминающие разрисовкой своей (есть гвоздики, у которых в середине находится несколько похожее на зрачок пятно) совершенное злодеяние, а своим цветом — невинно пролитую кровь.

Таково вступление гвоздики в историю человечества. Дальнейшая ее история во многом соответствует началу. Но особенно выдающуюся роль она играет в некоторых кровавых событиях Франции.

Первое ее появление здесь относится еще ко временам Людовика IX Святого, когда этот благочестивый король предпринял в 1270 году последний крестовый поход и осадил со своими 60.000 рыцарей город Тунис.

В то время, как известно, среди крестоносцев вдруг разразилась страшная чума. Люди гибли, как мухи, и все усилия врачей помочь им оказались тщетными. Тогда Людовик Святой, твердо убежденный, что в природе против всякого яда существует и противоядие, и обладавший, как говорят, некоторым знанием целебных трав, решил, что в стране, где так часто свирепствует эта страшная болезнь, по всей вероятности, можно найти и излечивающее ее растение.

И вот он остановил свое внимание на одном прелестном, росшем на сухой, почти бесплодной почве цветке. Его красивая окраска, его сильно напоминавший собою пряную индийскую гвоздику запах заставляют его предположить, что это и есть именно то растение, которое ему нужно.

Он велит нарвать как можно больше этих цветков, делает из них отвар и начинает поить им болеющих. И — о, удивление! — настоем оказывается во многих случаях целительным, и чума начинает как будто немного ослабевать¹. К прискорбию, однако, не помогает он, когда заболевает чумой сам король, и Людовик IX вскоре становится ее жертвой.

Возвратись на родину, обожавшие своего доброго короля крестоносцы приносят с собой на память о нем и его гвоздику, которая с этой поры становится во Франции одним из любимейших цветов. Однако ее целебность они приписывают не свойствам самого растения, а святости Людовика IX — как известно, вскоре после этого (1297 г.) папа причисляет его к лику святых. По этой же причине, вероятно, известный ботаник Линней дал ей много столетий спустя научное название *Dianthus*, т.е. божественный цветок.

Проходит несколько столетий, и гвоздика снова появляется в истории Франции.

На этот раз она является любимым цветком Великого Конде (Людовика II Бурбонского) — знаменитого полководца и победителя испанцев в битве при Рокруа (1649г.).

Будучи заключен благодаря интригам кардинала Мазарини, в Венсенскую тюрьму, Конде, не зная, что делать, занялся здесь садоводством и посадил на маленькой грядке у своего окна несколько гвоздик. Увлечшись их красотой, он так ухаживал за ними, с такою любовью растил, что каждый раз, когда распускался цветок, он гордился им не менее, чем своими победами. Словом, цветок этот заменил ему здесь отсутствующих друзей и сделался единственным утешителем.

Современная Конде французская поэтесса м-м Сюдери, посетившая его как раз в это время в темнице и бывшая свидетельницей того, как он лелеял эти цветы, написала на память об этом следующие строки: «При виде этих гвоздик, которые славный воин поливает своей победоносной (выигравшей столько сражений) рукой, вспомни, что и Аполлон строил стены, и

не дивись видеть Марса садоводом».

Между тем жена его, урожденная де Майль-Бриз, племянница знаменитого Ришелье, женщина чрезвычайно энергичная, не оставалась в бездействии. Она подняла восстание в провинции, склонила на сторону Конде палату в Бордо и добилась наконец того, что его освободили из темницы. Узнав об этой неожиданной для него радости, Конде пришел в изумление и воскликнул: «Не чудеса ли! В то время как испытанный воин растит старательно свои гвоздики, жена его ведет ожесточенную политическую войну и выходит из нее победительницей!»

С этой поры красная гвоздика становится эмблемой приверженцев Конде и служит выражением их самоотверженной преданности не только ему самому, но и всему дому Бурбонов, из которого он происходит.

Особенно она стала играть эту роль во времена французской революции 1793 года, когда невинные жертвы террора, идя на эшафот, украшали себя красной гвоздикой, желая показать, что они умирают за своего дорогого короля и бесстрашно смотрят в глаза смерти. В это страшное время цветок тот носит название гвоздики ужаса (oeillet d'horreur).

В это же время он получает особое значение и среди крестьянского населения Франции.

Букетиками из таких гвоздик одевают теперь крестьянские девушки отправляющихся на войну парней своих деревень, выражая им тем самым пожелание как можно скорее возвратиться победителями и невредимыми. Да и сами — как молодые, так и старые — наполеоновские солдаты верят в чудодейственность этого цветка и бережно хранят его при себе, считая его талисманом против вражеских пуль и средством, возбуждающим храбрость в битве. Сколько, как говорят, таких букетиков находили потом на полях битв на груди храбрецов, которым не суждено было более увидеть своей родины!

Вообще понятия о храбрости и беззаветной отваге были настолько связаны — как в народе, так и в войске — с этим цветком, что Наполеон I, учреждая 15 мая 1802 года орден Почетного легиона, избрал даже цвет гвоздики цветом ленты этого высшего французского знака отличия и тем самым увековечил, с одной стороны, роль ее в истории Франции, а с другой — ту любовь, которую питал к ней искони французский народ.

Заметим кстати, что гвоздика пользовалась во Франции еще любовью и у бедного короля Рене, который будучи лишен Людовиком XI своего отцовского наследия — герцогства Анжу, удалился в город Экс в Провансе и занялся там разведением гвоздики. Начатая им здесь культура этого цветка так увлекла впоследствии многих граждан городка, что и поныне, несмотря на то, что протекли с тех пор целые столетия, город Экс славится своими гвоздиками.

Гвоздика была любимым цветком и тщеславного герцога Бургундского, внука Людовика XV, который в юные годы мнил себя великим садоводом. Этому самомнению много содействовал, как говорят, один из придворных льстецов, который каждый раз, как этот принц сажал гвоздику, в ту же ночь заменял ее гвоздикой в полном цвету и уверял, что принц обладает таким магическим влиянием на природу, что посаженное им растение развивается в одну ночь. И как ни странно это может показаться, принц был настолько ослеплен своим величием, что вполне верил этой басне...

Наконец, сроднившись с орденом Почетного легиона, красная гвоздика в 1815 году, когда наступает вторая реставрация, изменяет свое значение и становится эмблемой приверженцев Наполеона, между тем как роялисты, особенно пажы и гвардейцы, избирают своей эмблемой — белую.

Это избрание эмблемы становится, конечно, предметом постоянных кровавых столкновений

между сторонниками той и другой партии, которые кончаются часто очень печально.

Примером может служить история несчастного молодого Сен-При, пажа Людовика XVIII.

Однажды он приехал в гости к своей тетке, статс-даме герцогини д'Ангулем, без всякой гвоздики.

«Как, ты не носишь никакой эмблемы? — спросила она его с усмешкой, — разве ты боишься бонапартистов?»

В это время как раз входила герцогиня д'Ангулем. Услышав эти слова, она сказала: «Упреки Вашей тетушки несправедливы. Я знаю, что Вы, г-н Сен-При, как Баярд², — рыцарь без страха и упрека и преданы нам всей душой».

И говоря это, она взяла из находившегося тут же букета белых гвоздик одну и воткнула ее в петлицу Сен-При.

«Глубоко тронут вниманием Вашего Высочества, — отвечал, кланяясь, Сен-При, — можете быть уверены, что я докажу, что Вы правы».

Вечером, гуляя на бульваре вместе с несколькими товарищами с подаренной ему белой гвоздикой в петлице, он повстречал группу офицеров-бонапартистов, имевших в петлице красную гвоздику.

«Очень маркий цвет, господа, вы носите», — говорит дерзко один из них.

«Да, правда, слишком маркий, чтобы вы могли его носить», — отвечает Сен-При.

Моментально завязывается ссора. Офицер выхватывает свою шпагу, Сен-При — свою. Шпаги скрещиваются, и начинается поединок.

К несчастью, офицер, вызвавший ссору, оказывается известным бретером, и молодой Сен-При, несмотря на всю свою отвагу, не в состоянии долго ему противиться.

Пораженный прямо в грудь, он падает на землю как раз в то время, как подбегает военный патруль, чтобы разнять их.

Заметив солдат, офицеры разбегаются, оставив Сен-При одного.

Поднятый своими товарищами, раненый Сен-При был положен в карету и отвезен в училище.

Случайно в то время, как его подвозили к училищу, проезжала мимо и его тетка с герцогиней д'Ангулем.

Не заметив его бледности, но видя на груди окрасившуюся от залившей ее крови в красный цвет гвоздику, она воскликнула:

«Стыд, стыд! Негодный, он нас срамит, он носит красную гвоздику!»

«Да, сударыня, — отвечает слабым голосом Сен-При, — красную, но по-прежнему чистую; она окрашена моей кровью».

«Боже мой, — говорит, заметив кровь, растерявшаяся герцогиня, — да ведь он ранен; бедное дитя, это я его убила!..»

В тот же вечер паж скончался, выразив перед смертью желание, чтобы в гроб ему положили и убившую его гвоздику...

И таких сцен в это время было много.

Такова роль гвоздики в истории Франции. Не менее интересную роль она играет и в других государствах.

В Англии она появляется лишь в XVI столетии и с первого же своего появления завоевывает симпатии царствовавшей в это время королевы Елизаветы и всей английской аристократии. Ее разводят и в садах, и в теплицах. Королева Елизавета не расстается с ней и появляется с ней всюду — как запросто, так и в торжественных собраниях. Ее примеру, конечно, следует и весь ее двор.

За цветы платят громадные, особенно для этого времени, цены — по гинее (10 рублей) за цветок, а большой венок из гвоздик герцогини Девонширской, вздумавшей украсить себе голову этими цветами в день одного придворного праздника, обходится ей ни более ни менее как в 1000 рублей.

Интересно, что гвоздика — любимый цветок и теперешней герцогини Девонширской, которая, как говорят, не только постоянно носит эти цветы в бутоньерке, но и не допускает иных цветов ни в вазах, которые украшают ее комнаты, ни в букетах, которыми убирают ее обеденные столы.

Первым, начавшим разводить гвоздику в Англии, был придворный садовник Герард, получивший ее откуда-то из Польши. Это было в 1597 году. Прославившийся ее разведением садовод Паркинсон делит их на махровые — carnation и на мелкие, простые — gilly flowers. Среди этих сортов особенно нравился в то время «Sweet William», названный им так в честь Шекспира, который в своей «Зимней сказке» заставляет говорить о гвоздиках Пердиту: «Прелестнейшие цветы лета — это махровые гвоздики и пестрые гвоздички».

О гвоздике не раз упоминают также и другие знаменитые английские поэты: Чосер, Мильтон, Спенсер. Воспевая флору, они никогда не пропускают случая воспеть и гвоздику с ее божественным запахом.

Будучи во Франции и особенно в Англии любимицей главным образом высших сословий и наиболее богатых классов государства, в Бельгии гвоздика, наоборот, сделалась любимицей бедняков, простонародья — цветком чисто народным.

Здесь уходу за ним посвящали все свои краткие досуги горнорабочие, труженики, работавшие день и ночь в каменноугольных копях. Цветок этот представлял для них главную усладу в их безотрадной жизни, и, выйдя из подземного мрака, из места, где им каждую минуту грозила смерть, на свет Божий, они с любовью останавливали свой взор на этом чудном цветке, который как бы говорил им, что и для них существуют радости. Они следили за его развитием, стараясь его усовершенствовать, перещеголять красотой его цвета и форм цветы своих соседей.

Среди них возникло даже своего рода соревнование, соперничество, которое заполняло пустоту их обыденной жизни и создавало им новую жизнь, новое развлечение. Пьянство, разгул, разврат - все эти неизбежные спутники праздности и бесцельного существования рабочего заметно ослабли, а в некоторых случаях даже и совсем исчезли - и скромный цветок этот сделал здесь то, чего не могут достигнуть в других государствах никакие проповеди, никакие увеселения.

Страсть эта к гвоздике сохранилась в простонародье в Бельгии и до сих пор, и не только сохранилась, но даже еще и распространилась на те классы, которые прежде ею не интересовались. Теперь гвоздика представляет здесь предмет тщательных забот и ухода уже не одних углекопов, но и других рабочих. Теперь культура ее проникла до самых отдаленных местечек Арденн, и кому приходилось когда-нибудь бывать в Спа, Вербье и даже Ахене, тот,

я уверен, был немало поражен, увидев на окнах каждого маленького домика рабочего, каждой бедной хижины гвоздику таких чудных экземпляров и таких сортов, которые редко можно встретить и в образцовых садовых заведениях. Великолепные цветы эти, по бедности их владельцев, не имеют часто даже порядочных горшков, а сидят просто в разбитых черепках и тем не менее цветут роскошно.

Гвоздика сделалась здесь символом благоустроенного домашнего очага, родительской любви и родительских забот; и молодой рабочий, занимающийся тяжелым трудом на чужбине, встречая здесь цветок этот, всегда соединяет с ним воспоминание об отеческом доме. В день его благословенья мать подносит ему букет из гвоздик — как единственное сокровище и украшение, которое она может ему дать; он в свою очередь сажает куст гвоздики на ее бедную могилу — как последнее выражение его глубокой сыновней любви. Букет же из гвоздик служит и первым подарком, первым выражением любви молодого рабочего своей невесте.

Все это вместе взятое служит причиной также и того, что на многих картинах старинных голландских мастеров мы то и дело встречаем женщин с букетом гвоздик в руках, а на одной из картин в Феррарском соборе видим с букетом этих цветов даже и святых. Изображение гвоздик встречается, наконец, нередко и на знаменитых брюссельских кружевах, особенно же недорогих.

Не меньшую любовь к гвоздике питали одно время и немецкие рабочие в Тюрингене, у которых страсть к этому цветку доходила до того, что за новый красивый сорт они нередко отдавали половину своего заработка, отдавали свою последнюю козу — часто главную кормилицу всей семьи.

Но вообще в Германии гвоздика не пользовалась особой народной любовью, хотя и служила всегда символом постоянства и верности, так как цветы ее, как известно, даже будучи засушены, часто сохраняют свою окраску. Одно немецкое двустишие говорит о ней: «Гвоздика, ты теряешь свой цвет не раньше, чем смерть тебя растреплет».

Вошедшее за последнее время в обычай в Вене поминальное шествие рабочих в память борцов за свободу в 1848 году также украшается красными гвоздиками. Шествие это привлекает обыкновенно десятки тысяч людей и происходит ежегодно в марте.

За несколько дней до торжества через газеты объявляется маршрут — какой, где и в какое время группе собраться и тронуться в путь с тем расчетом, чтобы сойтись с остальными группами в узловом пункте, откуда идет прямая, верст в шесть, дорога к кладбищу.

В течение нескольких часов продолжается иногда прохождение многочисленных фереинов³ перед воздвигнутым на могиле борцов за свободуobeliskом с горящим факелом. Подойдя к нему, представители каждого фереина кладут свой венок, а остальные участники усыпают могилу красовавшимися до сих пор в их петлицах красными гвоздиками.

Тут же, уobeliska, наиболее известные ораторы партии произносят свои речи.

С меньшей симпатией, однако, относились к гвоздике немецкие поэты, и в то время как у французов существует особый сорт, которому дано громкое название гвоздики поэта — *oeillet de poete*, у немцев она слывет за цветок тщеславия, пустоты, телесной красоты и сравнивается с красивой, но пустой женщиной. Так, например, Гете говорит: «*Nelken! Wie find' ich each schon! Doch alle gleichi ihr einander, Unterscheidet euch kaum, und entscheide mich nicht...*» (Гвоздики! Как вы прекрасны! Но вы все схожи, едва отличишь одну от другой, и я не знаю, какую выбрать)

В Германию гвоздика была ввезена еще Карлом V из Туниса, когда он, заставив отступить Соли-мана, восстановил на троне прежнего султана и освободил 22.000 христианских рабов.

Как воспоминание об одержанных здесь победах и о рыцарских подвигах его воинов, гвоздика была любимым его цветком и составляла необходимую принадлежность всех его дворцовых садов.

Переходя к Италии, мы видим, что и здесь гвоздика так пришлась по вкусу, что во время ее цветения не бывает народного праздника, когда молодые итальянские крестьянки не украшали бы себе ее цветами грудь и не закалывали бы ее пунцовых цветов в свои черные волосы.

И здесь цветок этот слыл всегда, да и теперь слыет за талисман любви. И нередко, проходя мимо поставленного на перекрестке дорог изображения Мадонны, можно видеть деревенскую красавицу, молящуюся с цветами гвоздик в руке. Она молится о счастливом пути и благополучном возвращении своего возлюбленного, которому предстоит переправляться через столь опасные, вследствие массы встречающихся в них бандитов, горы, и просит у Мадонны благословить цветы, которые должны служить ему талисманом против всякого рода бед. Как только все будет готово к отъезду, она припилилит ему эти цветы на грудь и будет покойна: они защитят его от всякой напасти...

В Болонье же гвоздика считается почему-то цветком апостола св. Петра, и 29 июня, в день его памяти, ее цветами украшаются все церкви и весь город. В этот день вы не встретите здесь ни одной молодой женщины, ни одного молодого человека, у которых бы не было этого цветка в руках, на груди, в волосах или в петлице. В этот день его носят в петлице даже старики и солдаты.

Введенная в Италию столетием раньше, чем в Бельгию, гвоздика здесь так прижилась и размножилась, что считается многими за дикое итальянское растение, и только историческая запись, что она была возделываема в 1310 году Матвеем Сильватика в числе привезенных с востока растений и затем разведена в садах Медичи, показывает, что это растение не туземное.

Это подтверждается некоторым образом также находением ее изображения в гербе древней итальянской фамилии графов Ронсекко.

Гвоздика эта, по преданию, попала сюда, как память о цветке, который дала на счастье графиня Маргарита Ронсекко своему жениху графу Орландо, когда накануне их свадьбы он должен был внезапно отправиться во Святую Землю, чтобы принять участие в освобождении гроба Господня от сарацинов.

Долгое время после этого о нем не было ни слуха, ни духа; но потом один из крестоносцев принес Маргарите печальную весть, что Орландо пал в битве, и передал ей найденный на нем локон ее белокурых волос, который Орландо взял с собой как талисман, и вместе с локоном совсем иссохший цветок гвоздики, превратившийся от пропитавшей его крови Орландо из белого в красный.

Рассматривая цветок, Маргарита заметила, что в нем образовались семена, которые, может быть, уже созрели.

Тогда в память своего дорогого жениха она решила посеять их.

Семена оказались действительно зрелыми, взошли и развились в гвоздичное растение, которое зацвело.

Но цветы их, вместо чисто-белых, каким был данный Маргаритой на память цветок, имели посредине красное, кровавого цвета, пятно, чего до этого времени в местных гвоздиках не замечалось.

Пятна эти были как бы следом крови Орландо, как бы памятью о великой принесенной им жертве — о пожертвовании счастьем всей его жизни долгу истинно верующего христианина.

И вот составители герба учли этот его великий подвиг и внесли обагренный его кровью цветок в герб той, которая была для него дороже всего на свете.

В заключение скажем, что и в Испании гвоздика играет не меньшую роль в жизни молодых людей, чем в Италии, особенно же в Валенсии, где ее даже искусственно заставляют цвести почти круглый год.

Наибольшую ценность она имеет здесь в декабре, когда за один цветок галантные кавалеры платят нередко по 6 реалов и более. Поднести подобный цветок в это время прелестной донье считается верхом любезности.

Гвоздики эти, хотя и все красные, имеют, однако, несколько разных оттенков, которые служат для влюбленных испанцев способом переговоров и назначения времени свидания. Выходя из церкви, прелестная донья, как бы невзначай, откидывает край своей мантильи и показывает следящему зорко своему аморозо прищипленную на груди гвоздику, по оттенку которой он узнает час, когда ему можно будет свидеться с ней.

Сопутствующая ей дуэнья делает обыкновенно вид, что ничего не замечает — и она была молода, и она в свое время переговаривалась посредством гвоздики...

1 В настоящее время гвоздика не применяется в практике научной медицины, но в народной медицине издавна используют гвоздику полевую против различных внутренних кровотечений.2 Баярд — Пьер де Террайль, прозванный рыцарем без страха и упрека, находился на службе у французского короля Карла VII. Его имя стало нарицательным для обозначения рыцарского великодушия и храбрости.3 Ферейн — общество, корпорация, союз в Германии.

Цветок императрицы Жозефины и эмблема Наполеонидов — фиалка

Фиалка в Древней Греции

Поэтические состязания в Тулузе

Символ счастья для Жозефины Богарне

Наполеон I в поисках фиалки

Отец фиалки

Фиалка в судьбе Наполеона III

Гёте — любитель фиалок

«Из самого скромного цветка я превращусь в самый гордый...» Демаре

Чудный, ни с чем не сравнимый по своей нежности запах фиалки и приятное сочетание изящной лиловой окраски цветка с сочной яркой зеленью листьев уже с незапамятных времен сделали маленькую фиалку любимицей человека. Она возникла, по словам одной восточной легенды, из слез благодарности Адама, когда, в бытность его на острове Цейлон,

архангел Гавриил принес ему радостную весть о прощении ему Господом его грехов.

Другая легенда рассказывает: когда однажды бог солнца Аполлон преследовал своими жгучими лучами одну из прекрасных дочерей Атласа, бедная девушка обратилась к Зевсу с мольбой укрыть и защитить ее. И вот великий громовержец, вняв ее мольбам, превратил ее в чудную фиалку и укрыл ее в тени своих кущ, где она с тех пор каждую весну цвела и наполняла своим благоуханием небесные леса.

Здесь, может быть, этот прелестный цветок остался бы и навсегда и никогда не попал к нам на землю, не случись, что Прозерпина, дочь Зевса и Цереры, отправившись в лес за цветами, была похищена внезапно появившимся Плутоном как раз в то время, когда рвала фиалки. В испуге она выронила из рук цветы на землю... и вот эти-то фиалки и послужили прародительницами тех фиалок, которые растут у нас и поныне.

Связанная, таким образом, с воспоминанием о похищении Прозерпины Плутоном, фиалка считалась у греков цветком печали и смерти, которым украшали как смертное ложе, так и могилы молодых, безвременно погибших девушек.

Но с другой стороны, как подарок Прозерпины, как весть, подаваемая ею каждой весной своей матери Церере, она служила у греков и эмблемой ежегодно оживающей весной природы и девизом Афин, которые Пиндар воспевал как увенчанный фиалками город, а ваятели и живописцы изображали в виде женщины с венком из фиалок на голове.

Венками и букетами из фиалок греки любили украшать себя, свои жилища и статуи своих домашних богов, а также увенчивали ими ежегодно в день весеннего праздника всех достигших трехлетнего возраста детей, желая тем, как говорит Пасхалий, показать, что беззащитные для них годы прошли и что они вступают теперь в жизнь в качестве маленьких граждан.

Вообще, фиалка является любимейшим цветком древних греков.

Гомер, желая изобразить как можно ярче всю прелесть грота нимфы Калипсо, говорит, что он был изубран столь чудными фиалками, что даже вечно спешащий и ни пред чем не останавливающийся Меркурий, и тот не мог не замедлить своего шага.

Фиалкой интересовались не менее греков и римляне. Они употребляли ее в качестве целебной травы, а также прибавляли в вино, которое получало тогда название весеннего напитка. Без фиалок у них не обходилось почти ни одно радостное событие, ни одно религиозное празднество, а потому окрестности Рима, как и окрестности Афин, представляли из себя целые плантации фиалок. На то немало сетует даже Плиний, говоря, что римляне сделали бы лучше, если бы вместо бесполезных цветов засаживали их полезными оливковыми рощами.

Их воспевали также лучшие римские поэты, а город Генна в Сицилии имел даже изображение фиалки на своих монетах.

С фиалкой мы встречаемся далее и в легендах древневендской мифологии, где ей приписывается даже некоторое магическое влияние.

Мрачный вендский бог Чернобог, говорит одно из этих сказаний, владел великолепным замком и прелестной дочерью.

Но вот пришли христианские проповедники, уничтожили его силу, превратили его чудный замок в скалу, а его красавицу дочь в фиалку, которая зацветает лишь раз в сто лет. И кому посчастливится сорвать теперь эту фиалку, тот женится на красивейшей и богатейшей из невест страны и будет всю жизнь счастливейшим из людей.

В воспоминание об этом предании в средние века в Южной Германии праздновали каждую весну тот день, когда находили первую фиалку.

Виновницу торжества прикрепляли к громадному шесту посреди зеленой лужайки, и стар и млад собирались, чтобы попеть, поплясать и повеселиться. Все рады были наконец выйти из тесных душных закут, в которых приходилось проводить зиму, и, собравшись вместе, подышать свежим весенним воздухом и насладиться чудным зрелищем оживающей природы.

Этот обычай даже дал однажды, в царствование Оттона Радостного, в окрестностях Вены повод к кровавой расправе между рыцарем Нитгардтом Фуксом и крестьянами, — расправе, воспетой средневековым поэтом, мастерзингером Гансом Саксом, а в недавнее время — Анастасием Грюном.

Нитгардт однажды весною нашел случайно в лесу на Дунае первую фиалку и, прикрыв ее своей шляпой, поспешил к герцогу, чтобы известить его о своей счастливой находке и пригласить его и весь двор на «праздник весны».

Тем временем какой-то крестьянин, проходя по тому же самому месту и заметив среди поля рыцарскую шляпу, любопытствовал посмотреть, что под ней, и, найдя там фиалку, поспешно сорвал ее, а на место ее положил кучу сора. Затем, прикрыв все шляпой, как ни в чем ни бывало удалился.

Между тем герцог Оттон, пригласив всех дам, всю свою свиту на праздник, торжественно явился на то место, где росла фиалка. Но когда Нитгардт поднял шляпу, то, ко всеобщему удивлению, на месте фиалки оказалась куча грязи. Взбешенные венцы решили, что Нитгардт сделал это в насмешку, и пришли в такое раздражение, что бедный Нитгардт успел спастись от их гнева только благодаря быстроте своего коня.

Обиженный, огорченный Нитгардт недоумевал, как это могло случиться, как вдруг, отъехав немного далее, увидел свою фиалку, прикрепленную к шесту, и целую толпу танцующих и веселящихся вокруг нее крестьян. Выхватив меч из ножен, он устремился на них, стал их разгонять и, изранив многих, остался на месте танцев победителем. С этих пор он получил прозвище врага крестьян.

После греков фиалка ни у кого не пользовалась такой любовью, как у древних галлов, у которых она служила символом невинности, скромности и девственности, вследствие чего ею посыпали брачное ложе новобрачных и украшали могилу безвременно погибшей невесты.

От галлов эта любовь к фиалке перешла и к их потомкам — французам, у которых во время поэтических состязаний, происходивших ежегодно в Тулузе, одной из высших наград служила золотая фиалка.

Установленные в 1323 году состязания эти отличались особым блеском в 1490 году, когда во главе их стала знаменитая красавица Клеманс Изор, ставившая фиалку выше всех цветов и пославшая даже этот цветок как эмблему своей вечной верности и постоянства своему томившемуся в плену у неверных рыцарю.

Фиалка не раз воспевалась также французскими поэтами, и живший в царствование Людовика XIV поэт Демаре (Desmarests), посылая знаменитой основательнице литературных вечеров Жюли де Рамбулье венки из фиалок, заставляет этот цветок говорить о себе следующее: «Не обладая честолюбием, я прячусь в траве, скромная по своей окраске, я скромна и в выборе места; но, если когда-либо я увижу себя на вашем челе, то из самого скромного цветка я превращусь в самый гордый».

Считая фиалку символом скромности и невинности, французские писатели не могли даже

выносить, чтобы с ней сравнивали кого-либо недостойного, и когда м-м де Севинье из лести вздумала назвать в своих письмах знаменитую фаворитку Людовика XIV Луизу де Лавальер скромной фиалкой, то м-м де Жанлис (тоже французская писательница) была просто возмущена этим сравнением.

Особой любовью пользовался этот скромный цветок у многих знаменитых французских актрис.

Так, например, известная французская актриса и в то же время любимица короля Морица Саксонского Андриенна Лекуврер так страстно любила этот цветок, что Мориц, желая ей сделать удовольствие, подарил ей печать с выгравированной на ней фиалкой. Говорят даже, что и тот букет, которым отравила ее соперница — герцогиня де Бульон, был также сделан из фиалок.

Другая, не менее знаменитая, но жившая в конце XVIII века, французская актриса м-ль Клерон так любила этот цветок, что один из ее поклонников завел для нее целые оранжереи этих цветов. И круглый год в продолжение 20 лет как летом, так и зимою каждое утро посылал ей букет фиалок.

Желая выказать ему не меньшее постоянство и дружбу, Клерон срывала каждый вечер по цветку и, заварив из него чай, выпивала его. Это служило для нее как бы любовным напитком.

Наконец, страстной поклонницей фиалки является знаменитая Сара Бернар, у которой вся квартира и все платья пропитаны запахом фиалок и круглый год в будуаре и во всех комнатах стоят букеты фиалок.

Фиалку любил также и несчастный французский король Людовик XVI, прекрасная душа которого имела много сходства с этим скромным цветком; а от него эта любовь перешла и к его наследнику (дофину), который был всегда чрезвычайно доволен, когда мог поднести отцу букет фиалок, выращенных собственноручно.

Но особенно выдающуюся, крайне странную роль сыграл этот цветок в жизни императрицы Жозефины, а также императоров Наполеона I и Наполеона III, о чем мы позволим себе рассказать несколько подробнее.

Начало этой истории имеет некоторую связь с вышеупомянутой любовью к фиалке дофина.

9 марта 1795 года поздно вечером, так рассказывают в записках некоторые современники, у ворот тюрьмы Тампль, в которой томился заключенный маленький дофин, появилась молодая красивая дама с горшком роскошно расцветших фиалок и просила привратника передать их бедному маленькому царственному страдальцу. Она знала страсть его к этим цветам и хотела обрадовать его, послав ему их как привет весны в стены темницы.

Дама эта была не кто иная, как Жозефина Богарне — будущая императрица французская. Она также страстно любила эти цветы и, испытывая чувство сострадания к больному малютке, презрев грозившую ей опасность, пришла в сопровождении Барраса выполнить то святое дело, которое подсказывало ей сердце.

Больной рахитом ребенок недолго пережил эту радость и месяц спустя скончался в стенах темницы.

Его похоронили ночью, тайком, в одном укромном уголке кладбища св. Маргариты, причем в память того, что ребенок так любил свой горшочек с фиалками и, перебирая незадолго до смерти своими слабеющими ручонками их курчавые листочки, шептал: «Весной мы снова увидимся с вами, дорогие цветочки», какая-то добрая душа посадила их ему на могилку.

С тех пор цветы Жозефины ежегодно цвели на безвестной могилке маленького Людовика XVII и, разрастаясь все более и более, покрывали ее каждую весну сплошным лиловым ковром.

Между тем, встретившись на одном из блестящих балов, устроенных президентом конвента Баррасом с восходившим в то время светилом — молодым генералом Бонапартом, Жозефина пленила его своей красотой и своим скромным нарядом, сильно выделявшимся среди старающихся перещеголять друг друга роскошью своих туалетов республиканских модниц. Вместо драгоценных камней, вместо ярких, бросающихся в глаза цветов все убранство ее заключалось лишь в надетой на голову гирлянде из фиалок, да нескольких букетиков этих же цветов, приколотых к груди.

Цветы эти были особенно ценны ей как воспоминание о возвращении ей свободы.

Заключенная, как рассказывают, в начале революции вместе со многими другими невинными жертвами в знаменитую Консьержери (предварительную тюрьму), Жозефина ждала с минуты на минуту казни на гильотине и прощалась уже с жизнью, как вдруг однажды вечером пришла в место ее заключения малютка — дочь тюремщика и подала ей букет фиалок.

Неожиданный этот подарок внушил ей надежду, что хлопоты одной высокопоставленной подруги об освобождении ее из заключения, быть может, увенчаются успехом, и она увидела в цветах этих как бы счастливых предвозвестников скорого своего освобождения.

И действительно, предчувствие ее не обмануло. Просьба подруги подействовала, и на другой же день она была освобождена.

С тех пор фиалка сделалась для Жозефины символом жизни и счастья, и когда она встречала какого-нибудь несчастного, угнетенного, то никогда не пропускала случая подарить ему фиалки как надежду на счастливое разрешение его горя. Быть может, это была даже и причина того, что она вздумала подарить их дофину.

Страсть ее к этим цветам доходила до крайности. Все платья ее были затканы фиалками, лиловый цвет был ее любимым цветом, живые фиалки служили единственным ее украшением, и она вся, и все ее окружающее было пропитано их запахом.

Очарованный, обвороженный ею генерал Бонапарт весь вечер не отходил от нее, и когда она уезжала, проводил ее до кареты. Прощаясь с ним, Жозефина наклонилась, и бывший у нее на груди букет фиалок случайно упал к ее ногам. Наполеон схватил его, страстно прижал к губам и унес с собой как первый залог любви.

9 марта 1796 года, ровно через год после того дня, когда Жозефина принесла бедному дофину фиалки, в здании городской ратуши Парижа происходило торжественное венчание ее с Наполеоном. Опять Жозефина была одета в затканное фиалками платье, опять в руках ее и на груди были букеты из фиалок — ее цветов любви и счастья.

Выходя из ратуши, взволнованная, радостная, она не могла сдержаться, и когда несколько слезинок радости упало на ее букет, то она, обратясь к Наполеону, сказала:

— Позволь мне, милый друг мой, всегда носить эти цветы в этот чудный день моей жизни. Пусть они будут каждую весну обновлением нашей любви, нашего счастья.

И Наполеон никогда не забывал этой просьбы. Где бы ни был он: среди битв, в походе ли, упоенный ли чадом славы, Жозефина находила всегда в день своей свадьбы свежий букет фиалок на ночном столике своей опочивальни.

Прошли года, голова Жозефины украсилась императорской короной, но по-прежнему не было

для нее большего удовольствия, чем получать в этот день букет фиалок.

Между тем слава и могущество Наполеона все более и более возрастали, и счастливая звезда Жозефины начала меркнуть. Дорогая для нее рука готовилась нанести ей смертельный удар.

Еще носились только смутные слухи о намерении Наполеона выбрать себе более подходящую по сану супругу из царственного рода и о добровольном будто бы отречении Жозефины, как наступило 9 марта 1808 года. Как нарочно, накануне этого дня умер занимавшийся разведением фиалок дворцовый садовник, а Наполеон ни за что не хотел подарить ей цветы из сада, где был покойник. Но где же было взять других фиалок в это время?

Всюду по Парижу были разосланы им гонцы с приказанием найти, во что бы то ни стало, фиалок. Но труд напрасный: нигде и ни у кого их не оказалось. Между тем час, когда должны были быть поднесены Жозефине цветы, приближался.

Взволнованный, встревоженный тем, что Жозефина может принять это за предзнаменование угрожающего ей какого-нибудь несчастья, Наполеон покидает дворец и пускается сам в поиски за цветами.

Он обходит все улицы, все площади, где продают цветы, но не находит ничего и обдумывает уже, как бы успокоить Жозефину, как, подходя к Лувру, видит у ворот маленькую, совершенно сгорбленную старушку с корзиной, полной прелестных букетиков фиалок. Вне себя от радости он выхватывает у нее лучший букетик, бросает ей горсть золотых и, прежде чем старуха приходит в себя, исчезает.

Торжествующий, он входит к Жозефине, подносит ей букет и рассказывает ей о всех тех трудах, которых он ему стоил.

Вспыхнув от радости, Жозефина обнимает Наполеона, благодарит его за труды и целует букет. Но вдруг бледнеет, чувствует себя дурно и, выронив букет из рук, с ужасом восклицает: «Прочь, прочь! Это цветы смерти... Они расцвели на могиле!»

Чтобы успокоить взволнованную Жозефину и доказать, что все, что она говорит, не что иное, как плод ее фантазии, Наполеон посылает за старухой, продававшей цветы. Но все поиски оказываются тщетными: никто ее не знает, никто ее не видал.

Предчувствие, однако, не обмануло Жозефину. Два дня спустя находят старуху, и она сознается, что нарвала эти цветы на чьей-то могиле, на кладбище св.Маргариты. Это были как раз цветы Жозефины, подаренные ею дофину.

С этой минуты Жозефина не знает более покоя. Смутное предчувствие чего-то страшного, какого-то неожиданного несчастья всюду преследует ее. И вскоре это предчувствие превращается в горькую действительность: она узнает о решении Наполеона разойтись с ней и вступить в брак с дочерью австрийского императора Марией-Луизой.

Решение это не заставляет себя долго ждать, и, принужденная расстаться с тем, кого она ценила выше всего на свете, кого чуть ли не боготворила, Жозефина удаляется в свой любимый замок Мальмезон, где, никого не принимая и ни с кем более не видясь, живет в уединении, вся предавшись уходу за цветами. В них она видит лучших своих друзей, им одним поверяет свое горе.

Тысячами свозят теперь сюда цветы со всех концов света. Здесь можно встретить детей юга и крайнего севера, уроженцев долин и гор и одного только нельзя найти — фиалки. Этим своим любимым цветам Жозефина не только уже не носит, не только не хочет более их

видеть, но и не велит даже произносить их название...

Так проходит четыре года, как вдруг 9 марта 1814 года с букетом фиалок появляется к ней трехлетний малютка — сын Наполеона, а за ним и сам Наполеон. Растроганная до слез Жозефина бросается в объятия Наполеона и забывает на минуту всю горечь нанесенной ей обиды.

Это был последний счастливый день Жозефины, последний счастливый день ее жизни, потому что два месяца спустя в той же самой роскошной гостиной, где она принимала Наполеона с маленьким «королем римским», стоял уже, весь усыпанный фиалками, гроб ее и слышалось погребальное пение. Перенеся тяжелую жертву ради любимого человека, она не вынесла его горя — изгнания на остров Эльбу.

Но со смертью Жозефины фиалка не исчезает из истории Наполеона. Она делается девизом его приверженцев, а впоследствии и вообще партии Наполеонидов. Приверженцы эти продолжают видеть в ней цветок счастья великого императора. И когда 20 марта, как раз когда зацветают на юге первые фиалки, Наполеон убегает с острова Эльбы и появляется среди своих ликующих ветеранов, они встречают его радостными кликами: «Вот он, вот он отец фиалки». И все солдаты, все его приверженцы появляются с фиалками в петлице, все женщины — с букетиками этих цветов на груди, на шляпах, и все дома, все магазины украшаются фиалками — в надежде на новую весну, новое возрождение империи.

Однако ликование это, как известно, длилось недолго. 22 июня Наполеон уже принужден был отречься от престола в пользу своего малолетнего сына. Тогда, вспомнив о Жозефине, он отправился в последний раз в Мальмезон и нарвал на могиле ее фиалок, которые цвели тут чуть не круглый год. Но счастливая звезда, светившая с цветами Жозефины, зашла. Фиалки были взяты на могиле.

15 июля 1814 года он был посажен на корабль «Белерофон» и перевезен как пленник на остров Св. Елены.

После смерти его на груди его в золотом медальоне, с которым он никогда не расставался, нашли две засушенные фиалки и локон белокурых волос — воспоминание об его утренней и вечерней звезде — его дорогой Жозефине и его не менее дорогим сыне — короле римском.

Однако после смерти Наполеона не прекращается таинственная связь с ним фиалки. Цветок этот продолжает играть свою роль, как это мы уже говорили, и в судьбе его потомков.

Напрасно добиваясь у всех дворов подходящей ему по сану супруги, Наполеон III остановил наконец свой выбор на прелестной испанке, которую сама судьба как бы предназначала ему.

Евгения, графиня Монтихо, герцогиня де Теба — таково было имя будущей императрицы французов. Отец ее, герцог Пенерандо де Теба, принадлежал к одной из знатнейших испанских фамилий, а мать происходила из древнешотландского рода Кирпатрик Гласборн, родственного Стюартам и герцогам Альба.

Родители матери Евгении переселились в Париж еще при Наполеоне I и сделались его приверженцами. Здесь Мария, так звали мать Евгении, будучи еще ребенком, играла в Тюильрийском саду с другими детьми и случайно познакомилась с маленьким Луи Наполеоном, сыном любимой падчерицы (дочери Жозефины от первого брака) и в то же время невестки Наполеона — королевы Гортензии. И оба ребенка так сошлись и подружились, что однажды маленький Луи Наполеон принес своей подруге в подарок букет фиалок с надетым на него золотым колечком. Когда Мария пришла домой, то мать, увидев это кольцо, внутри которого было написано «Жозефина», велела тотчас же его отнести обратно и отдать няне мальчика. Но на другой день мальчик в сад не пришел и затем совсем исчез, так что кольцо это, волей-неволей, у Марии так и осталось.

Как оказалось впоследствии, это было венчальное кольцо императрицы Жозефины, которое Луи Наполеон, играя с дядей (Наполеоном I), снял с его пальца и куда-то запрятал. Тогда искали его всюду, перерыли весь дворец, но так и не могли найти. Наполеон был очень огорчен и уехал на войну с Австрией без него. Это было дурным предзнаменованием для Жозефины, которое вскоре и оправдалось, так как война эта закончилась вступлением в брак Наполеона с дочерью австрийского императора Марией-Луизой.

Маленькая Мария очень любила это колечко и тщательно хранила его в числе самых драгоценных своих вещиц, но не имела ни малейшего понятия ни о том, кто его подарил, ни об истинной его ценности.

Достигнув 16-летнего возраста, она вышла замуж за дядю своего, герцога Пенерандо, и 5 мая 1826 года у нее родилась маленькая дочь, которой дали имя Евгения. Когда Евгения подросла, мать подарила ей свое заветное колечко и велела вырезать в нем, рядом с именем Жозефины, еще дату 5 мая, т.е. день рождения Евгении.

Маленькая Евгения, бывая не раз в Лондоне у родственников своей матери, увидела здесь принца Наполеона, который жил в Лондоне в качестве члена политического общества карбонариев.

Живая, прелестная Евгения очень понравилась ему; он начал играть с ней, и девочка, как все дети, притащила тотчас же все свои лучшие игрушки и драгоценности. Среди них находилось и знаменитое кольцо.

Луи Наполеон тотчас же узнал его, был необычайно обрадован и с этой минуты считал себя как бы связанным какой-то таинственной цепью с маленькой Евгенией.

Между тем мать Евгении, узнав о значении подаренного ей кольца, сейчас же составила свой план действий и, указав Евгении в этом кольце как бы на высшее предопределение Божие, всячески старалась, чтобы она не вышла ни за кого другого, как за Луи Наполеона.

Чтобы лучше привести свой план в исполнение, она переселилась в Париж, где всячески старалась встречаться с Луи Наполеоном, который в то уже время из члена партии карбонариев готовился превратиться в императора.

Евгения появлялась перед ним не иначе, как с букетом фиалок на шляпе или на груди, в лиловом платье или с вуалью цвета фиалок.

Когда же в 1851 году все готово было к государственному перевороту и Евгения явилась на даваемый в ратуше Парижа бал одетой, совершенно как императрица Жозефина — с фиалками в волосах и букетом фиалок на плече, судьба ее решилась. Наполеон был побежден, и 29 января 1853 года Евгения сделалась императрицей французов. С этих пор фиалка стала ее любимым цветком, а вместе с тем и цветком всего модного света.

Только это были уже не скромные фиалки Жозефины, а облагороженный вид их — пармский¹ — с более темной окраской и более сильным запахом.

Так цвели и благоухали фиалки эти как цветок радости более 20 лет, пока 9 января 1873 года не превратились снова в цветок смерти. В этот день умер Наполеон III — умер, как изгнанник из отечества, в Англии.

14 января в Чизельгерсте, в парадной зале, увешанной гербами с императорской короной и уставленной бесчисленными подсвечниками с ярко пылавшими свечами, лежал в гробу Наполеон III. На груди его покоилось распятие, а вокруг его гроба во всевозможных видах: в венках, букетах, гирляндах и даже просто разбросанными по полу — находились фиалки, присланные от многочисленных друзей и приверженцев Наполеоновской династии из

Франции. Это был как бы последний привет его родины...

Зацветут ли фиалки снова на могиле Наполеона? Приверженцы его остаются верными им и до сих пор: в день именин императрицы Евгении в Ницце, где она постоянно пребывает, вся церковь украшается фиалками, присылаемыми со всех концов Франции как напоминание о том, что верные приверженцы Наполеона еще не позабыли его. Кроме того, у входа в церковь сидят многочисленные продавщицы фиалок, и ни один из идущих в церковь не войдет туда, не приобретя букетика.

С фиалкой связан еще другой грустный рассказ, имеющий отношение к сейчас описанной эпохе революции. Это история парижской уличной знаменитости — «старухи с фиалками», как ее все называли, — Луизы Пишон.

Незадолго до 1855 года на скромном гробе, вынесенном из церкви Сен-Жермен-де-Пре, удивленные прохожие могли видеть сотни букетиков увядших, засохших фиалок, которыми он буквально был засыпан.

Покойная была невестой Бари, одного из четырех ларошельских сержантов, погибших на эшафоте в начале царствования Луи Филиппа.

За несколько часов до своей казни Бари просил пришедшего его исповедать тюремного священника передать его невесте прощальный букет фиалок, и просьба его была свято исполнена.

Получив этот последний дар горячо любимого человека, который до последней минуты надеялся на помилование, несчастная Луиза помешалась, и с тех пор в продолжение 35 лет ее видели по всему Парижу, особенно в предместье Сен-Жермен, где она жила, гуляющей с букетиком фиалок и летом и зимой.

Все эти букетики она потом собирала в шкаф, где их нашли в день ее смерти.

Умирая, она просила, чтобы эти цветы, с которыми она никогда не расставалась и в которых для нее оживали самые дорогие воспоминания о любимом человеке, были положены вместе с ней в могилу.

И вот теперь, во исполнение ее последней воли, последнего пожелания, все букетики и были возложены ей на гроб, чтобы при погребении последовать вместе с ней в последнее земное жилище.

Зрелище это производило тяжелое и в то же время приятное впечатление. Любить так горячо в продолжение 35 лет — это ли не образец постоянства!

И каждый прохожий, каждая прохожая невольно задумывались над грустной жизнью бедной Луизы и, крестясь, слали молитву об ее упокоении...

Такова любопытная роль фиалки в истории Франции, но скромный этот цветок был любим и в некоторых других странах: любим и государями, и поэтами, которые не раз воспевали его в своих стихах.

Шекспир называет его своим любимцем, Шелли воспевает в стихотворениях, Томас Мур — в «Лалла Рук», а Гете не только воспевает его, но и старается, чтобы его родной город Веймар превратился, подобно Афинам, окрестности которых, как мы видели раньше, представляли собой сплошные поля этих цветов, в город, увенчанный фиалками.

Повсюду — около дорог, на полях, в общественных парках, на опушках лесов — вы можете встретить теперь фиалки. Народ называет их фиалками Гете, потому что великий поэт питал к этому цветку столь страстную любовь, что никогда не выходил на прогулки, не захватив с

собой семян фиалок, которые потом рассеивал по пути всюду, где только мог.

И теперь, хотя прошло уже много лет, как нет поэта, каждую весну окрестности Веймара превращаются в роскошный ковер из фиалок — это память о нем, которая сохранится еще на многие десятки лет и, быть может, переживет даже славу его творений.

Кроме Гете в Германии фиалки пользовались еще большой любовью у знаменитого автора «Картин природы» Александра фон Гумбольдта и короля прусского Фридриха-Вильгельма III.

Особенно любил король украшать фиалками портрет своей покойной жены, королевы Луизы, в воспоминание того, что портрет этот, обвитый гирляндой из фиалок, явился ему в видении как раз в тот день, когда он основал орден Железного креста, заменяющий, как известно, у немцев наш Георгиевский крест и служащий наградой за храбрость.

Любил фиалки и покойный престарелый император Вильгельм, которому ежедневно за завтраком, в любое время года, подавалось плато со свежими фиалками, а в день его рождения ими убирали весь обеденный стол и всю залу. Обычай этот сохранился некоторым образом и после его смерти. И теперь ежегодно 22 марта, в день его рождения, можно видеть стол его кабинета и всю его комнату изукрашенными свежими фиалками.

Любил их, наконец, и наш великий писатель И.С.Тургенев. Лечась в Висбадене, он каждое утро гулял с букетом душистых фиалок, который затем неизменно подносил лечившейся в одно время с ним Г.Балашовой.

«Это мои любимые цветы,— говорил он ей, как она сообщает в одной из московских газет. — Я чувствую особенное удовольствие вручать Вам их здесь каждое утро. Это нечто вне моей курсовой программы. Никому, никому не говорите об этом...»

1 Пармская фиалка — крупноцветная махровая разновидность фиалки душистой, культивированная в Италии и во Франции на побережье Средиземного моря для производства дорогих духов.

Цветок богини Остары и излияния сердец — ландыш

Цветок богини Остары

Праздник ландышей

Лечебное значение цветов ландышей

Ландыш и поэт Мюрге

«Распустились почки, лес зашевелился, Яркими лучами весь озолотился; На его окраине, из травы душистой, Выглянул на солнце ландыш серебристый...»

Что может быть проще и в то же время прелестнее ландыша? Несколько беленьких, как из фарфора, колокольчиков на длинном стебельке и пара светло-зеленых листьев — вот и все; а между тем как это красиво, как изящно! Особенно же красив ландыш в своей лесной обстановке, на лужайке среди редкого леса, окруженный массой ярко-зеленой листвы. Или как красив он в букете, обложенном бордюром из своих листьев!

Но всего лучше в нем — упоительный запах. Это один из самых тонких приятных запахов, с которым может сравниться разве только запах фиалки и резеды. Правда, ландыш никогда не надо оставлять в комнате, где спят, — от его запаха может разболеться голова. Но зато как приятно вдыхать его освежительный аромат на воздухе, особенно в лесу, когда он приносится дуновением ветерка!

Теперь ландыш служит нам лишь украшением и разве только иногда, как букет в Троицын день, когда мы идем с ним молиться в церковь, получает некоторое символическое значение. Поэт говорит:

«На рубеж весны и лета, Заветы старые храня, Никто не выйдет без букета На праздник Троицына дня. Питомцы ласкового мая — Фиалки, ландыш и сирень — Господень храм, благоухая, Окрасят щедро в этот день» .

Но было время, и время очень давнее, когда ландыш был посвящен у древних германцев богине Остаре — богине восходящего солнца, лучезарной зари и провозвестнице весны.

В честь нее на Пасху (а Пасха и до сих пор от ее имени называется по-немецки Ostern) зажигались костры и устраивались празднества, на которых все молодые девушки и парни украшали себя ландышами — как цветами любви и счастья. Праздник этот продолжался, пока держались ландыши, а затем, когда цветы увядали, их бросали в костры и жгли как приятную Остаре жертву.

Немецкий поэт Ф.Вебер в своей поэме «Тринадцать лип» об этом говорит:

«Бог любви, о белый Бальдер, благосклонно наш привет прими, цветы чистые, как наше сердце, мы кладем к твоим стопам...» И, обходя жертвенный камень, они бросали священные травы, белые колокольчики (ландыши) — эти светлые хлопья, эти яркие искры в костер...»

С цветами же этими молодницы отправлялись с ранней зарей накануне празднества к священному ключу и умывали водой себе лицо, чтобы сохранить как можно дольше его свежесть и прелесть. Средневековое поверье это глубоко укоренилось в некоторых местностях Саксонии, как, например, в Альтмарке, где и теперь можно видеть девушек, идущих на Пасху умываться ключевой водой с целью сберечь свою красоту.

С исчезновением язычества богиню Остару заменила в народном сказании Пресвятая Дева; и теперь существует поверье, что в светлые лунные ночи, когда вся земля объята глубоким сном, Царица Небесная, окруженная венцом из блестящих, как серебро, ландышей, появляется иногда тем из счастливых смертных, которым готовит какую-нибудь нечаянную радость...

А в Англии, в Суссексе, сложилось интересное предание о сражении при Толбиак¹ св. Леонарда (одного из сподвижников Хлодвига, обратившегося в христианство) со страшным драконом Син.

Три дня, день и ночь, св. Леонард неустанно боролся с ним, иногда совсем теряя силы и надежду справиться. Но, наконец, с помощью Божьей, на четвертый увидел с удовольствием, как страшное чудовище, влача длинный хвост, исчезло в глубине лесов, чтобы никогда более не появляться. Это была победа христианства над языческой поганью.

Борьба эта дорого обошлась св. Леонарду: его руки и тело были жестоко изранены клыками и когтями дракона, и на местах борьбы можно было видеть следы истекшей из его ран крови.

Но Господь отметил эти пятна пролитой крови и освятил их, вырастив на их месте цветы непорочности и святости — ландыши.

Благочестивые странники и теперь встречают эти окрашенные в белое следы боя всюду в окружающем лесу, и те, которые внимательно прислушиваются, могут, как говорят, даже слышать, как снежно-белые колокольчики ландышей звонят победный гимн...

Как отголосок средневековых обычаев встречается еще в некоторых деревнях Франции сохранившееся до сих пор обыкновение справлять ежегодно «праздник ландышей». Это бывает всегда в первое майское воскресенье.

В этот день после полудня жители нескольких соседних деревень собираются в ближайший лес за ландышами. Отправляются не только молодые, но и старики, чтобы не оставлять молодежь одну. В лесу идут толпой, стараясь в нем далеко не расходиться, и, набрав возможно большее количество ландышей, к ночи возвращаются домой.

На другой день собранными ландышами украшают в домах окна, каминные и столы, причем нередко к ландышам примешивают и цветы сирени. Затем накрывают столы, ставят закуску и приглашают молодежь на завтрак. Все закусывают, весело болтают, смеются, поют песни в честь виновника праздника — ландыша, являющегося в то же время и символом весны, и устраивают танцы.

Вот тут-то ландыш и начинает играть свою роль. Приглашение на танцы идет, как и всегда, со стороны парней, но свое согласие девушки выражают не при помощи слов, как обыкновенно, а при помощи ландыша.

Это происходит следующим образом. Парни и девушки имеют каждый по букетику ландышей. Девушки прикрепляют его к лифу, а парни — в петличку сюртука.

Когда парень приглашает девушку на танец, то девушка в знак согласия дает ему свой букетик, который он вдевает в петличку и в свою очередь передает ей свой, который она прикалывает к лифу. Раз выбрав друг друга, молодые люди уже не расстаются весь вечер и все танцы танцуют вместе.

Теперь такой выбор выражает только взаимную симпатию и ограничивается лишь танцами во весь вечер; но в прежнее время букетик ландыша имел гораздо более глубокое значение: он выражал некоторым образом согласие молодых людей вступить в брак, и самый вечер этот обыкновенно заканчивался объявлением, кто за кого выходит и кто на ком женится.

Если парень, например, желал выказать девушке свои чувства, то он просил у нее булавку и прищипливал ее букетик на груди. Отказ дать ему булавку означал, что девушка не хочет быть его женой.

Если же парень был горд или застенчив, то раньше, чем попросить у девушки булавку, он предлагал ей свой букетик. Девушка, принявшая букет и приколовшая его к своей груди, тем самым выражала ему свою симпатию и свое согласие вступить с ним в брак.

Бросить ландыш на землю имело различное значение: так можно было выразить и просто холодность чувств, и несогласие на брак, но ступить при этом на него ногой — обозначало антипатию, отвращение и даже злобу.

Еще более отдаленным отголоском средневекового обычая являются устраивавшиеся в двадцатых годах прошлого столетия пикники и прогулки жителей города Ганновера в загородный лес Эйлерейде, в котором ландыши росли в таком изобилии, что образовывали местами сплошные поляны.

Прелесть усыпанных, как снегом, этими цветами полей и несшийся с них упоительный запах, как рассказывают современники, не поддавались никакому описанию. На месте погулянок разбивались палатки для питья кофе, майтранка², лимонада и других прохладительных

напитков, а равно палатки для курения и для закусок. Празднество заканчивалось, как и в погулянках во Франции, танцами, излюбленным среди которых являлся так называемый немецкий вальс.

Все дороги в лес были в эти дни заполнены массами горожан всех возрастов, бродивших с раннего утра и до позднего вечера по лесу и собиравших ландыши. И никто не возвращался домой без громадных букетов этих цветов, которыми затем украшали все комнаты и даже входные двери домов...3

Теперь ландыш является любимым цветком и парижан. И 1-го мая, когда рабочие, желая выразить свою солидарность с остальными рабочими мира, появляются с красной гвоздикой в петлице, остальные парижане ходят украшенные белыми ландышами как эмблемой «излияния сердец», потому первое мая носит в Париже название Дня ландыша.

В этот день спрос на ландыши бывает так велик, что их привозят из провинции целыми вагонами, не считая тех миллионов цветов, которые выгоняются искусственно в теплицах в окрестностях Парижа.

На того, кто не имеет в этот день в руках, на груди или в петлице ландышей, в Париже все смотрят с каким-то недоумением...

По отцветении ландыша, как известно, вырастает красная круглая ягода. Одно немецкое предание говорит, что это не ягоды, а горячие, огненные слезы, какими ландыш оплакивает оканчивающуюся весну, к которой он возгорелся сильной, без слов любовью. Да и сама весна была равнодушна к маленькому, изящно одетому в беленькое платьице цветочку, укрывающемуся под широким зеленым листовым зонтиком. Но весна в блестящем одеянии и золотистых локонах, это чудное, веселое, жизнерадостное создание — всемирная кругосветная путешественница. Она нигде не находит себе покоя и, рассыпая всем ласки, ни на ком не останавливается. И так она очаровала, так обворожила наш цветочек, что он расцвел от внутреннего счастья, влюбился в прелестницу по уши и стал жить только ее жизнью...

Но весна прошла, исчезла бесследно и оставила беднягу среди отягченного летним жаром леса. Ландыш перенес так же безмолвно тяжелое горе, как нес и радость любви; но маленькие цветочки его опали, и на месте их, из самого сердца, вылились огненно-красные капли слез — ягоды.

В связи с этим языческим преданием, быть может, возникло и христианское сказание о происхождении ландыша из горячих слез Пресвятой Богородицы, которые она проливала, стоя у креста распятого Сына. Горячие эти слезы падали крупными каплями на землю, и на этом месте возникали чистые белые ландыши, которые, осыпаясь, превращались в красные, напоминавшие собою капли крови плоды...

С ландышами связаны в некоторых местностях Германии также сказания о Белой Деве, указывающей тайные клады. Белая Дева эта появляется там в лунные ночи с букетом ландышей и держится близ места клада.

Такое появление, например, наблюдается через каждые семь лет близ замка Вольфарствейлер в Гессене, и, что самое любопытное, некоторые участки, принадлежащие нескольким волостям этих мест, обязаны по заключенному когда-то договору вносить ежегодно в качестве процентов за пользование землей по букету ландышей.

Очевидно, когда-то существовал благородный барон — владелец этих земель, который, не желая отягощать крестьян за пользование его землями денежной податью, постановил взимать с них ежегодно оброк в виде букета ландышей. Сам барон и договор этот давно исчезли, но предание сохранилось, и арендная плата в виде букета этих цветов продолжает

так же аккуратно вноситься, как и прежде.

Колокольчиковидная, напоминающая капли форма цветов ландыша послужила также и к тому, что им начали приписывать целебные свойства.

В пояснение надо заметить, что в средние века целебность растений, по очень странному взгляду, определялась по их внешней форме. Так, имеющие форму завитка или кренделя растения (полынь, кровохлебка, вероника) считались прекрасным средством против головных болей; имеющие тонкие волосовидные листья (спаржа, укроп) — средством, укрепляющим волосы; цветы, форма которых несколько напоминала глаз (роза, маргаритка, очанка⁴), — лекарством от глазных болезней. Тимьян и аконит⁵), несколько похожие на ухо, считались средством от ушных заболеваний; щавель, лист которого имеет сходство с языком, — от болезни языка, а крапива, покрытая жгучими волосками, — прекрасным средством от колотий.

Вследствие всего этого и ландыш, имеющий форму капель жидкости, считался прекрасным средством от паралича. Для приготовления лекарства надо было цветы собирать до восхода солнца, пока они еще покрыты росой, и настаивать на мальвазии (вине). Этот настой был знаменитым средством, носившим название Aqua apoplectica Hartmanni («Вода от апоплексии» Гартмана).

Но то, что средневековые врачи нашли как-то ощупью, оказалось в наше время действительно могущественным средством против сердцебиения. Это целебное средство в виде всем известных теперь ландышевых капель является сильным соперником бывшего долгое время единственным средством против болезней сердца дигиталина — настоя наперстянки.

Кроме того, англичане делают из настоя цветов ландыша на воде еще эликсир, известный под названием золотой воды, так как он продается в золоченых и посеребренных флаконах, и служащий для укрепления нервов и против головных болей. Эликсир этот одно время употреблялся даже как предохранительное средство от разного рода заразных болезней.

Высушенные цветы и побеги ландыша, мелко истолченные в порошок, употреблялись как нюхательный порошок от насморка и головных болей и вместе с семенами каштана составляли главную основу «шнеебергского» нюхательного табака.

Однако, принося в том или другом виде пользу человеку, цветы эти крайне вредны для домашней птицы. Бывали не раз случаи, когда куры и другие птицы, наклевавшись их, отравлялись и даже умирали.

Кроме того, запах ландыша является убийственным и для некоторых цветов. Впрочем, такая, если можно так выразиться, вражда одних цветов к другим, проявляющаяся посредством запаха, замечена и у других цветов. Так, резеда и роза не выносят друг друга. Чтобы убедиться в этом, стоит только сорванные их цветы поместить в стакан воды. Не пройдет и полчаса, как находящиеся рядом цветы станут вянуть, между тем как помещенные тут же цветы других растений будут сохранять свою прежнюю свежесть.

Точно так же убийственно действует своим запахом на другие цветы и ландыш: он немилосердно убивает почти всех своих пахнущих соседей; особенно же не любит сирени, и потому сирень, помещенная в одну вазу с ландышем, всегда быстро блекнет.

Но если некоторые цветы так угнетающе действуют на своих соседей, то бывает иногда и обратное. Так, например, резеда прекрасно сживается с гелиотропом и даже как бы способствует усилению его запаха. Точно так же и ландыш отлично сживается с незабудкой и даже придает ей особую свежесть и прелесть.

В древнеславянских землях, Саксонии и Силезии, ландыш носит название «струп» — кора. Говорят, им с успехом там лечили в прежние времена от струпьев — парши, а в немецкой Богемии (Чехословакия) ландыш зовут цавка — «булочка», оттого что ряд его висячих цветочков несколько напоминает собой ряд булочек-розанчиков. В этих же землях, а отчасти, как говорят, и у нас в России соком его корня девушки натирали и натирают себе щеки, чтобы вызвать румянец.

Доставляя человеку наслаждение в мае, ландыш за последнее время сделался еще одним из любимейших цветков для выгонки зимою. Для этого корневища дикого ландыша искусственно культивируют. И затем посаженные в горшок с влажным мхом и помещенные в теплом месте на печке (русской) или даже на батареях водяного отопления они постепенно развиваются и среди зимы распускаются в полной своей красоте. Правда, цветы его теперь слабо пахнут, но тем не менее красотой своей формы не оставляют желать ничего лучшего. Обыкновенно культивируемые таким образом ландыши, помещенные в корзинах или жардиньерках, представляют одно из изящнейших украшений комнат или обеденных столов. А кому приходилось их видеть в теплицах, когда их гонят для продажи чуть не целыми полянами, тот знает, какое красивое зрелище они представляют.

Выводя ландыши искусственно, их часто культивируют в особой формы сосудах с отверстиями, имеющих вид то шара, то ваз, то яиц. Вырастая из этих отверстий, ландыши при тщательном уходе так плотно обрастают сосуд, что его самого совершенно становится не видно. Особенно оригинальной и красивой формой являются яйца.

Такие громадных размеров яйца из ландышей, украшенные белыми и розовыми шелковыми лентами, представляют собой один из прелестнейших пасхальных подарков и, будучи выставлены перед Пасхой в окнах цветочных магазинов, всегда привлекают внимание.

Немало поэтов и писателей увлекались этим прелестным цветком, но особенно любил их французский писатель Анри Мюрже, знаменитый автор «Жизни богемы» и «Латинского квартала», отправлявшийся каждую весну любоваться ими в окрестности Парижа.

Однажды он пришел в контору журнала с рукописью романа, которого от него никак не могли дожидаться.

— Где же Вы пропадали, что с Вами? — воскликнул редактор этого журнала Бюлоз. — Мы совсем уже потеряли надежду Вас увидеть.

— Я жил в ландышах, — отвечал с увлечением Мюрже.

— В Ландышах? Где же это такое, я что-то не знаю такой местности.

— Это не местность, — отвечал, улыбаясь, Мюрже, — я был в лесу в Фонтенбло, куда езжу каждую весну любоваться, как цветут дорогие моему сердцу ландыши; любовался ими по целым часам и теперь.

— Дитя! — воскликнул с презрением Бюлоз, который ничего не признавал, кроме своего журнала, — истинное дитя!

Но дитя это было поэтом — поэтом, проникнутым любовью к природе, находившим среди нее отдых, находившим, как это можно видеть из его прелестного романа «Каникулы Камиллы», в ней свое утешение. Старый роман этот позабыт, но всякий любитель природы прочтет его и теперь с удовольствием.

В заключение приведем еще маленькую немецкую загадку о ландыше, в переводе она звучит так: «Я знаю хорошо один колокольчик, он блестит ярко по всей стране. Из серебра он кажется вылитым, а между тем вырос из земли; снабжен он и язычком, но никогда никто не

слыхал его звона. Не висел он также ни на одной из колоколен. Он только блестит и красуется в глубине».

1 Теперь Цюльпих (ФРГ).2 Майтранк — освежительный напиток, ранее приготавливавшийся в Германии с применением травянистого растения ясменника.3 Сейчас во многих европейских странах ландыш взят под охрану, и сбор его на букеты запрещен.4 Очанка (эуфразия) — невысокое травянистое растение из сем. норичниковых, с небольшими бело-розовыми неправильными цветками; широко распространена на европейской территории; иногда применялась как лекарственное растение.5 Аконит, или борец, — высокое травянистое растение из сем. лютиковых; очень ядовито; выращивается как декоративное; применяется в гомеопатии.

Эмблема непорочности, цветок архангела Гавриила и династии Бурбонов — лилия

Празднества в Риме

Лилия — эмблема королевской власти

Царство лилий

Священные лилии

Лауенбургская лилия

Лилия с могилы

Поверье о кавказской лилии

«Лилия — самый благородный цветки самый блистательный, поднявший без страха свою величественную головку».

Белая чудная лилия — этот символ невинности и чистоты — имеет также в мифологии свою интересную легенду. Греки приписывали ей божественное происхождение; по их словам, она выросла из молока матери богов — Юноны.

Рассказывают, что фиванская царица красавица Алкмена, мать Геркулеса, боясь мести ревливой Юноны, чтобы укрыть рожденного ею от Юпитера Геркулеса, положила его под густой кустарник; но Минерва, знавшая божественное происхождение малютки, нарочно повела Юнону к этому месту и показала ей бедного, покинутого своей матерью ребенка. Здоровый, прелестный мальчуган очень понравился Юноне, и как защитница и покровительница всех новорожденных она согласилась дать томившемуся от жажды малютке пососать своего молока. Но мальчик, почувствовав в ней инстинктивно своего врага, так сильно укусил ее, что она, вскрикнув от боли, грубо оттолкнула его. Молоко брызнуло и, разлившись по небу, образовало Млечный путь, а несколько капель его, упав на землю, превратилось в лилии. По этой-то причине цветы эти у греков носили также название и роз Юноны.

Другой вариант легенды гласит, будто бы Юпитер, желая сделать Геркулеса бессмертным, приказал Морфею приготовить для Юноны снотворный напиток, и когда, напившись его, богиня погрузилась в глубокий сон, то послал быстрого Меркурия подложить ей под грудь маленького своего любимца. Здоровый, проголодавшийся мальчуган принялся сосать с

жадностью, и из нескольких пролитых им на землю капель молока выросли те прелестные белые цветы, которые получили название лилий.

Но гораздо ранее, чем грекам, лилия была известна древним персам, у которых даже столица называлась Суза¹, т.е. город лилий. По этой же причине и в гербе ее как символ непорочной красоты красовалось несколько этих цветов.

Мы знаем далее, что и у древних иудеев цветок этот пользовался большой любовью и славой непорочности. По еврейским сказаниям, он рос в раю как раз во время искушения Евы диаволом и мог оскверниться им; но и среди искушения остался он так же чист, как был, и ничья грязная рука не осмелилась коснуться его. Вследствие этого евреи украшали им не только священные алтари свои, но нередко и чело своих венценосцев, как, например, царя Соломона. А великий тирский архитектор, строивший храм Соломона, придавал изящную форму лилии чудным капителям громадных колонн этого храма и украсил изображениями лилии его стены и потолок, разделяя с евреями мнение, что цветок этот красой своей будет способствовать усилению молитвенного настроения среди молящихся в храме. По этой же причине, вероятно, Моисей приказал изображением лилии украшать седьмисвечник и придавать ее форму купели, где умывался первосвященник.

Существует также предание, что под лилией находилась колыбель Моисея, но, конечно, не под белой, а под желтой, которая обыкновенно растет среди тростников и камышей².

Лилия встречается и у египтян, у которых ее изображение то и дело попадает в иероглифах и обозначает то кратковременность жизни, то свободу и надежду. Кроме того, белыми лилиями, по-видимому, украшали тела умерших молодых египетских девушек; подобная лилия была найдена на груди мумии молодой египтянки, хранящейся теперь в Луврском музее в Париже. Из этого же цветка египтяне готовили знаменитое в древности благовонное масло — сузинон, о котором подробно говорится у Гиппократ в его трактате «О природе женщины».

Немалую роль играла лилия и у римлян, особенно в их цветочных празднествах, посвященных богине весны — Флоре.

Празднества эти происходили ежегодно в последних числах апреля и представляли собой игрища, где женщины при звуках труб и литавров состязались в борьбе и беге. Победительницы получали в награду венки из цветов, их засыпали, как это и ныне часто делается при чествовании победителей на играх, целым дождем цветов. При поднесении венков появлялась статуя самой богини, украшенная цветами и гирляндами и покрытая розовым покрывалом, которое она придерживала правой рукой; в левой же у нее находились горох и бобы, которые эдилы³ во время этих игр бросали горстями, как лакомства, римской черни. Празднества эти были основаны возлюбленной Помпея, Аккой Лауренцией, которую за необычайную красоту другой ее поклонник, Циций Метелл, причислил даже к сонму богинь, поставив ее изображение в храме Кастора и Поллукса.

Кроме статуи богини цветами на этих празднествах были убраны ложи, амфитеатр, арена и публика. И потому на убранство это требовалась такая масса цветов, что их даже искусственно выгоняли к этому времени в парниках и теплицах.

Среди украшавших эти празднества цветов главную роль играла роза, но белая лилия служила признаком изысканного вкуса. Это был цветок роскоши, изящества, цветок, которым постоянно старались блеснуть богатые патриции и патрицианки, убирая им как себя, так и свои ложи и даже колесницы. По этой же причине цветок этот считался у римлян символом надежды и изображение его помещалось даже на римских монетах как ожидание народом принятых благ от царя и сопровождалось словами «Надежда народа, надежда царя, надежда римлян».

Кроме того, греки и римляне смотрели на нее, как и мы, как на символ непорочности и потому увенчивали невесту и жениха венками из лилий и пшеничных колосьев в знак той чистой и полной изобилия жизни, которую им желают.

Лилия встречалась также и в древнегерманской мифологии, и бог грома Тор всегда изображался держащим молнию в правой руке, а скипетр, увенчанный лилией, в левой. Ею же украшалось чело древних обитателей Померании во время празднеств в честь богини весны, а благоухающий ее венчик служил в германском сказочном мире волшебным жезлом для Оберона и жилищем маленьких сказочных созданий — эльфов.

По этим сказаниям, каждая лилия имеет своего эльфа, который вместе с нею рождается и вместе с нею умирает. Венчики этих цветов служат этим крошечным созданиям колокольчиками, и, качая их, они созывают на молитву своих благочестивых собратьев. Молитвенные эти собрания происходят обыкновенно в поздний вечерний час, когда в садах все успокоилось и погрузилось в глубокий сон. Тогда один из эльфов бежит к гибкому стеблю лилии и начинает его качать. Колокольчики лилий звонят и будят своим серебристым звоном сладко спящих эльфов. Крошечные существа просыпаются, вылезают из своих мягких постелек и молча с важностью отправляются в венчики лилий, которые служат им в то же время как бы молельнями. Здесь они преклоняют свои колена, складывают набожно ручки и благодарят в горячей молитве Создателя за ниспосланные им блага. Помолвившись, они так же молча спешат назад в свои цветочные люлечки и вскоре опять засыпают глубоким, беспечным сном...

Но нигде лилия не имела такого исторического значения, как во Франции, где с ней связаны имена основателя французской монархии Хлодвига, королей Людовика VII, Филиппа III, Франциска I и целая легенда о появлении ее на знамени французских королей. Об этом появлении знаменитых трех золотых лилий старинные предания сообщают следующее.

Хлодвиг, будучи еще язычником, видя в сражении при Толбиаке, что аллеманы⁴, с которыми он вел войну, берут верх над его воинами, воскликнул: «Христианский Бог, Бог, которому поклоняется моя жена Клотильда (дочь короля Хильпериха, христианка), помоги мне одержать победу, я верю в Тебя!» И тогда внезапно явился ему ангел Божий с ветвью лилий и сказал, чтобы отныне он сделал этот цветок своим оружием и завещал его своим потомкам. В ту же минуту солдат Хлодвига охватило необычайное мужество, с обновленными силами они устремились на врага и обратили его в бегство. В благодарность за это Хлодвиг в 496 году н.э. отправился в Реймс и со всеми своими франками, их женами и детьми принял святое крещение. И вот с этих-то пор лилия становится во Франции эмблемой королевской власти под сенью церкви.

Но полученная от ангела Хлодвигом лилия, по мнению многих ученых, была не белая, а огненно-красная. Это был, по их мнению, тот самый цветок, который рос в Восточной Фландрии, в речке Ли (Lys), вливающейся в Шельду, где произошла битва Хлодвига, после которой победоносные воины его, нарвав лилий, возвратились на родину с венками из этих цветов на голове. От названия этой же речки, вероятно, произошло и французское название цветка — (Ли, лис).

О красной этой лилии, скажем кстати, сложилось даже особое предание. Рассказывают, будто она превратилась из чисто-белой в ночь перед крестным страданием Спасителя.

Когда Спаситель, томимый тяжелой тоской, проходил в эту ночь по Гефсиманскому саду, то все цветы склоняли перед ним свои головки в знак сострадания и печали. Но лилия, в темноте своей несравненной белизной блестя, сказала себе в самосознании своей красоты: я настолько прекраснее всех моих остальных собратьев, что буду стоять прямо на своем стебле и пристально смотреть, когда Он пройдет мимо меня, чтобы Он мог хорошенько насладиться моей красотой и моим запахом.

И Спаситель действительно остановился на минуту, возможно даже, чтобы полюбоваться ею, но когда страдальческий взор Его при лунном свете упал на нее, то лилия, сравнив свою гордость с Его смирением и видя, как все остальные цветы преклонили в горе перед Ним свои головки, вдруг почувствовала такой упрек, такое угрызение совести, что румянец стыда разлился по всем ее лепесткам... Румянец этот так и остался на ней навсегда.

Вот, добавляет легенда, почему красные лилии никогда не стоят с поднятыми вверх головками и к ночи смыкают всегда свои лепестки.

Мнение, однако, что лилия Хлодвига была красная, в дальнейшем не подтверждается, так как королевские французские лилии, являющиеся эмблемой королей, были всегда белые.

Обращение Хлодвига в христианство произошло, как мы видели, еще в V веке, и с этих пор проходит много столетий, а о лилии во французских хрониках больше ничего не говорится. Единственным воспоминанием о ней за это время является лишь увенчанный этим цветком скипетр первых французских королей, хранящийся в Сен-Жермен-де-Пре, старейшей из церквей Парижа, построенной еще в XI столетии.

В XII же столетии избирает лилию своей эмблемой и Людовик VII, когда, отправляясь во второй крестовый поход как начальник отдельного отряда, по обычаю того времени, должен был избрать себе какой-нибудь девиз для помещения на знамени.

Он избирает ее, с одной стороны, потому, что название ее, произносившееся тогда Loys (Лои), имеет некоторое сходство с его именем — Louis (Луи), а с другой, в воспоминание о том, что король Хлодвиг с ее помощью одолел врагов христианства; он же идет тоже на борьбу с неверными. Кроме того, эти лилии должны были напоминать его воинам еще и геройский подвиг государя, который изгнал из их отечества римлян и был снователем французской монархии.

Таким образом, здесь в первый раз появляется то белое знамя с тремя золотыми лилиями, которое становится впоследствии эмблемой королевской власти и преданности папскому престолу⁵.

Лилия встречается также в гербе Людовика IX Святого, но только вместе с маргариткой, которую он присоединил в память об его любимой жене Маргарите. Три лилии красовались также и на его знаменах во время предпринятых им крестовых походов и обозначали сострадание, правосудие и милосердие — три добродетели, которыми отличалось все царствование этого добрейшего из королей.

Форму лилии придавали также, как мы уже говорили, концу скипетра, и сама Франция называлась царством лилий, а французский король — королем лилий.

Про лилии говорили: «лилии не прядут»⁶, указывая тем, что на французском престоле не может быть женщина, а выражение «etre assis sur des lys» обозначало занимать высокую должность, так как лилиями были украшены не только все стены судилищ, но даже и все сиденья стульев.

Наследовавший Людовику XI Филипп III Смелый был первым из французских королей, печать которого состояла просто из трех лилий, а при Карле VII, жившем с 1422 до 1461 года, т.е. 200 лет спустя после Филиппа III Смелого, печать эта становится уже и государственным гербом. Этот же король, желая почтить память Жанны д'Арк, не находит ничего более высокого и благородного, как возвести ее родных в дворянское достоинство под фамилией du Lys (Лилиевых) и дать им герб, представляющий собой на синем поле меч с двумя лилиями по бокам и венком из лилий наверху.

При Людовике XII лилия становится главным украшением всех садов Франции и называется

цветком Людовика, так как, по словам современников, ничто лучше этого чистого, безупречного цветка не могло передать чистоту нравов и души этого отца народа.

Немалую роль играла лилия еще и в изображении орденских знаков. Людовик XVIII, возвратясь на престол после стодневного царствования Наполеона I, учредил орден Белой лилии, состоявший из серебряной лилии, привешенной на белой шелковой ленте. Орден этот был роздан им в таком количестве, что сделался как бы эмблемой партии Бурбонов в противоположность приверженцам Наполеона, эмблемой которых служила фиалка.

Заметим кстати, что во времена республики 1793 года республиканское правление всячески старалось унижить эту эмблему королевской власти и даже приказало клеймить изображением лилии каторжников⁷.

На военных же знаменах знак лилий был заменен орлом с распростертыми крыльями, а в 1830-48 годах — галльским петухом.

В эту эпоху знаменитый Тюильрийский сад в Париже был всегда переполнен чудными белыми лилиями — и вдруг они исчезли. Говорят, это случилось по приказанию короля Луи Филиппа, который велел все их срезать. Насколько это верно, неизвестно, но с 1830 года лилии в этом саду более не цвели.

Другой орденский знак, в котором были изображены лилии, был установлен еще в 1048 году наваррским королем Дан Гарсиа IV. Далее папа Павел III учредил в 1546 году также орден Лилии, которым награждал преимущественно поборников церкви и папского престола, а папа Павел IV утвердил его и поставил выше других орденов. Изображение же лилии находится и в высшем итальянском ордене Аннунциаты, основанном в 1362 году герцогом савойским Амедеем VI.

Кроме того, лилия вообще считалась очень почетным знаком во французских гербах и встречалась также на монетах. Людовик XIV выпустил в оборот в 1655 году монеты, носившие даже названия золотых и серебряных лилий. Золотая лилия стоила 7 ливров (фунтов серебра) и содержала в себе 23 карата золота. На одной стороне ее находилось изображение короля или украшенного лилиями и увенчанного на концах коронами креста, а на другой — герб Франции с лилиями, поддерживаемый двумя ангелами.

Серебряные лилии были трех достоинств: в 20, 10 и 5 су. Они имели изображение короля с короной на лицевой стороне, а на оборотной — изображение креста из 8 переплетшихся L, увенчанного короной и окруженного четырьмя лилиями. Монеты эти ходили очень недолго: серебряные были упразднены в следующем же году, а золотые продержались до 1679 года. Теперь они, особенно серебряные, представляют большую редкость и отсутствуют даже во многих самых больших нумизматических коллекциях.

Изображение лилии имели также еще и другие французские монеты — флорины, введенные впервые в употребление во Флоренции и носившие такое название от итальянского слова *fiore* (цветок), под которым часто подразумевались лилии, красовавшиеся в гербе Флоренции⁸. Первые флорины появились во Франции в царствование Людовика IX. На одной стороне их находилось изображение короля или Иоанна Крестителя, а на другой — окруженный лилиями крест с надписью: «Христос побеждает, Христос царствует, Христос правит».

Лилия пользовалась вообще большой любовью во Франции. Цветок этот считался искони выражением высшей степени благоволения и уважения, и потому в аристократических семьях было в обычае, чтобы жених посылал своей невесте каждое утро, вплоть до самой свадьбы, букет из живых цветов, среди которых должно было быть непременно несколько белых лилий.

Такою же любовью пользуется лилия и у южных соседей французов: испанцев и итальянцев. У этих народов и вообще во всех католических землях она считается преимущественно цветком Пресвятой Девы, и изображение Божьей Матери окружено здесь постоянно гирляндой из этих цветов. В венках же из лилий идут здесь девушки в первый раз к св. Причастию, что делается в память того, что, будто, в таких венках в первые времена христианства все девушки принимали и св. Крещение.

В Пиренеях же существует с незапамятных времен обычай ежегодно 24-го июня, в Иванов день, приносить срезанные в громадном количестве лилии в церковь и ставить их в больших изящных вазах для освящения. Здесь они остаются в продолжение всей обедни и окропляются святой водой, а затем из освященных таким образом лилий делают букеты и, расположив их крест-накрест, прибавляют над дверью каждого дома, который с этой минуты считается уже как бы под охраной Иоанна Крестителя. Тут букеты эти остаются до следующего Иванова дня.

Существует предание, что с лилией в руке явился в день св. Благовещения архангел Гавриил к Пресвятой Деве, и потому на всех наших иконах, представляющих это событие, он изображается всегда с ветвью этих цветов⁹. С такой же ветвью как символом чистоты и непорочности изображаются у католиков св. Иосиф, св. Иоанн, св. Франциск, св. Норберт, св. Гертруда и некоторые другие святые. Лилиями же убирают в подземных римских катакомбах и гробницу св. Цецилии.

Германия тоже немало увлекалась лилией.

Мы уже говорили о роли этого цветка в древнегерманской мифологии, но, кроме того, о нем существует здесь еще немало разных легенд и вне мифологических сказаний.

Лилия, надо сказать, разводилась в средние века в громадном количестве в монастырских садах и достигла такой величины и красоты, что невольно возбудила всеобщее удивление и тем породила среди невежественной массы немало сказаний, связанных с жизнью монахов.

Так, в Корвейском монастыре, существовавшем в средние века на реке Везере, на основании этих сказаний она играла роль цветка смерти. Каждый раз тот из братии, кто должен был умереть, находил за три дня до смерти на своем стуле в церкви белую лилию.

И вот однажды, рассказывает предание, один из честолюбивых монахов задумал было воспользоваться им, чтобы избавиться от старого надоедливого настоятеля монастыря и занять его место. Тайно, добыв ветку лилий, он положил ее на место престарелого приора, и старичок, испугавшись, не замедлил действительно отдать Богу душу. Желание честолюбца исполнилось, и он был избран настоятелем. Но, заняв так соблазнявшее его положение, он с этих пор не находил себе покоя. Угрызения совести его мучили, всякая радость, всякое спокойствие духа исчезли, он постепенно зачах и, сознавшись на предсмертной исповеди в содеянном им преступлении, умер...

Интересно также существующее в горах Гарца сказание «о цветущей ночью лилии».

Дело происходило близ городка Лауенбурга. Прелестная крестьянская девушка Алиса отправилась с матерью в лес за хворостом, и по дороге они неожиданно повстречали властителя этой страны графа Лауенбургского, большого дон-жуана и волокиту. Прельстившись ее красотой, граф тотчас же приглашает ее прийти к себе в замок и обещает обогатить ее и сделать счастливейшей из смертных.

Зная его жестокость и упорство, мать для виду тоже уговаривает Алису согласиться на предложение графа, но как только он уезжает, бежит с дочерью в соседний монастырь и умоляет настоятельницу укрыть их от преследований графа.

Вскоре, однако, граф открывает их убежище, берет со своими рыцарями приступом монастырь и похищает несчастную. Обхватив ее крепко, он мчится с ней на коне в свой замок и в полночь въезжает к себе на двор. Но горный дух вступает за нее, похищает у нее душу, и граф привозит к себе Алису уже мертвой.

Ее снимают с коня, и в том месте, где ее ноги коснулись земли, вырастает чудная белая лилия, которая в народе слывет с тех пор под названием «лауенбургская лилия».

Очень красива еще легенда о лилии, существующая в нормандских народных сказаниях.

Один рыцарь, изверившись в любви женщин и будучи не в состоянии найти себе жену, стал по целым дням проводить время на кладбищах, как бы вопрошая смерть, не укажет ли она ему путь к счастью?

И вот, блуждая среди могил, он встретил в одно прекрасное утро женщину такой красоты, какой не мог даже себе и представить. Она сидела на одной из мраморных плит, разодетая в роскошное платье, с чудными блестящими драгоценными камнями на поясе. Ее волосы были золотисты, как пыльца лилии, которую она держала в руках.

Вокруг нее распространялось такое чудное благоуханье и она сама была так пленительна, что душа рыцаря исполнилась каким-то благоговением, и он, став на колени, поцеловал ее руку.

От этого поцелуя красавица как бы пробудилась ото сна и, улыбнувшись ему, сказала: «Не хотите ли Вы, рыцарь, взять меня с собой в замок? Вы ждали меня долго, и вот я явилась, так как наступил наконец час, когда я могу собой располагать. Я дам Вам то счастье, которое Вы так долго искали. Но прежде чем я отправлюсь с Вами, Вы должны обещать мне, что никогда в моем присутствии не будете говорить о смерти и что даже самое слово 'смерть' никогда в Вашем доме не будет произнесено. Думайте обо мне как об олицетворении жизни на земле, как о цветке юности, как о нежности любви, и думайте так постоянно.»

Восхищенный рыцарь посадил красавицу на свою лошадь, и они поехали. Животное пустилось вскачь, как бы не чувствуя никакого прибавления веса, и когда они проезжали по полям, то дикие цветы наклоняли свои головки, деревья нежно шелестели листьями и весь воздух был напоен чудным запахом, словно из какого-то невидимого поля лилий.

Они поженились и были очень счастливы. И если иногда свойственная рыцарю меланхолия и овладевала им, то стоило только молодой жене вдеть в волосы или приколоть на грудь лилию, как всю печаль его как рукой снимало.

Наступило Рождество. Молодые решили пригласить соседей и устроить пир на славу.

Столбы были изукрашены цветами, дамы весело улыбались и так и блестели от покрывавших их платья драгоценных камней, а мужчины были в самом веселом настроении духа, смеялись, шутили.

А в то время как все пировали, приглашенный певец-трубадур пел то о любви, то о турнире и рыцарских подвигах, то о благородстве и чести. Потом, воодушевившись, перешел к еще более возвышенным темам и запел о небесах и о переселении в них через смерть.

И вдруг при этих словах красавица-лилия побледнела и начала увядать, как цветок, сраженный морозом.

В отчаянии схватывает рыцарь ее в свои объятия, но с ужасом видит, что она все съеживается и съеживается и он держит в своих объятиях уже не женщину, а лилию, дивные лепестки которой так и осыпаются на землю. Между тем в воздухе слышатся тяжелые вздохи,

как бы рыдания, и вся зала наполняется тем чудным запахом, какой он чувствовал при первой встрече с ней.

Отчаянно махнув рукой, рыцарь удаляется и исчезает во мраке ночи, чтобы никогда уже более не появляться...

Перемены произошли и на дворе: сделалось холодно, мрачно, и ангелы засыпали с неба землю лепестками лилий, как снегом.

В Германии с лилией связано также немало сказаний о загробной жизни.

Она, как и надгробная роза, служит у немцев свидетельством то преданности, то посмертной мести покойника. По народному поверию, ее никогда не сажают на могилу, а она сама вырастает здесь под влиянием какой-то невидимой силы, и вырастает преимущественно на могилах самоубийц и людей, погибших насильственной и вообще страшной смертью. Если она вырастает на могиле убитого, то служит знаком грозящей мести, а если на могиле грешника — то прощения и искупления им грехов. Такое поверье даже рассказано в известной средневековой балладе «Слуга убийцы».

Баллада эта рассказывает, как одна благородная дама по желанию своего возлюбленного уговорила преданного ей слугу убить своего мужа, напав на него врасплох среди поля. Слуга выполняет поручение, прекрасная дама хвалит его и щедро награждает; но когда она проезжает на своем сером коне по полю, где совершено убийство, то вдруг растущие тут белые лилии начинают грозно кивать ей головками. Страх и угрызение совести овладевают ею, ни днем, ни ночью она не находит более покоя и идет в монастырь¹⁰.

На лилиях же, выражающих искупление грехов, появляются всегда какие-нибудь написанные золотыми буквами слова. О таких словах говорится в средневековых песнях о рыцарях-разбойниках Шютензаме и Линденшмите, пойманных и казненных нюрнбергцами, а также в песне о графе Фридрихе, убившем нечаянно выпавшим у него из ножен мечом свою невесту. В отчаянии ее отец убивает его, и песня кончается словами: «Прошло три дня, и на его могиле выросли 3 лилии, на которых было написано, что Господь принял его к себе, в свои святые обители».

Наконец, она служит как бы приветом покойника оставшимся на земле дорогим для него существам, вследствие чего существует даже поверье, что этот цветок сажается на могиле духом покойника.

Скажем еще, что некоторые кавказские лилии могут под влиянием дождя желтеть и краснеть, и потому кавказские девушки пользуются ими для гадания.

Избрав бутон лилии, они раскрывают его после дождя, и если он окажется внутри желтым, то суженый их неверен, если же красным — то по-прежнему любит.

Основанием этого поверья послужила очень интересная, возникшая еще в XI столетии легенда.

Однажды, говорит эта легенда, один уздень¹¹, возвратясь с набега, привел с собой юношу, сына погибшего во время одной схватки товарища, и усыновил его.

Юноша, поселясь в доме своего второго отца, познакомился с его дочерью, красавицей Тамарой, и влюбился в нее. Она отвечала ему тем же, и молодые люди решили повенчаться.

Но отец просватал ее за другого.

Тогда юноша предлагает ей бежать с ним, но девушка, покорная всегда воле отца, не соглашается и обещает только помолиться о благополучном исходе, будучи уверена, что все

обойдется благополучно, если она только сходит к одному святому отшельнику, живущему в горах, и попросит его об этом.

И вот, собрав нескольких слуг и родственников, Тамара отправляется к нему. Приходят. Сопровождающие ее остаются снаружи, а она входит к нему в келью. В это время разражается страшная гроза. Дождь льет как из ведра, молния так и сверкает, гром гремит, не переставая. Свите еле-еле удается укрыться в соседней пещере.

Гроза проходит, свита ждет час, другой, наступает вечер, а Тамары все нет.

Тогда все родственники идут к монаху спросить, что с Тамарой, отчего она не появляется? Но отшельник говорит им: «Господь услышал нашу молитву. Тамара более не томится душой, более не страдает. Смотрите сюда!»

Сопровождающие, следуя знаку монаха, смотрят и видят в его саду такой красоты лилию, какой им до этого времени никогда не приходилось видеть. Чудный запах ее доносится до них как фимиам.

Но ими овладевает сомнение. Они не хотят верить в чудо: вытаскивают затворника из его кельи, обыскивают все жилище, весь сад и, придя в неописуемый гнев, нападают на него и убивают.

Затем они сжигают все, что может гореть, разрушают дом, разбивают изображения святых, ломают старые деревья, уничтожают всю его библиотеку — словом, когда идут наконец сообщить отцу о таинственном исчезновении Тамары, то на месте пожарища и разрушения остается одна только лилия.

Узнав о гибели своей дорогой, незабвенной дочери, отец умирает, но юноша спешит на место преобразования цветка и, остановившись перед ним, спрашивает: «Правда ли, что это ты, Тамара?» — И вдруг раздается тихий, как от дуновения ветерка, шепот: «Да, это я».

В отчаянии юноша наклоняется к ней, и крупные слезы его падают на землю возле лилии. И видит он, что лепестки лилии начинают желтеть, как бы от ревности, а когда следующие падают на цветок, то они окрашиваются в красный цвет, как от радости.

Ясно, что это его дорогая, милая Тамара, что ей приятны его слезы, что она жаждет ими упиться.

И он льет их, льет их без конца, так что к ночи Господь, сжалившись над ним, превращает его в дождевую тучу, чтобы он мог как можно чаще освежать лилию-Тамару дождевыми каплями, как своей любовью.

И вот теперь, когда на Кавказе начинается засуха, деревенские девушки с песней о Тамаре отправляются на жаждущие влаги поля и усыпают их цветами лилий.

Привлеченная дорогим для нее цветком, туча собирается и обильно обливает землю своими горячими слезами...

В заключение напомним еще о значении лилий в Китае.

В этой стране курьезов под названием «золотая лилия» является не наш очаровательный цветок, а изуродованная копытообразная нога китайки, считающаяся у сынов Небесной империи, как известно, верхом красоты. Благодаря таким изуродованным ногам, походка китайок бывает обыкновенно очень медленна и неграциозна, и для того, чтобы удержаться в равновесии, бедным женщинам приходится шататься из стороны в сторону и сильно размахивать руками. Но именно это-то шатание и уподобляется китайцами нежному колыханию лилий, а вызывающие его изуродованные ноги — самой лилии.

Что сказала бы на это лилия, если бы она только могла говорить?!

1 От этого же слова происходит, как думают, и имя Сусанна, так как по-еврейски shucham значит также лилия (Прим. авт.).² Здесь, очевидно, речь идет не о лилии (которая не растет в воде), а водяном желтом ирисе.³ Эдилы — выборные должностные лица в Древнем Риме, наблюдавшие за общественным порядком и проведением празднеств.⁴ Аллеманы — французское название немцев.⁵ Следует отметить, что по последним исследованиям историков, искусствоведов и ботаников, геральдической лилией, эмблемой французского королевского двора, является не лилия, а ирис. Подробнее об этом см. «Жизнь растений», т. VI, М., «Просвещение», 1982, стр. 192, а также статью В.Цоффки «Ирис во все времена» (журнал «Декоративное искусство СССР», 1988, № 4).⁶ Вспомним роман известного французского писателя М.Дрюона, в переводе называющийся «Негоже лилиям прясть». ⁷ Главный герой романа А.Дюма «Три мушкетера» обнаруживает клеймо в виде лилии на плече миледи.⁸ В гербе Флоренции также изображен стилизованный цветок ириса (вспомним стихотворение А.Блока «Флоренция, ты — ирис нежный...»).⁹ На картинах «Благовещение» (одна — кисти Сандро Боттичели, написана в 1489 — 1490 гг., другая — Андреа дель Сарте (1511 — 1514), как и на многих других картинах и иконах, архангел Гавриил изображен с цветущей лилией.¹⁰ В балладе А.Мицкевича «Лилии» (перевод С.Мар) героиня, убив мужа, сажает на могиле белые лилии.¹¹ Уздены — одна из категорий бывшего феодального дворянства на Северном Кавказе.

Цветок рыцарей, любви и гаданий — маргаритка

Вечная красавица

Гадание по лепесткам маргаритки

Любимое имя принцесс

Провозвестница весны

Существует очень красивая легенда о происхождении этого небольшого беленького или розоватого, образующего прекрасные бордюры на наших клумбах и красивые группы на зеленом газоне цветочка.

Рассказывают, что Пресвятая Богородица, желая однажды зимою доставить удовольствие маленькому Иисусу и подарить ему венок из цветов, не найдя ни одного на побитых холодом полях, решила сделать их сама искусственно из шелка.

И вот, выделявая различные цветы, она сделала одни, которые особенно понравились младенцу Иисусу. Это были маленькие маргаритки, сделанные из желтой шелковой материи и толстых белых нитей. Приготавливая их, Пресвятая Богородица не раз колола себе пальцы иглой, и капли крови ее окрасили местами эти нити в красноватый или розоватый цвет. Вот почему кроме белых лепестков встречаются и розоватые и на нижней стороне они часто бывают окрашены в красный цвет.

Цветы эти так понравились младенцу Иисусу, что он хранил их всю зиму, как драгоценность, и когда наступила весна, высадил в долине Назарета и стал поливать. И вдруг искусственные цветы эти ожили, пустили корни, стали расти и, разрастаясь все более и более, переселяясь из одной страны в другую, вскоре разрослись по всей земле. И теперь, как бы в воспоминание

об этом чуде, цветут эти прелестные цветочки с ранней весны до глубокой осени, и нет в мире страны, где бы их нельзя было встретить.

По другому сказанию, маргариток называют «цветками Пресвятой Девы Марии» и о происхождении этого названия рассказывают следующее.

Когда Пресвятая Дева Мария по получении от архангела Гавриила благой вести, отправилась сообщить об этом своей родственнице Елизавете, то ей пришлось долго идти по горам и долинам Иудеи.

И вот, когда она проходила по полям, то всюду, где только нога будущей Божьей Матери касалась земли, всюду выростали маленькие блестящие белые цветочки, так что весь путь ее, обозначаясь ими, образовывал как бы целую цветочную дорожку. Цветы эти и были наши скромные белые маргаритки.

Белые, окружавшие в виде сияния лепестки их напоминали славу Божию, а золотая середина — священный огонь, горевший в сердце Марии.

По другому же варианту дело произошло так.

Когда Пресвятая Дева Мария, будучи еще ребенком, смотрела ночью на небо, усеянное бесчисленными блестящими звездами, то высказала желание: как хорошо было бы, если бы все эти чудные звезды сделались земными цветами и она могла бы с ними играть.

Тогда звезды, услышав это пожелание, сейчас же отразились в покрывавших наземные растения блестящих каплях росы, и когда на другое утро солнце озарило землю, она вся была усеяна, как звездами, белыми цветочками.

Пресвятая Дева была в восхищении, украсила ими себя и сказала, что они вечно будут ее любимыми цветами и пусть называются цветами Марии.

С тех пор, заканчивает сказание, цветы эти заключают в себе счастье, и их вопрошают о нем, пересчитывая и обрывая их лепестки.

Таковы христианские легенды о происхождении маргаритки, но цветок этот имеет еще и языческие.

Латинская легенда говорит: когда однажды прелестная лесная дриада Белидес плясала и резвилась с возлюбленным своим Эфигеем, то обратила на себя внимание этрусского бога времен года — Вертумна, который, прельстившись ею, хотел во что бы то ни стало обнять ее и увести с собой.

В отчаянии и бессилии бедняжка, не зная, что делать, как отвязаться от неотступно преследовавшего ее старика, обратилась с мольбой к бессмертным спасти ее, и боги, сжалившись над ней, превратили ее в хорошенький полевой цветок. Цветок этот получил название *Bellis perrenis* — вечной красавицы, которым теперь и обозначают нашу маргаритку в науке.

По другой легенде, она возникла из праха Альцесты, жены фессалийского царя Адмета, которая пожертвовала своей жизнью, чтоб спасти жизнь мужа.

Адмет этот был любимцем Аполлона, который упросил богинь судьбы Мойр не дать ему умереть в назначенный час, если кто-либо другой согласится принять за него смерть.

Настает час, но никто из друзей не решается за него умереть. Даже престарелые родители, и те не хотят пожертвовать ради него свою жизнь. Только верная жена его Альцеста отказывается от полной радости жизни и умирает за него.

Тогда Геркулес, зашедший к нему во время совершения своих подвигов, узнав случайно об этом великом самоотверженном и великодушном поступке, решается во что бы то ни стало вернуть ее снова к жизни.

Он отправляется в Ад и добивается у Танатоса, бога смерти, чтобы он опять вернул ее на землю; но так как в человеческом виде она не может уже вернуться, то появляется в виде цветка — маргаритки.

Скажем кстати, что название свое цветок получил от греческого слова margarites, обозначающего «жемчужина», так как покрывающие зеленые луга бесчисленные ее белые цветочки действительно кажутся как бы жемчужинками.

В северных сагах маргаритка посвящалась еще богине весны, и гирляндой из ее цветов обвивали каждую весну кубок этой богини. Кроме того, цветы ее приносились в жертву богине любви — Фрее, и потому ей давали нередко название цветка любви и невесты солнца.

В этом последнем названии и приношении цветка в жертву богине любви кроется, по мнению многих ученых, и происхождение известной всем роли этого цветка как любовного оракула.

Эту роль цветка для гадания — «любит, не любит» маргаритка, по-видимому, начинает играть уже с незапамятных времен и притом не только в одном каком-либо отдельном государстве, а почти во всех западноевропейских, исключая разве Англию. В немецком языке существует даже особое ее народное название — «Maasliebchen», т. е. мерка любви, которое ведет свое начало с древних времен и имеет своей основой старинную детскую игру, соединенную с обрыванием ее лепестков.

Зайдя далеко в лес или поле и боясь, как бы родители их не стали бранить, дети в Германии обыкновенно брали да и теперь берут такую маргаритку и, обрывая ее лепестки, гадают, будут ли их бранить дома или нет, приговаривая: «Побои, брань, добрые слова». И то слово, при котором будет оборван последний лепесток, и должно обозначать, что их ожидает.

Словом, делают то же самое, что, мы видим, теперь делают наши молодые люди (особенно барышни), обрывая лепестки и приговаривая: «Любит, не любит, плюнет, поцелует, к сердцу прижмет, к черту пошлет», и что было выведено еще Гете в «Фаусте», когда, гуляя в саду под руку с Фаустом, Маргарита срывает маргаритку и, обрывая ее лепестки, шепчет:

«Он любит, нет; Он любит, нет; Он любит...»

Только в наше время оракулом этим служит чаще не маленькая маргаритка, называемая по-французски raquetette, а носящая во Франции название маргаритки красивая крупная, с желтой серединой и белыми крупными лучами полевая ромашка (по-русски — поповник), у которой лепестков менее, да и лепестки эти гораздо крупнее, так что, следовательно, и обрывать их легче, и результата можно добиться скорее. Если не ошибаемся, с такой же ромашкой происходит и сцена в «Фаусте».

Кроме Германии маленькая маргаритка играла роль любовного оракула также еще и среди сельского населения многих провинций Франции, и в Нормандии с незапамятных времен существует даже песенка: «Маргариточка, маленький цветочек, красный по краям и с зеленою каймою, открой (скажи) судьбу моей любви».

Песенка эта сопровождалась обрыванием лепестков и гаданием по ним.

Особенно, однако, этот способ гадания судьбы был развит в средние века, когда вместо маргаритки часто прибегали даже к узелкам на случайно сорванной травинке, число которых также определяло судьбу, ожидающую гадающего.

Вообще маргаритка играла в это время немалую роль, особенно у рыцарей. И рыцарь, возлюбленная которого изъявляла согласие отдать ему свое сердце, получал право изобразить на своем щите маргаритку. Если же возлюбленная не хотела ему сказать ни «да», ни «нет», и только как бы склонялась к этому, то в ответ на выраженную им любовь, дарила ему венок из маргариток, который на средневековом языке цветов обозначал «я еще подумаю».

И такой скромный, даже смешной, по нашему мнению, веночек вселял сильную надежду в сердце рыцаря, заставляя его сердце биться сильнее, а самого рыцаря — проявлять чудеса храбрости и жертвовать даже своей жизнью.

Особенно эта поэтическая, мечтательная любовь, заставлявшая, как мы сейчас сказали, совершать иногда поразительные подвиги и не щадить своей жизни, царила во времена трубадуров, когда поклонение даме сердца достигло, так сказать, своего апогея. В это время и возникла во Франции игра в откровенную маргаритку — гадание по ее лепесткам.

Просматривая хроники того времени, то и дело наталкиваешься на рассказы об этих гаданиях. Кроме того, даже и само изображение маргаритки, ввиду, быть может, одинаковости ее названия с именем многих отличающихся в средние века своей красотой или какими-нибудь другими качествами женщин, считалось в это время верхом изящества и выражения почтения.

Так, рассказывают, что за торжественным обедом, данным Карлом Смелым в день его бракосочетания с английской принцессой Маргаритой, появилось чудо механики того времени — автомат в виде единорога. На спине этого сказочного животного находился леопард, державший в одной лапе щит с государственным гербом Англии, а в другой — маргаритку. Объехав вокруг стола, единорог остановился перед герцогом, и сопровождавший его рыцарь, вынув из лапы леопарда эту маргаритку, передал ее герцогу, сказав при этом остроумный, имевший отношение к принцессе и к цветку каламбур.

Подобный же рыцарский привет был высказан Маргарите, дочери Франциска I, когда, сочетавшись браком с Эммануилом-Филибертом Савойским, она прибыла на родину своего мужа. Как только она ступила ногою на Савойскую землю, ей тотчас же поднесли от имени ее супруга изящную золотую, украшенную драгоценными камнями свадебную корзину, всю наполненную прелестными белыми маргаритками и обвязанную красивой розовой лентой с надписью: «Каждый цветок имеет свою прелесть (достоинство), но если бы мне представили на выбор сразу тысячу цветов, то я все-таки выбрал бы маргаритку».

Людовик Благочестивый соединил также этот цветок с именем своей жены Маргариты.

Он приказал сделать распятие, которое поместил в виде герба на своем перстне, и окружить его венком из маргариток и лилий. Таким образом, перстень этот напоминал ему всегда о Спасителе, Франции и его дорогой жене. С этой поры имя это сделалось среди принцесс любимым. Его носили герцогиня Анжуйская, мать Генриха VII, сестра Франциска I и другие¹.

Его носит и мать итальянского короля, чрезвычайно популярная среди народа благодаря своему сердечному отношению к беднякам и их детям. В связи с ее именем и этой ее любовью к бедноте Мантегацца написал даже сказку о происхождении маргаритки.

«Великое солнце, — говорит он, — ничто не любит так, как цветы, ни о чем так не заботится и ничто так не ласкает.

И потому все растения в течение столетий всегда о чем-нибудь его да просили. Одни хотели быть крупнее, другие душистее, третьи желали иметь более красивые цветы...

Только одно скромное растеньице, бледные белые цветочки которого, как звездочки,

блестели на лугу, никогда не выражало никакого желания.

Эта мысль пришла однажды на ум солнцу, и оно, остановившись перед растением, спросило его: довольно ли оно своей участью и не желает ли чего?

— Спасибо, — отвечало растение, — я чувствую себя вполне счастливо таким, каким создал меня Господь.

— Это прекрасно с твоей стороны, — сказала солнце, — но подумай, может быть, у тебя и найдется какое-либо желание, а мне очень хотелось бы его исполнить, если бы ты мне его выразила.

— В таком случае, позволь мне во всякое время года цвести. Я радуюсь, когда меня срывают дети и играют со мной: я так люблю детей.

— Пусть будет по-твоему, — отвечало солнце, — и так как ты среди всех цветов являешься единственным по своей скромности и походишь на жемчужину, то называйся отныне маргариткой.

Говоря это, солнце прикоснулось к ее цветам одним из своих лучей и оставило в середине желтый кружок как свою печать, а лепестки ее, разойдясь в стороны, образовали нечто вроде солнечного сияния.

Если гордые орхидеи, заключает свою сказку Мантегацца, украшают собой царские вазы, если дивные розы усыпают своими лепестками персидские ковры, то скромная маргаритка получает больше сердечных ласк, чем кто-либо, так как она живет среди народа и его детей, где радости реже, но зато сильнее и где чувство нежности не сделалось еще посмешищем...»

Таким же как бы символом сердечности мы встречаем маргаритку и на дивном памятнике, воздвигнутом безвременно погибшей австрийской императрице Елизавете.

Памятник этот производит чарующее впечатление. На мраморной глыбе, как бы окутанное облаком, покоится чудное изваяние покойной, над ним звезда, внизу на постаменте внезапно гибнущий корабль — эмблема ее преждевременной кончины, а на цоколе букет маргариток — эмблема ее доброты и сердечности.

Что касается Англии, то и там маргаритка пользовалась не меньшей любовью, чем и в остальной Европе. В песнях шотландских бардов поется, что впервые маргаритка была принесена на землю рукою ангела, посадившего ее на могиле безвременно погибшего юноши. «Он взял звезду с неба, — говорит Оссиан в песне, где он оплакивает смерть своего погибшего во время битвы сына, — и опустил ее на землю в том месте, где была погребена вся надежда родителей; и на этом месте вырос цветок-звездочка — маргаритка».

Чосер в своих стихах называет ее «Day's eye» — око дня, так как действительно цветок этот, как известно, раскрывается одним из первых на восходе солнца.

Из этого-то названия образовалось то нежное, ласкательно-уменьшительное имя «Daisy» (Дэзи), которое дают в Англии как женщине, носящей имя Маргарита, так и самому цветку². Шекспир говорит о маргаритке в самых нежных выражениях: «Whose white investements figure innocence» («ее белое одеяние изображает невинность»).

Другой известный английский поэт, Монгомери, выражается о ней так:

«The rose has but a summer reign
The daisy never dies...» («Но роза царствует лишь одно лето,
а маргаритка никогда не умирает»)

И правда, в сыром, но довольно теплом климате Англии, маргаритку можно видеть в цвету почти круглый год.

Однако ввиду того, что маргаритка и в Англии является иногда предвестником весны, то, прежде чем весна в действительности появится, нужно, по мнению деревенских английских детей, ступить ногой на 12 маргариток. Их же еще более суеверные родители говорят, что если пропустить случай ступить ногой на первую маргаритку, которую увидишь весной, то маргаритки покروют тебя или кого-либо из твоих близких друзей прежде, чем окончится год.

Наконец, с маргариткой связано еще выдающееся событие последнего времени — сбор пожертвований в пользу борьбы со страшной из людских болезней — с туберкулезом.

Общественный сбор этот был устроен впервые в Швеции в 1908 году, и цветком, который должны были давать на память всякому внесшему свою посильную лепту, избрана маргаритка (у нас почему-то ее назвали белой ромашкой) как первый весенний цветок, как провозвестница весны и обновления жизни.

С тех пор там ежегодно 1-го мая устраивают продажу этого цветка. Цветок продают по 5 копеек, и в первый же год в этот день было выручено около 80.000 рублей.

За Швецией последовала Финляндия, потом некоторые другие государства, а в 1910 году наконец и мы.

У нас эта продажа производилась в апреле, и надо было видеть, с какой энергией, любовью и восторгом всюду наша молодежь приходила на помощь этому святому делу.

Пресса со своей стороны поддержала его, и действительно, как тогда писали, мы «забросали смерть цветами». В одной Москве за этот день собрано было более 150.000 рублей.

Дай Бог, чтобы почин борьбы со злейшим нашим врагом при помощи этого скромного цветочка продолжался так успешно и впредь и чтобы построенные на собранные таким образом средства санатории и другие учреждения действительно оправдали возлагаемые на них надежды.

В заключение упомянем, что в Германии в 1739 году этому прелестному невинному цветочку грозила страшная опасность. Его обвинили вместе с собачьей ромашкой в ядовитости, и начальством было предписано уничтожать ее всюду, где бы она только ни встретилась. Однако, оттого ли, что недостаточно деятельно принялись за ее истребление, или оттого, может быть, что самое растение оказалось необычайно живучим, но грозное это предписание оказалось невыполненным, и прелестный цветочек по-прежнему продолжает расти повсюду и усыпать своими многочисленными белыми звездочками поля и клумбы наших садов.

1 В романе М.Булгакова "Мастер и Маргарита" хозяйка весеннего бала, который ежегодно дает Воланд, должна непременно носить имя Маргарита.2 В романе Ч.Диккенса "Давид Копперфильд" Стирфорт называет своего юного друга вместо Дэви (уменьшительное от Давид) Дэзи, т.е. Маргаритка, желая подчеркнуть его юность и наивность.

Отпечаток ключей Царствия Небесного, цветок лорда Биконсфильда — примула

Отпечаток ключей Царствия Небесного

Лекарственный цветок Олимпа

Ключ к спрятанным сокровищам

Приют фей

История примулы Биконсфильда

Память англичан о родине

«Придворный штат Людовика XIV»

Екатерина Великая — любительница аурикул

Кому не знакомы те стрелки прелестных желтых цветов, которые в начале лета в изобилии усеивают наши лесные опушки и поляны? Листья и стебли их, покрытые белым пушком, издают приятный пряный аптечный запах. Особенно нравится этот запах, а также и сладковатый вкус их стебля нашим деревенским детям, которые рвут их во множестве и жуют с наслаждением, как какое-нибудь лакомство.

Цветы эти носят научное название примул (*Primula veris*) — первоцвета, так как появляются одними из первых цветов весной; в народе же они слывут у нас под именем баранчиков (вероятно, за свои сморщенные, похожие на смушки хивинки¹ листья), а в Германии — под именем ключиков (*Schlüsselblume*). Последнее название дано им за сходство их цветорасположения со связкой старинных церковных ключей.

О происхождении этих цветов в средние века сложилось следующее интересное сказание.

«Однажды, когда апостол Петр, которому вверены были ключи от Царствия Небесного, находился на страже у входа в рай, ему вдруг донесли, что кто-то, добыв поддельные ключи, намеревается проникнуть туда без его разрешения. Пораженный таким ужасным известием, апостол в испуге выронил из рук свою связку золотых ключей, и она, падая от звезды к звезде, полетела на нашу землю.

Желая перехватить ее, апостол послал поспешно вдогонку за ней ангела; но прежде, чем ангел успел выполнить данное ему приказание, связка уже упала на землю, глубоко в нее врезалась, и из нее вырос желтый, похожий на ключи апостола цветочек.

И с тех пор, хотя ангел и взял с собою ключи св. Петра обратно, но слабые отпечатки их остались на земле, и каждый год из них вырастают цветы, которые отпирают нам дверь к теплой погоде, к теплому лету...»

О цветах этих, как ключах, отпирающих весну, говорится и у малороссов и поется даже песенка: «Смертная неделя (4-я неделя поста, когда зима начинает уже как бы умирать), куда ты девала ключи? Я отдала их Вербному воскресенью. Вербное воскресенье, куда ты девала ключи? Я их отдало Зеленому (Чистому) четвергу. А ты, четверг, кому их отдал? Я их отдал св. Юрию».

И вот св. Юрий (23 апреля) встает, бросает их на землю, и вырастает из них первая бархатная травка и первые цветы — первоцвет.

Наконец, по древнегерманским сагам, первоцвет считается еще ключами богини весны — Фрей.

Богиня эта красива, молода, обворожительна. Ожерельем ей служит радуга, которую сковали ей гномы. И там, где это радужное ожерелье коснется земли, с него падают на землю золотые ключи и, упав, превращаются в первоцвет.

Еще поэтичнее и фантастичнее легенда, сложившаяся про родственник этой примуле вид — красную примулу-аурикулу², растущую на высоких, малодоступных горных склонах.

Прелестный цветок этот составляет предмет страстного желания для молодых горцев. Добыть его в горах и украсить им свою хижину — считается у горной молодежи верхом молодечества и счастья; а потому всякий почему-либо уезжающий из родных гор молодой человек хранит засушенную примулу как драгоценную память о родине, о родных и всех дорогих его сердцу людях и никогда с ней не расстается. Вероятно, по этой-то причине и сложившаяся про нее легенда имеет в своей основе любовь к родине и дорогой родной семье.

«Жил-был однажды, — повествует легенда, — один пылкий юноша, который в своем увлечении наукой хотел вознестись с земли на небо и, пытаясь разрешить тысячи беспокоивших его ум вопросов, стремился все выше и выше в заоблачные пространства. Из одной страны он переселялся в другую, от одного моря к другому, проникал в миры духов подземных, все создающих и движущих под землю, проникал в миры духов подводных, управляющих всем и творящих все, что в воде, упивался с жадностью их познаниями и превратился наконец в гиганта по знанию, уму и телесной силе. Ударом кулака он мог разбивать вдребезги скалы и силой своего ума делить, разлагать и уничтожать все существующее на земле. Он был всемогущ в разрушении. Но при всей такой страшной силе создать нового, однако, ничего не мог, не мог создать даже малейшей былинки, которую безжалостно попирали его ноги...

И охватили его тогда недовольство и злоба, и снова стал он блуждать по горам, поднимаясь все выше и выше к небу и добываясь еще более глубокого знания и разрешения тысячи новых жгучих вопросов. И долгие дни и ночи блуждал он так, полный тревоги, не видя конца, устремив взоры днем на облака, а ночью на звезды, пока не блеснул ему наконец луч надежды. В своей руке он нес золотой ключ, который удалось ему сделать при помощи всех дружелюбно расположенных к нему духов. Ключ этот должен был открыть доступ в небо, как только ему удастся подняться выше облаков, к преддверию вечности.

И вот в тихую весеннюю ночь он уже добрался до высочайшей земной вершины — туда, куда не проникал еще ни один человек. Под ним носились облака. Ни одного звука не доносилось снизу. Не чувствовалось ни малейшего дуновения ветерка. Звезды блестели во всей своей красе и величии, и лучи их образовывали перед ним как бы серебристый мост, по которому он мог вознестись до преддверия неба. И он шел по его блестящей стезе с широко разверстанными очами, не оборачиваясь, все выше и выше...

— Не дрожать, — сказала ему звезда справа.

— Не оборачиваться, — сказала ему звезда слева.

— Все забыть, — прибавила ему блесневшая перед ним яркая звезда и при этом поглядела на него с глубокой, бесконечной грустью...

И юноша не дрожал, не оборачивался и держал наготове ключ, так как теперь он был уже недалеко от преддверия вечности.

— Все забыть! — повторила звезда, и юноша был готов уже вложить ключ в замок, который переливался всеми цветами радуги.

— Все забыть! — повторила она ему еще раз, — забыть и зеленеющую землю, и свою молодость, детство, все забыть и навсегда. Забыть свою родину, забыть своих братьев и сестер, отца, забыть вскормившую и взлелеявшую тебя дорогую мать...

Тут рука юноши не выдержала и дрогнула. Он обернулся... и в ту же минуту с грохотом с

серебристых лучей звезд сквозь облака полетел на зеленеющую, оживающую весной землю.

Долгое время лежал он тут, как бы погруженный в глубокий сон. Когда проснулся и осмотрелся кругом — все исчезло, как сновидение, и только в руке продолжал он держать свой золотой ключ, который за ночь превратился уже в весенний цветок и пускал корни в дорогу для юноши зеленеющую землю — его родину...»

Примула была известна с самой глубокой древности и считалась лекарственным цветком Олимпа. Древние греки называли ее «додекатеон», т. е. цветок двенадцати богов³, и верили, что в нем заключается целебное начало против всех болезней — следовательно, он являлся чем-то вроде той всемирной панацеи — лекарства от всех недугов, которого так тщетно доискивались в средние века. Кроме примулы впоследствии это свойство приписывалось также жирянке (*Pinguicula vulgaris*) и некоторым другим растениям. Но у греков оно исключительно приписывалось нашему первоцвету (*Primula officinalis*), и об его происхождении говорилось, что он возник из тела умершего от любви юноши Паралисуса, которого боги из сострадания и превратили в это ароматическое растение. Вследствие этого в древности им преимущественно лечили от паралича (*paralysis*) и болей в сочленениях, так что в медицине и до сих пор его называют нередко параличной травой (*herba paralysis arthrica*).

В чудодейственную силу примулы верили также и древние кельты, и галлы. У них она носила название самолус и собиралась с большой таинственностью, натошак и босиком их жрецами (друидами). При собирании жрецы эти, сверх того, должны были просовывать собирающую руку под левую полу одеяния и, сорвав цветок, не глядя, прятать в платье, так как только в таком случае растение вполне сохраняло свою целебную силу.

Сок этого цветка входил у друидов также в состав знаменитого любовного напитка «фильтра», который варился в полночь из вербены, черники, мха, пшеницы, клевера и меда. Но тогда цветы надо было срывать до наступления новолуния. Составленный таким образом напиток ставился на огонь, и молодые девушки-жрицы должны были разогреть его своим дыханием до тех пор, пока он не закипит. Напиток этот считался всемогущим. Достаточно было выпить несколько капель, чтобы воспылать сильнейшей любовью к тому или той, которыми он был поднесен.

Подобные любовные зелья существовали уже и в древности, и рассказывают даже, что известный писатель Апулей, живший во II веке н. э., воспользовался подобным напитком, чтобы влюбить в себя и заставить выйти за него замуж богатую пожилую вдову по имени Пуденция, причем будто даже составлял и самое зелье. Родственники этой вдовы привлекли его в суд, указывая, что ей уже 60 лет и что, вдовев более 15 лет, она никогда даже не выказывала желаний выйти вторично замуж. Да и сама вдова, как говорят, подтверждала, что он ее околдовал своим питьем. Однако Апулей сумел так ловко защитить себя, что выиграл процесс.

Кроме сока растений в состав этих любовных зелий входили и разные еще горячащие кровь вещества, как, например, шпанские мушки, мясо рыбы реморы и особенно какое-то оригинальное вещество, носившее название гиппоман и представлявшее черный нарост, появлявшийся, будто, иногда на лбу новорожденных жеребят.

Вера в сверхъестественное влияние примулы, распространенная столь сильно в средние века, перешла в более близкие нам времена. В Пьемонте верят и до сих пор, что она обладает чудодейственной силой отвращать наваждение дьявола, прогоняет бесов и заставляет выступать из земли кости невинно погибших людей. В Бретани говорят, что она причиняет лихорадку детям, когда они долго ею играют. А у малороссов цветы эти называют «кряст»⁴ и считают талисманом, охраняющим жизнь.

Нарвав этих цветов, их бросают на землю и топчут ногами, приговаривая: «Топчу ряст, дай Боже его понатоптати и следующего года дождатися».

От этого обычая даже произошла малороссийская поговорка, когда хотят сказать, что кому-нибудь осталось недолго жить: «Уж ему ряста не топтать».

Но кроме этих чудодейственных влияний примуле приписывалось и приписывается еще магическое свойство известной разрыв-травы — открывать скрытые клады, что особенно часто случается, по словам немецких крестьян, если ее найти в цветущем состоянии в ночь под Рождество или в день заговенья на масленице.

В это время, по их поверью, на полях появляется нередко одетая в белое женщина с золотым ключом, в короне на голове (по всей вероятности, это древнегерманская богиня Фрея), и все сорванные в ее присутствии примулы получают свойство открывать спрятанные сокровища.

Так, однажды глубокой осенью один пастух нашел у развалин замка Бланкенборк, в Швабии, такую примулу и, заткнув ее за шляпу, пошел домой. Вдруг он почувствовал, что шляпа его сделалась удивительно тяжелой. Сняв ее, он увидел, что цветок его превратился в серебряный ключ. В то же время перед ним выросла, как из земли, белая женщина, которая сказала, что может открыть этим ключом еще никогда не открывавшиеся двери Гиршберга и взять оттуда все, что ему понравится, но только пусть не забудет там «самого лучшего». Пастух пошел, набрал там полные карманы сокровищ, но впопыхах самое лучшее-то (цветок примулы) и забыл, и потому, когда вздумал вновь идти туда, то ни места, ни сокровищ уже более не нашел.

То же самое случилось в другой раз и с одним пастухом овец. Нарвав в такое же время примул, он был приведен такой же белой женщиной на место клада, и его цветы вдруг превратились в ключи. Одним из них он отпер очутившуюся перед ним внезапно дверь и увидел, к величайшему своему удивлению, перед собой целый ряд ящиков, наполненных овечьими зубами. Не зная, что с ними делать, машинально он набрал их несколько пригоршней и, наполнив ими свои карманы и забыв совсем о ключе-цветке, пошел домой. Между тем ночью все эти зубы превратились в чистое золото. Тогда он решил снова идти на это место, но найти его более не мог, так как, так же как и первый пастух, забыл там «самое лучшее».

Наконец, существует еще сказание, что Берта (жена Одина), царица неба, ниспосылающая, по древнегерманской мифологии, на землю благодетельный дождь, появляется иногда также в виде белого привидения, заманивает при помощи прелестных примул нравящихся ей детей и ведет их по дороге, поросшей этими цветами, к какой-то таинственной, выступающей из горы двери. Дверь эта ведет к заколдованному замку. Как только ребенок дотронется до нее цветком, она потихоньку отворяется, и счастливец вступает в дивную залу, всю уставленную вазами, засаженными восхитительными примулами. Каждая из таких ваз содержит в себе несметные сокровища. Взяв оттуда сокровища, примулу, однако, надо непременно положить обратно, так как иначе взявший клад всю жизнь будет неотвязно преследоваться черной собакой.

В некоторых местностях Германии цветок этот называется еще ключом замужества (Heirathsschlüssel), так как существует поверье, будто та девушка, которая первая на Пасху найдет в поле первоцвет, непременно в этом же году выйдет замуж, и потому на всякую такую девушку смотрят уже как на невесту.

В некоторых местностях Германии цветок этот считают, наоборот, цветком отвергнутой любви (verschmahter Liebe), и сложилась даже такая песенка:

«Иду я по лужку, Собирая первоцветики, Первоцветики я рву — Из них веночки плету, Веночки плету из них и клевера, Прощай любовь — мое сокровище».

По датским же сказаниям, первоцвет — это заколдованная принцесса эльф. Раз эльфа эта была отпущена своей царицей на землю. Там она полюбила одного молодого юношу и забыла совсем свою родину. Тогда в наказание она была превращена в примулу, а юноша — в весеннюю анемону.

И вот теперь они рано вместе зацветают и рано вместе умирают.

Таковы сказания, существующие о примуле в Германии и Дании, но о ней сложилось немало сказаний еще и в Англии. где она носит обыкновенно название cowslip, а в некоторых местностях называется волшебным цветком (Fairycup), так как существует поверье, будто в его лепестках во все дни года, исключая 1-ое мая, укрываются маленькие феи и крошечные сказочные старички-гномы. Вследствие этого про нее рассказывают немало разных прелестных легенд.

Так, например, в Линкольншире говорят: «Прислушайтесь только, какие дивные звуки несутся из примул всякую лунную ночь, когда роса блестит на траве. Прелестные голоски волшебных гномов поют хвалу укрывающим их цветкам, где они могут найти приют и в дождь, когда светлые лучи месяца сменяются мрачными облаками. Как только крупные капли дождя начнут падать на землю, толпы этих крошечных сказочных существ приходят в волнение. Их тоненькие платьица не то светлого, не то темного цвета, как тени от листьев, опускаются, и их испуганные личики выглядывают со страхом из-под стебельков травы, внимательно высматривая: не видно ли где их приятельниц-примул? Завидев свое любимое растение, они мгновенно вскарабкиваются по его стебельку и забираются в ближайший цветочек. И вскоре из всех венчиков примул раздается приятное пение тоненьких голосков, сливающееся в один общий стройный хор. И счастлив тот смертный, который услышит это пение — одну из чудных песен царства фей».

Примула была воспета лучшими английскими поэтами, особенно Шекспиром — она упоминается во многих его произведениях. Так, в «Буре» ангел Ариель поет:

«Одной пищей с пчелами питаюсь
И в примуле желтой люблю отдыхать,
В ее чашечке дивной,
свернувшись, качаюсь,
Лишь совы в трущобах начнут завывать».

Шекспир воспевает ее еще в сказке «Сон в летнюю ночь», причем называет ее одетой в золотую одежду пенсионеркой волшебной царицы. Эльф поет:

«Я служу царица чудной
В час полночной тишины.
Видишь примул на лужайке
— Охранительниц ее,
Видишь пятна расписные
На одеждах их златых?
То рубины дорогие
— Дар волшебниц дорогих.....
Я несусь для собиранья
Капель утренней росы
И повесить по росинке
К каждой примуле хочу».

В пояснение такого странного названия «пенсионерки» надо сказать, что начиная с 1539 года у английских королей был обычай держать при себе особую стражу из 50 телохранителей, которые назывались пенсионерами, так как им давалось особое, роскошное для того времени, содержание (50 фунтов стерлингов в год), две лошади и великолепное, из золотой парчи, платье. И вот, намекая на золотую одежду этих придворных пенсионеров королевы Елизаветы Английской, Шекспир и называет примулы пенсионерами волшебной царицы.

Но особое значение в Англии получили примулы с тех пор, как сделались любимым цветком знаменитого лорда Биконсфильда, который со времени одного события в его жизни ни одного дня — будь то зимой или летом — нигде и никогда не появлялся без этого цветка в петлице.

Чтобы пояснить такое постоянство в отношении одного и того же цветка, нужно сказать, что в Англии у великосветских людей существует обычай, считающийся в высшей степени фешенебельным, — носить в петлице цветы. При этом верхом шика считается носить раз избранный цветок во всякое время года, что, конечно, могут позволить себе лишь очень

богатые люди, так как большинство цветов нельзя иметь круглый год, если не разводить их искусственно в теплицах.

Что касается до выбора лордом Биконсфильдом примулы и его привязанностей к ней, то об этом рассказывается следующая романтическая история.

«Однажды лорд Биконсфильд, будучи еще молодым юношей и нося скромную фамилию Дизраэли, был приглашен на бал в Букингамшир к одному из своих влиятельных родственников. Прохаживаясь там с одним из своих друзей по залам, он обратил внимание на чудный венок из примул, украшавший головку одной прелестной молодой дамы, и сказал:

— Не может быть, чтобы эти примулы были искусственные, в них чересчур много жизни, точно они только сейчас сорваны в саду.

Товарищ его, однако, был другого мнения и доказывал, что они искусственные, но только замечательно хорошо сделаны. Слово за слово, поднялся спор, и дело дошло до пари.

— Эти примулы меня так интересуют, — сказал Дизраэли, — что я должен непременно знать правду. Вот 5 гиней, заключим пари и попросим решить наш спор саму красавицу.

Товарищ, который был знаком с дамой, попросил у нее позволения представить ей Дизраэли и рассказал ей об их пари.

— Очень жаль, — ответила она, — но Вы проиграли пари: м-р Дизраэли совершенно прав — это настоящие живые примулы, я сама нарвала их сегодня утром в своем саду и сплела из них венок.

Говоря это, она вынула из своих волос одну из примул и, подавая ее с улыбкой Дизраэли, сказала:

— Убедитесь сами в своей победе!

Восхищенный Дизраэли воткнул цветок себе в петлицу и весь вечер не расставался с ним. На следующий день, делая визит красавице, он был обрадован, получив от нее снова примулу, и с этих пор имел счастье получать ежедневно по цветку во все время своего пребывания в Букингамшире. Но прелестная эта дама кончила очень печально. Катаясь как-то верхом на незнакомой ей лошади, она упала и так расшиблась, что схватила чахотку и быстро угасла от изнурения. Вскоре после этого Дизраэли приехал во второй раз в Букингамшир, но нашел только уже могилу красавицы Мабель — так звали эту даму — и, выбрав из всех покрывавших ее роскошных цветов только примулу, унес ее с собой как дорогое воспоминание.

С этих пор примула сделалась его любимым цветком, и он никогда с ней более не расставался. Где бы он ни был: в парламенте ли, на балу ли, на приеме ли королевы или просто у себя дома — всюду его можно было видеть с примулой в петлице; а говоря о молодой, безвременно погибшей красавице, он никогда ее иначе не называл, как *Primula veris*, или Примроз, как называют культурный вид этого цветка в Англии.

И теперь ежегодно 19-го апреля, когда торжественно празднуется в Лондоне годовщина смерти этого великого государственного деятеля Англии, все присутствующие носят в память о нем в петлице или на груди примулу, а могила его постоянно покрыта густым ковром этих цветов...»

В этот день желающих украсить себя цветами Биконсфильда так много, что вокруг парламента и по всем прилегающим к нему улицам бесчисленные торговцы цветами едва успевают получать деньги от покупающих, которые, украсив цветами петлицу своего сюртука

или пиджака, спешат занять место в процессии перед статуей Биконсфильда.

Это патриотическое паломничество в Вестминстер, начавшееся с 1881 года (год смерти Биконсфильда), и убранство памятника возобновляются неизменно.

Заботы эти об увековечении памяти славного английского премьера взяла на себя основанная в 1889 году Лига примулы, имеющая отделения во всех богатых центрах Соединенного Королевства.

Имевшая при основании своем всего 950 человек, теперь она насчитывает уже около 2.000.000 членов. Во главе ее стоит президентом Бальфур, а пост канцлера занимает герцог Норфолькский. В число ее членов входит немало дам.

Цель же Лиги, кроме забот об увековечении памяти Биконсфильда, еще и защита и распространение консервативных идей.

Особенно торжественно было отпраздновано 25-летие годовщины его смерти. В этот день весь цоколь статуи буквально утопал в венках, букетах и гирляндах из лавров и примул, на которых красовался девиз: «Власть и свобода — ничего нет трудного».

А толпы почитателей были так несметны, что площадь вокруг памятника и по всем прилегающим улицам представляла собой сплошное море голов.

Примула была также любимым цветком принца-консорта — мужа королевы Виктории, и потому, когда умер Биконсфильд, то королева принесла ему венок из примул с надписью: «Его цветок».

Все полагали, что это был намек на любовь к примуле Биконсфильда; однако оказалось, что под словом «его» Виктория подразумевала не кого иного, как своего покойного мужа, и послала венок с такой надписью, чтобы показать, как она чтит память Биконсфильда.

Но и вообще надо сказать, что примула почему-то пользуется особой популярностью у англичан и является дорогим цветком, напоминающим им родину. Рассказывают, что одно время посылка примул из Англии в Австралию переселившимся туда англичанам приняла необычайные размеры. Каждый переселенец непременно желал иметь этот цветок, напоминавший ему дорогую родину, и держать его в своем цветнике, хотя и знал, что он с трудом там будет расти.

Известная немецкая путешественница Ида Пфейфер рассказывает, что однажды, путешествуя по Ост-Индии, она попала в гости к одному английскому магнату, который, показав ей весь свой роскошный сад с замечательно красивыми тропическими цветами, остановил ее внимание на кустике нескольких примул, которые он привез с собой из Англии и всячески лелеял.

— Они дороже мне, — сказал он, — всех этих роскошных цветов. Это цветы моей дорогой родины.

То же самое сообщает и сэр Гобгауз, путешествовавший по берегам Геллеспонта.

— Всякую английскую виллу, — говорит он, — я узнавал по присутствию в ее саду примул.

Вообще, где бы ни поселился англичанин, если у него есть сад, вы непременно увидите в нем примулы. Это необходимейшая принадлежность его сада.

Дикая наша примула, наш первоцвет, имеет много родственных видов, рассеянных по всем частям земного шара, причем многие из них культивируются в наших теплицах и садах, нося с ней общее название и отличаясь только научным латинским.

Так, без сомнения, всем известны те белые, розовые и красные примулы с разрезными пушистыми листьями, которые составляют один из наиболее распространенных наших зимних цветков на Рождество и на Пасху, и те лиловые, обильно цветущие почти круглый год, собранные зонтиками примулы, замечательно красивые листья которых имеют почковидную форму, а покрывающие их волоски вызывают сильно зудящую сыпь на руках, если до них как-нибудь неосторожно дотронуться. Впрочем, от сыпи этой отделаться очень легко: стоит только руки обмыть сейчас же одеколоном или даже просто винным спиртом⁵.

Обе эти примулы родом из Китая: первая носит название китайской (*Primula sinensis*), а вторая (опасная) — примула обконика (*Pr. obconica*). Но наиболее красивой из всех является примула, называемая в общежитии и у садоводов аурикулой. Родина ее — Штирия, Швейцария и Каринтия — вообще высокие горные страны Средней Европы.

От аурикул этих получена такая масса прелестных разновидностей, что одно время они конкурировали с гвоздикой и в начале XIX столетия были самым модным цветком.

В это время не только торговцы-садоводы, но многие даже богатые любители цветов строили для них теплицы и старались при помощи искусственного опыления, как было и с тюльпанами, получить свои собственные новые разновидности. Особенно славились тогда голландские бархатистые аурикулы, цветки которых были действительно, словно бархат, и английские, получившие такое странное название от того, что весь стебель их, листья и даже самые цветки были покрыты нежным мучнистым налетом. За такие аурикулы платили сумасшедшие деньги, и иметь у себя целую их коллекцию считалось верхом счастья. Таким счастливым завидовали, как если бы они были обладателями необычайных сокровищ, и ездили к ним отовсюду, хотя бы только полюбоваться их редкими цветами.

Да и на самом деле, культура этих английских аурикул, походивших на каких-то напудренных, одетых в роскошные разноцветные платья придворных, представляла немало крупных затруднений. Их нужно было культивировать не иначе как в особых, покрытых стеклянными колпаками горшках, так как покрывавший их нежный, составлявший всю их прелесть налет не выносил ни малейшего дуновения ветерка, ни малейшего увлажнения: он сходил, даже если на цветок как-нибудь нечаянно дохнуть.

Особенно любил этот сорт аурикул король прусский Фридрих-Вильгельм III. Он называл их «придворным штатом короля Людовика XIV» и то и дело ездил любоваться на них к знаменитому в то время берлинскому садоводу Буше, который обладал замечательной их коллекцией.

Разводившийся в обилии сорт этот, без сомнения, представлял собой нечто необычайно оригинальное, но было, однако, много любителей, которые предпочитали ему пестрые бархатистые аурикулы, носившие название «bizarre» (причудливые). Цветы этих аурикул, называвшихся по-французски также медвежьим ухом (*Oreilles d'ours*), были самые разнообразные: белые, красные, желтые, синие, темно-пурпурные.

Аурикулы эти играли (да и до сих пор играют) большую роль в Италии на страстной неделе. Их называют там цветком страстей Христовых и убирают ими в эту неделю плащаницу и алтари церквей. Возвращаясь домой после всенощной, в пятницу на страстной, всякий благочестивый итальянец несет с собой домой вместе со свечой и такой цветок и хранит его как святыню в продолжение всего года до следующей страстной пятницы.

Аурикулы, как и многие модные цветы, не раз предоставляли возможность садоводам и даже некоторым частным лицам составлять себе хорошее состояние. Рассказывают, что один еврей благодаря этим цветам не только разбогател, но даже составил себе высокое положение в свете. Еврей этот занимался просто торговлей цветами по домам и ездил из одного города в другой, вследствие чего всюду знал всех выдающихся любителей

цветоводства.

Однажды он пришел к одному из таких любителей спросить, не желает ли он дать ему какое-нибудь поручение.

— Да, — ответил тот, — мне хотелось бы переслать одному из моих друзей, такому же любителю, как и я, несколько горшочков моих лучших мучнистых примул, но не знаю, как бы сделать, чтобы они не потеряли при перевозке своего налета. Не возьметесь ли Вы их доставить?

— Я подумаю, — сказал еврей, — как это выполнить.

И на другой же день явился со стеклянным ящиком. Поместив в этот ящик цветы, он довез их в полной сохранности.

Получивший их любитель, который в то же время был обладателем громадного садоводства, увидя в таком чудном виде доставленные ему цветы, пришел в восторг от изобретательности еврея, дал ему крупную сумму для расширения торговли и сделал его своим комиссионером. И благодаря этой поддержке молодой еврей повел так хорошо свои дела, что через несколько лет (1797 г.) сделался богатым банкиром, приобрел себе всеобщее уважение и занял выдающийся пост в управлении городом Амстердамом.

Большой любительницей этих цветов была также императрица Екатерина Великая. У нее даже была целая комната, вся уставленная вещицами из саксонского фарфора, на которых были изображены эти цветы.

Рассказывают, что однажды, удостоив своим посещением одного из вельмож, большого любителя цветов, она так прельстилась находившейся в его оранжерее коллекцией аурикул, что сказала, что лучше этого угощения ей ничего не надо.

Польщенный такой похвалой, царедворец просил у императрицы позволения преподнести ей эту коллекцию. Императрица приняла это подношение с большой благодарностью, и на другой же день вся коллекция была перевезена в Зимний сад петербургского дворца.

В заключение к перечисленным нами употреблением примулы в древней медицине прибавим еще, что в более близкие нам времена сушеные цветы употреблялись в Германии в качестве укрепляющего нервы чая, носившего название грудного чая «Галле», и подмешивались к вину, что известно из сохранившегося в Мекленбурге, изданного в 1789 году предписания города Нейштадта, где приказывается собирать как можно больше примул для снабжения ими придворного винного погреба. Кроме того, в Англии молодые листья примул весной едят в качестве салата, а имеющие пряный, анисовый запах коренья растения употребляют как пряности.

Наконец, сушеное растение употребляют нередко еще от ревматизма, а в Швейцарии из пришедшего в брожение отвара свежих цветов и меда готовят домашним образом превосходный шипучий освежающий напиток, нечто вроде известного немецкого «майтранка».

1 Смушка — шкурка, снятая с новорожденного ягненка. Хивинка — порода овец. 2 Первоцвет ушковый в СССР встречается на Кавказе и в М. Азии. 3 Додекатеон — сейчас самостоятельный род, также относящийся к сем. первоцветных. 4 Этим именем в различных областях называли разные растения, в том числе — пролеску. 5 Следует иметь в виду, что у отдельных людей контакт с некоторыми видами примул вызывает аллергические реакции, снять которые совсем не так легко.

Цветок изгнанника рая Адама и царственных невест — мирта

Легенда о красавице Мирсине

Убранство миртовыми венками

В замке вероломной Альцины

Эликсир здоровья и красоты

Первая украшенная миртой невеста

Мирта — спасительница Англии

Мирта — это скромнейшее из растений, цветы которого почти не обращают на себя внимания и вся красота которого сосредоточена лишь в пахучих блестящих листьях, — всегда пользовалась такой славой и любовью народов разных стран и времен, что ей могут позавидовать многие из красивейших и роскошнейших цветов.

Согласно одной древней арабской легенде, мирта разрослась на земле от душистой ветки того растения, которое унес с собою Адам из рая в день своего изгнания, чтобы перенести на нашу грешную землю хотя бы одно из тех дивных растений, которые украшали собой навсегда потерянный для человека сад блаженства; и потому мирта в древности служила обыкновенно символом надежды, этого отголоска райского счастья, который является на земле часто одним из величайших благ и утешений для страждущего человечества.

По другим сведениям, родиной ее является Персия, откуда она с незапамятных времен была перенесена в Египет, где изображение ее нередко можно встретить на памятниках времен фараонов в сценах, представляющих какие-нибудь торжественные шествия. В этих сценах обыкновенно все плачущие и идущие впереди шествия женщины несут в руках миртовые ветви.

У древних иудеев мирта считалась эмблемой мира. Еврейские законы предписывали убирать ее зеленью палатки во время семидневных празднеств в память исхода из Египта, когда всем иудеям приказывалось запасаться плодами добра (лимонами), пальмовыми ветвями и ветвями плакучей ивы. Такое соединение этих растений мистически должно было изображать единение божества с его творением, причем лимоны представляли самого Творца, пальмовая ветвь — духовное начало, мирта — небо со всем его звездным миром, а плакучая ива — землю с ее многочисленными обитателями.

В миртовом кусте явился также Захарию и ангел, возвестивший восстановление царства Израильского, вследствие чего было предписано украшать ее ветвями в дни празднеств скинию¹ и вообще употреблять их во время религиозных церковных церемоний. Кроме того, у иудеев существовал обычай украшать миртовыми венками покойников, который вначале был перенесен даже и к христианам, но потом отцами церкви воспрещен как нехристианский, а также обычай украшать ими головы невест, что, наоборот, сохранилось и по сих пор в некоторых странах, особенно в Германии.

Не меньшим уважением пользовалась мирта и у древних греков. По их верованию, это не простое произведение земли, но оно выросло лишь по воле и желанию богини мудрости Минервы как раскаяние и память о легкомысленно совершенном ею злодеянии.

Греческая легенда повествует следующее. «Среди многочисленных нимф, населявших

окрестности леса Афин, особенно нравилась Минерве красавица Мирсина. Она постоянно любовалась ею, бесконечно баловала ее и не могла на нее надыхаться. Но любовь одной женщины к другой часто встречает себе опасного соперника в самолюбии. Так случилось и тут: ловкая, изящная в своих движениях Мирсина победила богиню в быстроте бега и борьбе. Самолюбие было задето, вспыхнула зависть, и богиня, забыв все, убила Мирсину. Опомившись, она ужаснулась от содеянного ею преступления и стала молить Зевса и других богов, чтобы они оставили ей хотя какое-нибудь воспоминание об ее дорогой, ненаглядной любимице. Боги сжалились, и из тела Мирсины выросло такое же изящное, как и она, деревцо — мирта.

Увидев его, Минерва зарыдала и, обняв его руками, не хотела с ним более расставаться. Но напрасно она его обнимала, напрасно ласкала — чудная мирта оставалась лишь бездушным зеленым памятником, лишь горьким воспоминанием о прелестном погубленном ею создании».

Вследствие этого, вероятно, мирта не играла никакой роли в ритуалах Минервы, и венки из мирты подносились этой богине только в редких случаях. Она была деревом, посвященным Венере, которая, как говорит одно сказание, выходя нагая из морских волн на остров Цитеру, укрылась от преследовавшего ее фавна за миртой.

По другому сказанию, венком из мирт была увенчана Венера в знаменитом споре о красоте и благодаря ему-то Парис, будто, даже и отдал ей яблоко. В воспоминание об этом приятном событии Венера сделала мирту своим любимым растением и называла себя нередко «Миртеа», что, однако, не мешало ей употреблять ветвь мирты как розгу, и она высекала ее, как говорят, Психею, когда та вздумала с ней сравняться в красоте.

В происходивших ежегодно в апреле празднествах в честь Венеры все участники, а также и все присутствующие молодые девушки и молодые люди увенчивались миртовыми венками. Миртовыми венками украшались в день свадьбы жених с невестой, причем эта мирта, по словам Катона, нашла у римлян особое название — брачной мирты (*Myrtus conjugalis*).

Кроме празднеств Венеры мирта играла также большую роль и в Элевсинских² торжествах в честь Цереры, Прозерпины и Вакха; и в той части, где соединяли празднество в честь Цереры с празднеством Вакха, заменяла собой даже составлявший принадлежность всех его торжеств плющ.

На шестой день этих празднеств Вакха мальчика, носившего имя Якха, несли на венке из мирт в храм Цереры, где его прославляли всю следующую ночь и воспевали в особом, составленном в его честь гимне. Здесь же в святилище Элевсинского храма несла миртовый венок на голове и Церера, и равно такими же венками были увенчаны и все принадлежавшие храму жрецы.

Затем мирта была посвящена также и спутнице Венеры — Грации, статуи которой кроме розы и игральной кости (символов красоты и беззаботной юности) держали в руках еще и миртовую ветвь — символ чувственной любви.

Наконец, немалую роль играли миртовые венки еще в Элевтериях — играх в честь свободы, где ими были украшены во время процессии все колесницы, и в происходивших на острове Крите и в Коринфе празднествах — Гелотиях в честь богини луны — Европы, где с величайшей помпой несли миртовый венок, имевший около 7 сажен в поперечнике.

Мирта имела большое значение не только в религиозных ритуалах греков, но также и в общественной и домашней их жизни.

Так, высшие афинские чины носили миртовые венки в знак власти, с миртовыми же венками в руках являлись и желавшие возбудить к себе сочувствие просители; миртой украшались

победители на Истмийских играх³ и миртовыми же венками убирали статуи павших героев, желая показать, что они не забыты народом. Миртой убирали дома, где проходила свадьба; убирали гостей, в честь которых устраивалось какое-нибудь празднество; и ею же увенчивали статуи богов, если хотели прибегнуть к их помощи. Так, до нас дошел рассказ, что пелопонесский житель Тантал, желая добиться, чтобы Гипподамия, дочь Энома, вышла за него замуж, велел покрыть миртами всю статую Венеры Лемносской.

Но особенно оригинален был обычай надевать миртовый венок каждый раз на того, кто хотел декламировать стихи Эсхила или Симонида, чем, конечно, древние греки хотели выразить особенное почтение к этим поэтам, и обвивать миртой лиру, когда кто-либо хотел спеть какую-нибудь импровизацию.

Миртовый венок носил у греков нередко название «наукратида». О происхождении этого названия рассказывают следующее.

Однажды купец по имени Герострат из города Наукратида возвращался к себе домой с острова Кипра, везя приобретенную им там священную статую Венеры. Вдруг поднялась близ берегов Египта такая страшная буря, что с минуты на минуту ждали гибели корабля. В ужасе собрался весь экипаж вокруг статуи богини и молил ее о спасении. И вот, сжалившись, Венера приказала миртовым кустам обрасти вокруг корабля. Мирты выросли, защитили от напора волн корабль, и весь экипаж и пассажиры были спасены.

Добравшись до родной гавани, весь экипаж в благодарность свил себе венки из мирты, а Герострат в торжественной процессии перенес статую-мирту в храм богини и принес ей благодарственную жертву. Затем устроил всем гостям роскошный пир, на котором плел венки из чудодейственной мирты и передавал их присутствующим как спасительный талисман. С этих-то пор, как говорят, миртовый венок и стал носить название «наукратида».

Другим оригинальным древним сказанием, связанным с миртой, является рассказ о смерти Федры — супруги Тезея.

Невдалеке от города Тразена, говорит это предание, находится громадная мирта, под которую в продолжение нескольких лет садилась погруженная в тяжелые грустные мысли вероломная Федра каждый раз, как любимый ею пасынок Ипполит отправлялся на своей блестящей колеснице в сопровождении целой своры псов на охоту. Изнывая от любви к нему, несчастная прокалывала в нетерпении листья мирты своими, служившими ей для прически, золотыми шпильками и, в конце концов, на этой же мирте и повесилась. Следы укулов шпилек Федры, заканчивает предание, можно видеть и до сих пор, если посмотреть листья на свет.

Добавим только, что имеющие вид укулов точки — вовсе не следы каких-либо укулов, а маленькие железки, содержащие в себе то эфирное масло, благодаря которому листья мирты и обладают свойственным им приятным запахом. На месте трагической смерти Федры был воздвигнут храм в честь Венеры.

Любопытно также одно средневековое предание о превращении в такое дерево одного мавританского рыцаря.

Рыцарь этот по имени Роджеро, причалив на корабле к неизвестным ему берегам, привязал своего коня к миртовому дереву, а сам утолял жажду у текшего в какой-то сад источника.

Затем, положив возле себя шлем, щит и оружие, он прилег было отдохнуть, как вдруг доносившийся из дерева, к которому он привязал коня, голос сказал ему: «Разве я не достаточно страдаю, что должен выносить еще подобную грубость?»

Рыцарь, поспешив отвязать коня, спросил: «Кто Вы такой? Дерево или смертный? Прошу

извинения за мою невольную ошибку и потому постараюсь, лишь бы ее изгладить, исполнить все, что Вы ни пожелаете».

Тогда дерево, выпустив из коры несколько смолистых капель, как слезы, сказало: «Я Астольфо, паладин Франции, являвшийся в свое время одним из храбрейших и отважнейших рыцарей. Возвращаясь с Востока с несколькими товарищами, я достиг замка страшной Альцины. Она прельстила меня своей красотой, и я последовал за ней в ее островное жилище. Там я провел с ней много счастливых дней, пока не наскучил ей, как это было и со всеми теми, кто ею увлекался, а тогда, чтобы избавиться от меня, она превратила меня в мирту. Многих других постигла такая же участь, и здесь перед Вами находится немало людей, превращенных в кедры, оливы и пальмы. Некоторые из них превращены в источники, в скалы, а некоторые — и в животных. Берегитесь подвергнуться такой же участи!»

Но Роджеро мало обратил внимания на это предупреждение. Он также свиделся с прелестной Альциной и, пораженный ее красотой, позволил увести себя в ее замок со стенами из золота и колоннами из алмазов. Прожил с ней весело много дней, потом надоел ей и был превращен в мирту. Но так как он обладал знанием белой магии, которая была сильнее черной, то не только освободил себя, но и отомстил Альцине за ее вероломство, освободив и всех остальных превращенных ею во что-нибудь товарищей.

Служа главным образом символом любви, мирта была, однако, у греков и символом мрачной посмертной жизни.

Древние, как известно, поместив похищенную Плутоном дочь Цереры Прозерпину в его мрачное царство теней, украсили это царство зеленой растительностью. И мирта здесь играла первенствующую роль, образуя те таинственные ходы и кущи, где блуждали неутешные, которых какая-либо невыносимая страсть заставляла раньше времени покончить с жизнью на земле. Вергилий так описывает эти аллеи вздохов:

«Недалеко оттуда ты видишь печальные поля. Это места, где раздаются громкие вздохи влюбленных, которых неумолимая стрела Амура насильно превратила в блуждающие тени. Здесь бродят они по таинственно скрытым тропам, поросшим густым миртовым лесом...»

Сверх того, так как Венера, в качестве Венеры-Либитины и Афродиты-Епитимбии, являлась, с одной стороны, богиней смерти, которая, вызывая все к жизни, в то же время влекла все в мрачную бездну преисподней, чтобы снова все возродить, а с другой — охранительницей могил и смертных останков, то мирта считалась также растением смерти и украшала собой у древних греков могилы. Особенно же усердно обсаживали ею могилы дорогих покойников, веря, что она будет сопутствовать им и в царстве теней. Вера в эту связь была так велика, что в трагедии Еврипида «Электра» мы видим: всякий, кто хотел служить свидетелем на суде против умершего, должен был предварительно отправиться на его могилу и возложить миртовую ветвь в знак того, что он будет говорить на суде лишь одну правду.

От древних греков культ мирты перешел и к древним римлянам.

Эрато, муза эротической поэзии, носила миртовый венок. Таким же венком была украшена и голова бога брака — Гименея, которого всегда изображали в виде прелестного юноши с зажженным факелом в руке. Однако на алтарь покровительницы женщин — *Vona Dea* (добрая богиня), при служении которой не должен был присутствовать ни один мужчина, возлагать мирту было строго воспрещено, так как растение это, по мнению римлян, представляло собою напоминание о чувственном наслаждении, представителями которого являлись Амур и Венера. Полагали, что и сама мирта обладает возбуждающим началом, вследствие чего она будто бы и была даже посвящена этим божествам.

По этой же причине римские подружки веселья — гетеры увенчивали 2 апреля, в день

празднования весеннего праздника Венеры-Эрицины, статую ее миртами и розами, моля ее даровать им искусство нравиться.

Не пропускали этого месяца также и благородные римлянки. Выкупавшись в апреле под миртовыми деревьями и украсив себя их ветвями, они шли принести жертву Венере, моля ее сохранить им подольше молодость и красоту.

Обычай, подобный этому, сохранился до сих пор в Италии, где теперь женщины, подливая в ванны миртовую эссенцию, убеждены, что она наделит их красотой и девственной свежестью. Говорят, что такими ваннами не пренебрегают там даже и мужчины.

Скажем кстати, что даже эта миртовая вода, известная под названием ангельской, находится в таком употреблении в Италии и Греции, что без нее не может обойтись в этих странах ни одна знатная дама. Кроме того, из всех частей растения добывается летучее масло, которое употреблялось в древности как раздражающее кожу средство, а из сока раздавленных миртовых плодов со спиртом получается маслянистая жидкость, которая считается у великих искусниц нравиться средством, сообщающим красоту и свежесть коже.

В дополнение к этому косметическому значению мирты прибавим, что она в древности имела еще и некоторое медицинское значение.

Так, винный настой упомянутых плодов считался эликсиром здоровья, бодрости, им лечились обыкновенно в надежде на восстановление сил и возвращение здоровья раненые воины. Кроме того, молодые, нераспустившиеся еще ароматичные бутоны ее цветов употреблялись древними в особом приготовлении в качестве подкрепляющего желудок средства. Да и теперь семена ее употребляются еще в Тоскане вместо корицы, с которой они имеют некоторое сходство по вкусу.

Здесь же находится в большом употреблении и винный настой ветвей и плодов мирты, носящий название «myrtiducum», аромат которого тосканцам особенно нравится. Наконец, миртовые плоды растущей в Вест-Индии *Myrtus pinatis* употребляются еще и в Англии, где они носят название Амомова семени (*Semen Amomi*), или просто английской пряности. По вкусу они очень похожи на перец.

Храм Венеры-Эрицины в Риме находился внутри цирка, недалеко от Авентинского холма, и был весь окружен миртовыми кустами и деревьями, вследствие чего Венера эта носила даже название «Мирции». Другое ее прозвище было *Venus cloacina* — Венера-очистительница, так как полагали, что мирта обладает очищающей силой, и потому, когда кончилась борьба за похищение сабинянок⁴, то римляне и сабиняне, положив оружие, очистились (на том самом месте, где впоследствии была воздвигнута сейчас упомянутая статуя Венеры) куревом из зажженных ветвей мирты.

Но мирта у римлян имела не только значение увенчивающего красоту талисмана, а играла немаловажную роль еще и в общественной жизни.

Ромул, как известно, по возведении его в божество получил название Квирина — от сабинского слова «квирин» — копье (в переносном значении — воин), и ему воздвигнут был храм. Но со временем храм этот превратился в развалины и оставался в таком виде до 306 года до н. э., когда наконец консул Луний Папирий Курсор восстановил его. Тогда на нем были помещены первые в Риме солнечные часы, а перед ними посажены два миртовых дерева, из которых одно должно было изображать патрициев, а другое — плебеев.

Посаженные близ такого высокочтимого храма, деревья эти сделались для римлян священными. Они стали видеть в них что-то вдохновенное, божественное и твердо верили, что по ним можно всегда судить о перевесе той или другой партии. «Если, — говорили они, — патриции берут верх над плебеями, то их дерево растет роскошно, а дерево плебеев чахнет,

а если плебеи побеждают, то их дерево разрастается, а патрицианское гибнет». Насколько подтверждалась их вера, не знаем, но говорят, что они с суеверным страхом и трепетом следили за их развитием.

Немалую роль играла мирта и в римских триумфах. Сплетенным из нее венком увенчивали римляне героев за гражданские доблести или за войну без пролития крови. Венок этот назывался «*corona ovalis*», от слова *ovus* — овца, так как при возложении его обыкновенно приносили богам в жертву овцу.

Первым получившим такую награду был консул Постум Тубертус, победивший сабинян; но когда такой же венок поднесли М. Крассу по возвращении его из победоносного похода, то он отклонил его, и сенат, находя, что он прав, присудил ему лавровый веночек — как награду за воинские подвиги.

Мы уже говорили о том, что у древних иудеев и греков существовал обычай украшать миртой жениха и невесту. Обычай этот сохранился у потомков древних греков, новогреков, и до сих пор, у них теперь мирта то и дело заменяет собой обычный в этом случае в наше время флердоранж⁵.

От них же, вероятно, перешел он и в Германию. Время его появления здесь вполне достоверно не известно, в печатных источниках до XVII века о нем совсем не упоминается, хотя в некоторых книгах, как, например, в книге Комариуса «О брачных венцах», изданной в Магдебурге в 1583 году, подробно перечисляются все цветы, какие могут быть употребляемы при венчании, а в книге Санта-Кли, изданной в 1672 году, приводятся даже с указанием символического значения каждого из них. В числе их указываются гиацинт, царский скипетр⁶, роза, фиалка, ландыш, незабудка, маргаритка, амарант и другие, упоминается также о розмарине как о цветке для венков покойников, а о мирте — ни слова.

С другой стороны, существует указание, что мирта употреблялась в качестве венчального украшения значительно раньше XVII столетия. Так, на вуалях невест XV и XVI столетий, на которых делались обыкновенно комеморативные⁷ надписи и которые хранятся в древних фамилиях как драгоценное наследие предков, можно видеть затканые надписи, окруженные венками из мирт. Сверх того, существует даже предание, что первой носившей миртовый веночек при венчании (1583 год) была дочь Якова Фуггера, известного средневекового миллионера. Следовательно, приблизительно этот год и надо считать началом обычая украшать миртовыми венками невест в Германии.

Всеобщее, однако, употребление мирт в качестве венчального цветка произошло гораздо позже, и введение этого обычая шло, по-видимому, снизу вверх, так как от торговых людей, каким являлся Фуггер, он перешел сначала в дворянские, а затем уже и в княжеские семьи.

Насколько, однако, редко было еще это употребление даже и в XVIII столетии, ясно видно уже из того, что когда в 1760 году дочь городского старшины города Гальберштадта имела на голове в день венчания небольшой, с десертную тарелку, миртовый веночек, то это считалось как нечто особенно благородное, аристократическое, и об этом оповестили даже в печати. Веночек хранится в этой семье и до сих пор. Он был сделан из искусственных миртовых веточек, выписанных из Парижа.

Что касается до вопроса, каким образом зародился этот обычай в Германии, то, по-видимому, он перешел сюда из Греции и с Востока, так как появился прежде всего в городах Нюрнберге и Аугсбурге, имевших, как известно, в средние века главные сношения с этими странами.

Обычай украшать невест миртовым венком сохранился в Германии и до наших дней, так что цветы эти предпочитают там употребляющемуся у нас и во Франции с этой целью флердоранжу. Теперь из уважения к древнему обычаю такими венками украшаются там даже и великокняжеские невесты, причем в некоторых местностях, как, например, в Бремене,

каждая свадьба сопровождается даже особым миртовым праздником.

Из других государств мирта играет роль в свадьбах во Франции, и притом главным образом в деревенских свадьбах, где ею, впрочем, не всегда украшают голову невесты, а несут больше просто как атрибут праздника в виде растения в горшке во время шествия, отправляющегося для подписи брачного договора к мэру (городскому голове или старосте), и в Англии, где миртовые венки и букеты в большом употреблении при бракосочетании высокопоставленных лиц, особенно же особ королевского дома.

При английском дворе свадебный этот обычай был введен, как говорят, покойной королевой Викторией, которая собственноручно посадила у себя в садах Осборна крошечную миртовую ветку, взятую из свадебного букета своей дочери, покойной германской императрицы Фридрих. Веточка эта принялась, и когда разрослась в деревцо, Виктория никогда не пропускала случая, чтобы не вложить хотя бы одну сорванную с нее ветку в подвенечный букет своих дочерей и внучек.

С тех пор этот обычай укоренился, и теперь в состав букета каждой невесты английского королевского дома обязательно входит миртовая ветка с этого дерева.

Большой любительницей мирты была также знаменитая французская драматическая актриса Рашель.

Еще будучи бедной евреечкой и живя в чердачном помещении улицы Тампль в Париже, она тщательно ухаживала, как она пишет в своих записках, за маленькой мирточкой, которая, как ей казалось, должна была принести ей счастье.

И счастье ей действительно улыбнулось; из безвестной маленькой актрисы она сделалась всемирной знаменитостью.

Но и будучи окружена уже ореолом славы, она продолжала любить и лелеять это растение, крупные кусты и даже деревца которого всегда украшали все комнаты ее роскошного помещения и особенно ее будуар.

Заметим кстати, что любя влажный климат, мирта так прижилась в Англии, что теперь ее можно счесть за туземное растение, а между тем до конца XVI столетия ее здесь еще не было. Говорят, что первое миртовое деревце было привезено сюда в 1586 году сэром Вальтером Ралей и Френсисом Керью из Испании, где они жили долгое время в качестве представителей Англии. Эти же вельможи первыми известили английское правительство о формировании великой испанской армады и предупредили его о грозящей Англии опасности; так что с введением в Англию мирты связано, можно сказать, избавление отечества от угрожавшей ему беды.

Деревцо это было посажено в Беддингтоне, в графстве Сюррей, и существовало еще в 1724 году, так что, следовательно, достигало 156-летнего возраста. В это время оно имело 18 футов 8 вышины и крону, занимавшую около 45 футов. Теперь оно больше уже не существует и погибло, по всей вероятности, в суровую зиму 1740 года, когда, как сообщает хроника, померзло большинство экзотических деревьев в парке Керью в Беддингтоне (между прочим, и одновременно с миртой посаженное там первое апельсиновое дерево).

Но такой величины миртовые деревья в Англии не редкость; и в настоящее время немало можно их видеть в Девоншире, в Уортинге, в Бредуотере и особенно на острове Уайте, где они встречаются почти в каждом саду. Во многих местах они покрываются даже массой цветов.

Уважение к мирте сохранилось и в Новой Греции; и здесь, а особенно на острове Крите существует даже поверье, что никогда не следует проходить мимо миртового куста, не сорвав

с него хотя бы маленькой веточки, если до старости хочешь сохранить юношескую бодрость и свежесть сил.

Там сложилась даже песня:

«Кто мимо мирты проходит, Не сорвав с нее душистой ветви, Тот — будь он герой, будь муж во цвете лет — Будет лишь старцем немощным».

Такая же вера в бодрящее действие мирты сохранилась и в Италии, где на масленицу в некоторых городах, например в Тоскане, все юноши и молодые девушки украшаются венками из мирты в знак того, что они полны сил и молодости. По этой же причине и римские паломники, отправляясь в долгое путешествие, запасаются всегда кольцом из мирт, которое, по их мнению, придает им сил благополучно совершить путешествие.

Но, с другой стороны, виденные во сне миртовые листья считались даже уже в средние века предвестником какой-нибудь неприятности. «Если ты бедный служащий человек, — говорит про это сонник того времени, — то знай, что ты места лишишься, если же богатый — то предстоит тебе горе великое».

1 Скиния (греч. — шалаш, шатер) — древнееврейский переносный, походный храм; считается прообразом христианской церкви. 2 Элевсинии — аграрные празднества, центром которых был город Элевсин (близ Афин). Произрастание плодов казалось великой тайной, которую Церера (Деметра) открывает лишь избранным. 3 Истмийские игры, или Истмии, — праздники в честь Посейдона, отмечавшиеся раз в 2 года в Истме (Коринфский перешеек), где находился храм истмийского Посейдона. 4 Похищение сабинянок — известная сцена из римской мифологии. Когда один из основателей Рима, Ромул, убивший своего брата-близнеца Рема, стал римским царем и устроил праздник, он пригласил на него соседей — сабинян. Во время праздника римские юноши стали похищать девушек-сабинянок, что послужило поводом для начала войны между римлянами и сабинянами. 5 Флердоранж, буквально — «цветы апельсина», веточки цветущих цитрусовых деревьев, которыми украшали невесту, из них же составляли ее букет. 6 Царский скипетр, или коровяк, — крупное травянистое растение из сем. норичниковых. 7 Комеморативный — памятный. 8 Фут — 30.48 см.

Цветок гаремов, цветок биржевых игр — тюльпан

Высокопоставленные любители

Азартная биржевая игра

Праздник черного тюльпана

4000 гульденов за луковицу

Тюльпаны — люлечки малюток фей

Хранилище человеческого счастья

Как ни прекрасен тюльпан своей окраской, как ни оригинальна его форма, но, странным образом, почему-то ни греческая, ни римская мифология не создали о нем никакого сказания. И это тем более странно, что тюльпаны в диком состоянии в обилии растут на священной горе Иде, в Греции, где их не могли не заметить как сами жители, так и все те, кто были

творцами мифологии.

Первые сведения об этом прелестном цветке мы встречаем в Персии. В этой стране сказаний и песен о розе оригинальный цветок тюльпана в виде фонаря или кубка не мог остаться незамеченным и носил название «дульбаш» — турецкая чалма, от которого впоследствии произвели слово «тюрбан», а также и русское название цветка — «тюльпан». Он был воспет многими персидскими поэтами, и особенно знаменитым Хафизом, который говорит, что с девственной прелестью тюльпана не могут сравниться ни нежные движения кипариса, ни даже сама роза.

Но еще большей любовью пользовался тюльпан на Востоке у турок, жены которых разводили его в обилии в сералях, где многим из них, быть может, он напоминал даже их детство, родину, утерянную свободу.

Вследствие всего этого, вероятно, в сералях ежегодно справлялся чудный, волшебный праздник тюльпанов, на который султан смотрит как на лестное доказательство расположения к себе и любви своих жен.

В этот день весь сераль принимает феерический вид. Все сады его, все залы украшаются бесчисленным множеством причудливо развешанных разноцветных тюльпанов- фонариков, которые, будучи зажжены вечером, блестят, как в какой-нибудь феерии тысячами тысяч огней. Все дорожки садов устилаются драгоценными пестрыми коврами, самые тонкие духи бьют фонтанами и распространяют всюду свой дивный запах, а на возвышениях, на самом видном месте, выставлены в красивом рисунке тысячи самых разнообразных, самых редких сортов тюльпанов, удивительные формы и прелестная окраска которых чаруют взоры. При этом в разных углах сада расставлены невидимые оркестры, которые играют то веселые, то грустные мотивы.

Когда все таким образом устроено, богато разодетые любимые жены султана отправляются за ним, ведут его в торжественной процессии в изукрашенные, как в сказках, сады, показывают ему самые красивые сорта своих тюльпанов, объясняют данные им в честь его нежные названия, сообщают, какое символическое значение имеет то или другое название по отношению к нему и к ним самим, и стараются вообще обратить его внимание на эти цветы и заставить их полюбить. Затем следует богатое угощение разными восточными сладостями, восточными напитками, обставленное самыми чарующими танцами и пением, и султан покидает сераль, очарованный, упоенный прелестью дивного праздника тюльпанов, перенесшего его на несколько часов в сказочную страну «Тысячи и одной ночи».

В таком поэтическом, окруженном грезами, виде представляется тюльпан у жителей Востока.

В совершенно ином, прозаическом, виде находим мы его в Западной Европе.

Сюда он попал лишь в 1559 году, и прежде всего в Аугсбург, куда первые его луковицы были присланы германским послом при турецком дворе Бусбе-ком. А тот ознакомился с ним во время своего путешествия по Сирии в Хардине, на границе с северной частью Аравии, где среди зимы он увидел его в полном цвету вместе с нарциссами. В этом же году тюльпан появился в первый раз в цвету в Аугсбурге у сенатора Герварта, а шесть лет спустя украшал уже в большом количестве чудные сады знаменитых средневековых богачей Фуггеров, где его видел и описал как замечательную редкость знаменитый Конрад Геснер¹.

Отсюда тюльпан разошелся по всей Европе. В 1573 году мы видим его уже в Вене у известного ученого Клузиуса, который так заинтересовался этим новым пришельцем, что стал с увлечением собирать все известные его сорта. Его примеру последовали и многие богатые венские садоводы, начавшие выписывать за громадные деньги луковицы тюльпана из Турции, чтобы украсить им свои сады. Появление у кого-либо из них нового по окраске сорта возбуждало у других неопишемую зависть и даже ночью не давало покоя не

обладавшим ими любителям.

Мало-помалу начали увлекаться тюльпанами в Германии и многие царственные особы. Особенно же великий курфюрст бранденбургский Фридрих-Вильгельм, собравший в начале XVI столетия уже громадную для этого времени коллекцию — 216 сортов и поручивший своему придворному медику Эльшольцу составить альбом рисунков наиболее оригинальных и ценных из них. Редкий альбом этот, содержащий 71 рисунок, с написанным на латинском языке предисловием был окончен в 1661 году и хранится в публичной библиотеке Берлина.

Из других страстно увлекавшихся тюльпаном высокопоставленных особ укажем еще маркграфа Баден-Дурлаха, собравшего в 1740 году коллекцию в 360 сортов, и графа Паппенгейма, у которого, по словам современников, такая коллекция доходила до 500 сортов. При этом прелесть новых сортов усугублялась еще начавшим входить в моду обычаем давать этим сортам имена коронованных особ, выдающихся по своему общественному и государственному положению лиц и городов...

Такое, стоившее больших денег увлечение не замедлило дать повод, конечно, к подделкам, и едва садовник какого-нибудь богача-любителя выводил новый сорт, как под тем же названием на рынке появлялись совершенно иные, часто даже старые, сорта и продавались, под величайшим секретом, доверчивым любителям за крупные деньги.

Среди страстных любителей тюльпанов других стран были также Ришелье, Вольтер, маршал Бирон, австрийский император Франц II. И особенно — французский король Людовик XVIII. Уже совсем больной, он приказывал переносить себя во время цветения этих растений из Сен-Клу в сады Севра и проводил там целые часы, любясь пестротой и разнообразной окраской цветов богатой коллекции, культивируемой его садовником Экоффе.

Одно время в Версале были даже прелестные тюльпанные праздники, на которые собирались все знаменитые любители и садоводы того времени и соревновались выставкой своих новинок и редкостей. За лучшие экземпляры выдавались ценные призы.

Необычайно любил их также и знаменитый французский композитор Меюль, для которого культура тюльпанов представляла величайшее наслаждение в минуты отдыха от музыкальных занятий. Его коллекция тюльпанов была одною из обширнейших и отборнейших коллекций начала XIX века.

Но нигде увлечение тюльпанами не достигало таких колоссальных размеров, как в Голландии. Спокойные по природе, расчетливые торговцы и вообще люди умеренные, голландцы ни с того ни с сего так увлеклись этим цветком, что увлечение это превратилось в единственную в своем роде народную манию, которая получила даже в истории отдельное характерное название «тюльпомании».

Тюльпан появился здесь лишь в 1634 году, и первое время разведение его носило совершенно коммерческий характер.

Заметив увлечение этим цветком немцев и других народов, расчетливые голландцы стали разводить его в как можно большем количестве новых сортов, и торговля его луковицами оказалась столь прибыльной, что ею стали заниматься вскоре даже и люди, имевшие очень мало отношения к садоводству. Ею стало заниматься чуть не все население. Стоящие во главе голландской торговли коммерсанты радовались, что найден такой новый, обогащавший их родину, продукт, и старались всячески поддержать эту новую отрасль промышленности, тем более что, как оказалось, для разведения этих луковиц голландская почва была особенно благоприятна.

Вначале торговля эта шла так хорошо, что, не довольствуясь своими культурами, предприимчивые голландские торговцы скупали даже тюльпанные луковицы из соседней

Бельгии, где в городе Лилле разведением их особенно усердно занимались в монастырских садах монахи и другие духовные лица.

Вскоре дело дошло до того, что образовалось нечто вроде игры на бирже. Вместо луковиц новых сортов стали выдавать вперед на них расписки в том, что владелец их получает право на приобретение этого сорта, а затем расписки эти перепродавали по более высокой цене другим; эти, в свою очередь, старались перепродать их по еще более высокой цене третьим — и все это, не видя еще того нового сорта, который был запродан. При этом цены на такие фантастические сорта доходили до невероятных размеров. Игру эту поддерживали некоторые счастливые случайности, вроде того, что по случайно приобретенным за невысокую цену распискам получались действительно редкостные сорта, которые, будучи проданы, давали затем крупные барыши.

Так, например, одному бедному амстердамскому приказчику благодаря стечению целого ряда счастливых обстоятельств удалось за какие-нибудь четыре месяца сделаться богатым человеком. Конечно, о таких счастливых случайностях спекулянты трубили во все трубы, выдавая их за явление самое заурядное, и число простаков, желавших попытать свое счастье, все более и более увеличивалось.

О том, насколько распространена была такого рода игра в Голландии, свидетельствует уже то обстоятельство, что в это время гуляло по рукам обывателей более 10 миллионов таких тюльпанных расписок.

При этом в такого рода торговле мог принять участие весь мир, и каждый, где бы он ни жил, — разбогатеть, так как ничего не было легче, как приобрести несколько луковиц тюльпана, посадить их в горшок и, получив от них детки, продавать их за большие деньги как новый многообещающий редкий сорт.

Большие деньги в это время наживали также и торговцы глиняными горшками и деревянными ящиками, так как кроме специально культивированных тюльпаны садоводов разведением тюльпанов занимался всякий — и бедный и богатый — лишь бы только нашлось место для их разведения.

Для торговли этими луковицами, как я уже говорил, существовали особые помещения, где в особые базарные дни собирались продавцы и покупатели и сговаривались относительно цен — словом, нечто вроде биржи. Да и самое слово «биржа» (по-немецки *Borse*), как говорят, возникло от жившей в городе Брюгге знатной фламандской фамилии ван-дер-Бёрзе, уступившей под такого рода собрания свое роскошное помещение.

В биржевые дни эти помещения представляли собою многотысячные собрания, и что тут была за публика, надо было только дивиться!

Тут были и миллионеры, и графы, и бароны, дамы, купцы, ремесленники, были и крестьяне, швеи, рыбаки, рыбачки, всякого рода прислуга и даже дети. Лихорадкой наживы были охвачены все слои общества, все, у кого только был хоть грош за душой. У кого же наличных денег не было (об этом существуют целые записки в хрониках), тащил свои драгоценности, платья, домашний скарб, отдавал под залог дома, земли, стада — словом, все, лишь бы только приобрести желанные тюльпанные луковицы и перепродать их за более высокую цену.

За одну луковицу, например, сорта «*Semper Augustus*» было заплачено 13.000 гульденов, за луковицу сорта «Адмирал Энквицен» — 6.000 флоринов... На некоторые же сорта заключались запродажи, и в истории этой удивительной биржевой игры сохранилось даже несколько документов, в одном из которых значится, что за луковицу сорта «*Vice-roi*» было заплачено: 24 четверти пшеницы, 48 четвертей ржи, 4 жирных быка, 8 свиней, 12 овец, 2 бочки вина, 4 бочки пива, 2 бочки масла, 4 пуда сыра, связка платья и один серебряный

кубок. И такого рода сделки не были редкостью.

Но кроме таких специальных бирж в каждом голландском городе были превращены в своего рода миниатюрные биржи все трактиры, кабаки и пивные, и все любители поиграть в карты, в кости — любители сильных ощущений превратились теперь в отчаянных игроков в тюльпанные луковицы. При этом, если заключенная в одном из таких кабачков выгодная сделка приносила всем заключившим ее хороший барыш, то в нем устраивалась богатая пирушка, в которой первое место принадлежало хозяину. И как ни странно может показаться, но в таких местах составляли себе иногда хорошие состояньица и бедные швеи, штопальщицы кружев, прачки и тому подобный люд.

Наконец, для того чтобы разжечь еще более страсть к этой игре, города вроде Гаарлема, Лейдена назначали от себя громадные, достигавшие нескольких сот тысяч гульденов, премии за выведение тюльпана какого-либо известного цвета и величины, и в случае осуществления этой задачи выдача награды сопровождалась такими великолепными празднествами, на которые народ стекался со всех самых отдаленных окраин в не меньшем количестве, чем на праздник въезда или коронавания государей.

Так, до нас дошло, например, описание праздника по поводу присуждения премии за выведение черного (черно-лилового) тюльпана. В празднестве этом принимал участие сам принц Вильгельм Оранский.

«15-го мая 1673 года, читаем мы в этом описании, рано утром в Гаарлеме собрались на это торжество все гаарлемские общества садоводства, все садоводы и почти все население города. Погода была великолепная. Солнце сияло, как в июле.

При торжественных звуках музыки шествие двинулось по направлению к площади ратуши. Впереди всех шел президент гаарлемского общества садоводства М. ван-Систенс, одетый весь в черно-фиолетовый бархат и шелк (под цвет тюльпана), с громадным букетом; за ним двигались члены учебных обществ, магистрата города, высшие военные чины, дворянство и почетные граждане. Народ стоял по бокам шпалерами.

Среди кортежа на роскошных носилках, покрытых белым бархатом, с широким золотым позументом четыре почетных члена садоводства несли виновника торжества — тюльпан, красовавшийся в великолепной вазе. За ним гордо выступал выведший это чудо садовод, а направо от него несли громадный замшевый кошель, вмещавший в себе назначенную за выведение этого тюльпана премию города — 100.000 гульденов золотом.

Дойдя до площади ратуши, где была устроена грандиозная эстрада, вся убранная гирляндами цветов, тропическими растениями и хвалебными надписями, шествие остановилось. Музыка заиграла торжественный гимн, и двенадцать молодых одетых в белое гаарлемских девушек перенесли тюльпан на высокий постамент, поставленный рядом с тронном штатдгальтера.

В то же время раздались громкие крики народа, возвещавшие о прибытии принца Оранского. Взойдя в сопровождении блестящей свиты на эстраду, принц Оранский обратился к присутствующим с речью о том, какой интерес представляет для садоводства получение тюльпана столь редкой и своеобразной окраски, и, провозгласив имя отличившегося садовода, вручил ему пергаментный свиток, на котором было начертано его имя и заслуга, и крупную сумму, подаренную ему городом.

Восторгам народа не было конца, и счастливица понесли в триумфе по улицам. Празднество закончилось грандиозным пиршеством, устроенным лауреатом своим друзьям и садоводам Гаарлема»...

Но среди таких, как бы охваченных бесом наживы людей встречалось немало и истинно

увлеченных коллекционеров, которые для того, чтобы обладать единственным на всем свете экземпляром какого-нибудь сорта тюльпана, готовы были пожертвовать всем.

Рассказывают, что один такой страстный любитель приобрел за огромную цену единственный, по словам продавца, экземпляр такого тюльпана, и, возвратившись домой, узнал, что другой такой же экземпляр существует еще в Гаарлеме. Вне себя от горя он спешит в Гаарлем, приобретает за сумасшедшие деньги этот второй экземпляр, бросает его на землю и, растапывая его ногами, с торжеством восклицает: «Ну, теперь мой тюльпан — единственный на свете!» Вообще, вместе с печальными сценами происходило немало и комических.

Так, один матросик, увидав валявшуюся на прилавке магазина съестных припасов луковицу тюльпана и вообразив, что она съедобная, сунул ее в карман и ушел. А между тем луковица эта была одной из самых драгоценных. Заметив ее пропажу, хозяин догадался, что, по всей вероятности, она была похищена тем матросом, который стоял за минуту до того перед его прилавком, и бросился за ним в погоню. Он застал матроса уже разрезавшим луковицу и готовившимся ею позавтракать. Напрасно напуганный матрос уверял, что луковица вовсе невкусная и что он готов ее отдать назад, торговец оставался неумолим. Призвана была полиция, матрос был отдан под суд и приговорен к шестимесячному тюремному заключению.

В другой раз один молодой человек, разговаривая, начал машинально снимать с луковицы одну шелуху за другой и снял ее окончательно. Каков же был его ужас, когда луковица эта оказалась знаменитым в то время сортом Ван-Эйк!

Несмотря на все извинения, на все уверения, что это он сделал без всякого злого умысла, лишь по рассеянности, хозяин не хотел ничего слушать и привлек молодого человека к суду, который и приговорил его к штрафу в 4.000 гульденов, а до полной уплаты штрафа он должен был просидеть в заключении.

Словом, страсть к биржевой игре этими луковицами и цена на них достигали таких колоссальных размеров, что голландское правительство вынуждено было вмешаться в это дело и положить конец этой опасной и развращающей народные нравы спекуляции. И вот представители Голландских генеральных штатов, собравшись 27-го апреля 1637 года в Гаарлеме, издали закон, по которому всякие сделки по тюльпанным луковицам были признаны безусловно вредными и всякая спекуляция ими строго каралась.

Тогда отрезвленная, отчасти приостановленными платежами, отчасти строгостью выполнения принятого правительством закона, толпа начала мало-помалу охладевать к этой игре. Цены на луковицы начали быстро падать, и вскоре более осторожные, повыручив поскорее свои деньги, спешили благоразумно ретироваться, а более горячие головы, как это и всегда бывает, очутились с потерявшими всякую ценность луковицами на руках.

Таким образом кончилась эта беспримерная в летописях садоводства биржевая игра на цветах — игра, повергшая немало людей в полнейшую нищету и обогатившая главным образом только одних аферистов.

Интересно, что любопытным памятником этой особенно сильно развившейся с 1634 по 1637 год туйпомании стала надпись, сохранившаяся на плите на стене одного дома на улице Гоора в Амстердаме, гласящая, что стоящие на этой улице два каменных дома (снесенные в 1878 году) были куплены в 1634 году за 3 тюльпанных луковицы.

Плита эта была приобретена известным голландским садоводом Креелаге и хранится в его музее.

Но если с этих пор тюльпан потерял всякое значение для спекулянтов, для любителей биржевой игры и легкой наживы, то он продолжал оставаться предметом, с одной стороны,

восхищения, с другой — порицания для поэтов, писателей и играл немалую роль в эстетике.

Всемогущая уже и тогда мода всюду требовала изображения дивного тюльпана. Рисунки тюльпана покрывали все материи, изображения его ткались на самых дорогих брабантских кружевах, появлялись даже на масляных картинах современных голландских живописцев. Образовались даже целые школы рисования цветов, где выдающуюся роль играл тюльпан, и воспоминания об этом культе тюльпана дошли до нашего времени на картинах таких выдающихся художников, как Ван-Хейсум, Ферендаль, Хаверманс, Де-Геер...

Что касается тюльпана в поэзии, то французский поэт XVIII столетия Буажолен написал о нем целую поэму: «Метаморфоза Тюльпана», где он воспевает, подражая Хафизу, чудную, обворожительную девушку, повелительницу его сердца; а Александр Дюма-отец — поэтический роман «Черный Тюльпан», в котором изображает роль этого цветка в Голландии.

Но немецкие писатели смотрят на него как на цветок без души, цветок внешней красоты, эмблему пустой, гонящейся только за нарядами, женщины. Афшпрунг говорит о гордой красавице:

«Как тюльпан, ты прелестна лицом, Но и как тюльпан, ты пуста».

Клейст в своем стихотворении «Весна» относится к нему дружелюбнее, но Гёте говорит о тюльпане так: «Не благоговея никогда перед пустым призраком».

Вообще немцы всегда относились к тюльпану как-то холодно и даже в насмешку прозвали «тульпе» безобразную пивную кружку; под таким названием она слыла на вечеринках у Бисмарка.

С гораздо большей поэзией относятся к тюльпану в Англии, где в сказках он служит всегда колыбелью для маленьких эльфов и других крошечных фантастических существ.

Так, в Девоншире есть сказка, в которой рассказывается, что феи, не имея колыбелей для своих малюток, кладут их на ночь в цветы тюльпанов, где ветер качает и баюкает их.

Однажды, говорится в сказке, одна женщина, отправившись ночью с фонарем в свой сад, где росло много тюльпанов, увидела в них нескольких таких уснувших прелестных крошек.

Она была так восхищена этим необычным зрелищем, что в ту же осень насадила в своем саду еще больше тюльпанов, так что вскоре их оказалось вполне достаточно для того, чтобы разместить в них малюток всех окрестных волшебниц.

Затем в светлые лунные ночи она отправлялась туда и часами любовалась этими крошечными созданиями, сладко спящими в атласистых чашечках тюльпанов, нежно покачиваемых легким ветерком.

Сначала феи встревожились, боясь, как бы эта незнакомая женщина не причинила зла их малюткам, но потом видя с какой любовью она к ним относится, успокоились и, желая в свою очередь отблагодарить ее за такую доброту, придавали ее тюльпанам самую яркую окраску и чудный, как у роз, запах.

И они благословляли эту женщину и ее дом, так что ей сопутствовали во всем счастье и успех до самой смерти.

Но радость эта длилась для фей, пока она была жива; когда же она умерла, то дом и сад наследовал ее очень скупой родственник.

Человек корыстолюбивый и бессердечный, он прежде всего уничтожил сад, найдя, что

цветы разводить невыгодно, а затем развел в нем огород и засадил его петрушкой.

Такой грубый поступок очень рассердил маленьких созданий, и они каждую ночь, как только наступала полная темнота, слетались толпами из соседнего леса и плясали на овощах, вырывая и ломая их корни и засыпая тучами пыли их цветы, так что в продолжение многих лет овощи не могли расти и даже у петрушки все листья, как только появлялись, были всегда истрепаны, изорваны в лохмотья.

Между тем могила, где была похоронена их бывшая благодетельница, всегда чудно зеленела и была покрыта роскошными цветами.

Помещавшиеся же у самого ее изголовья великолепные тюльпаны блистали самой яркой окраской, издавали дивный запах и цвели до глубокой осени, когда все другие цветы уже давно завяли.

Прошло еще несколько лет, и скупого человек заменил еще более черствый, совсем не имевший понятия о красоте, родственник.

Он вырубил все окрестные леса и могилу совсем забросил. Она была затоптана ногами проходящих, тюльпаны повывраны, поломаны, и феям пришлось удалиться далеко от родного для них местечка.

И с этого-то времени, добавляет сказка, все тюльпаны потеряли свою выдающуюся окраску и запах и сохранили их лишь настолько, чтобы не быть совсем заброшенными садовниками.

В заключение скажу, что если о роскошном восточном тюльпане не сложилось никакой легенды, то о нашем, более скромном желтом европейском родственнике его существует следующее интересное сказание.

Рассказывают, что в золотистом плотно замкнутом бутоне этого цветка было заключено одно время человеческое счастье и что никто никак не мог добраться до него, хотя пытались всеми способами: кто — силой, кто — хитростью, кто — заклинаниями. И шли к этому цветку, говорит легенда, и стар и млад, и здоровые и увечные, шли цари с блестящей свитой и нищие с клюкой, шли богатые, праздные моты и бедные с мозолистыми руками, труженики. Толпы приходили, толпы уходили... но все напрасно — счастье не давалось им в руки.

Но вот однажды по лугу, где рос такой цветок, проходила одна бедная женщина. Бледная, истомленная, шла она, ведя за руку своего маленького мальчика, как вдруг заметила издали золотистый бутончик, о котором так много слышала. Она не помышляла, конечно, его раскрывать, она знала, что это совершенно невозможно, но ей хотелось только посмотреть на цветок, который заключал в себе то счастье и тени которого она во всю свою жизнь не видала и котором вздыхала не раз в тяжелые минуты жизни.

Она потихоньку, потихоньку, с замиранием сердца приближалась к нему... как вдруг ее мальчик, увидя блестящий бутончик, вырвался из рук и с громким смехом, размахивая ручонками, бросился к цветку. И — о, чудо! О, удивление! — в ту же минуту бутон раскрылся сам собой...

То, чего не в силах были сделать ни сила, ни заклинания — сделал веселый, беззаботный смех ребенка, так как детство — действительно единственная пора всей нашей жизни, когда проглядывает по временам настоящее счастье.

Таким же цветком счастья считается тюльпан еще и в Тюрингенских горах, в деревушке Аллендорфе, где некогда был монастырь.

По развалинам этого монастыря, как говорят, бродит одетая вся в белое молодая девушка, и

где она пройдет, там этот цветок и зацветет.

Скорее всего, это отголоски того, что было в действительности: быть может, здесь тюльпаны разводил какой-нибудь монах. Но поверье держится. Один пастух, рассказывают, еще недавно нашел такой тюльпан, где проходила эта женщина.

Не зная, что с ним делать, он, сорвав, положил его себе в шапку, чтобы вечером подарить своей невесте или кому из родни. Но в это время как раз убежал жеребенок. Он погнался за ним и искал его чуть не до вечера. А когда возвратился, то забыл совсем о цветке и вспомнил о нем уже дома.

Идти назад было уже поздно, а кроме того, скорее всего, он и затерял его уже во время поисков жеребенка.

Так и махнул рукой — что ж поделаешь. Но с того дня он стал чахнуть, чахнуть, и через два месяца его не стало.

1 К.Геснер (1516 — 1565) — врач, натуралист, путешественник из Цюриха, один из образованнейших людей своего времени, его называли также «отцом библиографии». В его честь названо обширное семейство тропических растений — геснериевые.² Четверть — старинная русская мера объема, применявшаяся для сыпучих веществ, чаще всего — зерна; равна примерно 17 ведрам.

Цветок бога солнца Аполлона и увлечения голландцев — гиацинт

Смерть Гиацинта и горе Аполлона

Любимец голландцев

Громадная ценность гиацинтов

Культура в воде

Кто не знаком с гиацинтом, тем чудным цветком с дивным запахом, который чарует нас своим благоуханием среди глубокой зимы и прелестные, как бы из воска сделанные, нежнейших оттенков султаны цветов которого служат лучшим украшением наших жилищ на праздниках зимою? Цветок этот — подарок Малой Азии, и название его в переводе с греческого значит «цветок дождей», так как на родине он начинает распускаться как раз с наступлением теплых весенних дождей.

Древнегреческие сказания производят, однако, это название от Гиацинта, прелестного сына спартанского царя Амикла и музы истории и эпоса Клио, с которыми связано и само происхождение этого цветка.

Произошло это еще в те блаженные времена, когда боги и люди были близки друг другу. Очаровательный этот юноша, как рассказывает легенда, пользовавшийся безграничной любовью бога солнца Аполлона, забавлялся однажды с этим богом метанием диска. Ловкость, с которой он его бросал, и верность полета диска удивляли всех. Аполлон был вне себя от восхищения и ликовал от успехов своего любимца. Но ревновавший уже давно к нему маленький божок легкого ветерка Зефир дунул из зависти на диск и повернул его так, что, полетев обратно, он врезался в голову бедного Гиацинта и поразил его насмерть.

Горе Аполлона было беспредельно. Напрасно обнимал он и целовал своего бедного мальчика, напрасно предлагал за него пожертвовать даже своим бессмертием. Заживлявший и оживлявший своими благотворными лучами все, он не в состоянии был возратить его к жизни...

Как же, однако, было поступить, как хотя бы сохранить, увековечить память об этом дорогом для него существе. И вот, говорит далее легенда, лучи солнца начали припекать струившуюся из рассеченного черепа кровь, начали сгущать ее и скреплять, и из нее вырос прелестный красно-лиловый, распространявший на далекое расстояние свой чудный запах цветок, форма которого с одной стороны напоминала букву А — инициал Аполлона, а с другой У — инициал Гиацинта; и, таким образом, в нем навеки были соединены имена двух друзей.

Цветок этот был наш гиацинт. Его перенесли с благоговением жрецы Аполлона Дельфийского в сад, окружавший храм этого знаменитого оракула, и с тех пор в память о безвременно погибшем юноше спартанцы ежегодно проводили праздник, который носил название Гиацинтий.

Празднества эти происходили в Амиклах в Ликинии и длились три дня.

В первый день, посвященный оплакиванию смерти Гиацинта, воспрещалось украшать голову венками из цветов, есть хлеб и петь гимны в честь солнца.

Следующие же два дня были посвящены различным древним играм, причем даже и рабам разрешалось в эти дни быть вполне свободными, а алтарь Аполлона был завален жертвенными дарами.

По этой же причине, вероятно, мы нередко встречаем в Древней Греции и изображение как самого Аполлона, так и муз, украшенных этим цветком.

Таково одно греческое сказание о происхождении гиацинта. Но есть еще и другое, которое связывает его с именем знаменитого героя Троянской войны Аякса.

Этот благородный сын царя Теламона, властителя находившегося близ Аттики острова Саламина, был, как известно, храбрейшим и наиболее выдающимся из героев Троянской войны после Ахиллеса. Он ранил Гектора камнем, брошенным из пращи, и поразил своей мощной рукой немало врагов у троянских кораблей и укреплений. И вот, когда по смерти Ахиллеса он вступил в спор с Одиссеем об обладании оружием Ахиллеса, то его присудили Одиссею. Несправедливое признание причинило Аяксу такую тяжелую обиду, что он, вне себя от горя, пронзил себя мечом. И вот из крови этого героя, говорит другое предание, и вырос гиацинт, в форме которого это предание видит две первые буквы имени Аякса — Аі, которые в то же время служили у греков междометием, выражавшим скорбь и ужас.

Вообще цветок этот у греков был, по-видимому, цветком горя, печали и смерти, и само сказание о смерти Гиацинта являлось лишь отголоском народных верований, народного поверья. Некоторым указанием этому может служить одно изречение дельфийского оракула, который, будучи спрошен во время свирепствовавших однажды голода и чумы в Афинах: что делать и чем помочь, приказал принести в жертву на гробнице циклопа Гереста пять дочерей пришельца Гиацинта.

С другой стороны, есть указания, что иногда он был и цветком радости: так, например, молодые гречанки убирали им свои волосы в день свадьбы своих подруг.

Ведя свое происхождение из Малой Азии, гиацинт пользовался любовью и у жителей Востока, особенно у персиан, где знаменитый поэт Фирдоуси то и дело сравнивает волосы персидских красавиц с закручивающимися отгибами цветка гиацинта и в одном из своих

стихотворений, например, говорит:

«Ее уста благоухали лучше, чем легкий ветерок,
А гиацинтоподобные волосы приятней,
Чем скифский мускус...»

Точно такие же сравнения делает и другой известный персидский поэт Хафиз; а про женщин острова Хиоса сложилась даже местная поговорка, что они завивают свои кудри так же хорошо, как гиацинт — свои лепестки.

Из Малой Азии гиацинт был перенесен в Европу, но прежде — в Турцию. Когда и как — неизвестно, раньше, он появился в Константинополе и вскоре так полюбился турецким женам, что сделался необходимой принадлежностью садов всех гаремов.

Старинная английская путешественница Дэллауэй (Dallaway), посетившая Константинополь в начале XVII, столетия, рассказывает, что в серале самого султана был устроен особый чудный сад, в котором кроме гиацинтов не допускалось никакого другого цветка. Цветы были посажены в продолговатых, обложенных изящными голландскими черепицами клумбах и своей прелестной окраской и дивным запахом очаровывали каждого посетителя. На поддержку этих садов тратились громадные деньги, и в эпоху цветения гиацинтов султан проводил в них все свободные свои часы, любуясь их красотой и упиваясь их сильным запахом, который восточным людям так нравится.

Кроме обыкновенных, так называемых голландских, гиацинтов в садах этих разводили еще и близкого их родственника — гроздеобразный гиацинт (*N. muscari*)¹, носящий по-турецки название «Муши-ру-ми» и обозначающий на восточном языке цветов «Ты получишь все, что я только могу тебе дать».

В Западную Европу гиацинт попал лишь во второй половине XVII столетия, и прежде всего в Вену, которая в то время имела наиболее близкие сношения с Востоком. Но здесь он возделывался и составлял достояние лишь немногих завзятых любителей садоводства. Всеобщим же достоянием он сделался лишь после того, как попал в Голландию, в Гаарлем.

Сюда он попал, как говорят, случайно на разбитом бурей у голландских берегов генуэзском судне.

Корабль вез куда-то разные товары, а вместе с ними и гиацинтовые луковицы. Ящики, в которых они находились, подбрасываемые волнами, разбились о скалы, и вывалившиеся из них луковицы вынесло на берег.

Здесь, найдя подходящий для себя грунт, луковицы укоренились, пустили ростки и зацвели. Наблюдательные же любители цветов тотчас же обратили на них внимание и, пораженные их необычайной красотой и чудным запахом, пересадили их к себе в огород.

Тут они начали их культивировать, скрещивать и получили таким образом те дивные сорта, которые составили неиссякаемый предмет удовольствия и как культура, и как источник громадных доходов, который обогащает их с тех пор целые столетия.

Это было в 1734 году, т. е. почти через сто лет после тюльпана, как раз в то время, когда охватившая горячка к разведению этого цветка стала немного остывать и чувствовалась потребность в каком-нибудь другом, который бы мог отвлечь от этой страсти и, если возможно, заменить собою тюльпан. Таким-то цветком как раз и явился гиацинт.

Изящный по форме, красивый по окраске, превосходящий тюльпан еще своим чудным запахом, он вскоре сделался любимцем всех голландцев, и на его разведение и выведение новых его разновидностей и сортов стали тратить не меньше денег, чем на тюльпан. Особенно же эта страсть стала разгораться, когда удалось случайно вывести махровый

гиацинт.

Получению этой интересной разновидности, как рассказывают, любители обязаны припадку подагры гаарлемского садовода Петра Ферельма. Известный этот садовод имел обыкновение срывать беспощадно с цветов всякий неправильно развившийся бутон, и такой участи подвергся бы, без сомнения, и безобразный бутон, появившийся на одном из особенно драгоценных видов гиацинта. К счастью, однако, Ферельм в это время заболел подагрой и, принужденный пролежать более недели в постели, не посещал своего сада. А тем временем бутон распустился и, к величайшему удивлению самого Ферельма и всех голландских садоводов, оказался никогда не виданною еще махровой формой гиацинта.

Такой случайности было достаточно, чтобы возбудить всеобщее любопытство и пробудить заглохшие было страсти. Смотреть на это чудо двинулись со всех концов Голландии, приезжали даже садоводы и из соседних стран; всем хотелось воочию убедиться в существовании такой невероятной формы и, если возможно, приобрести, чтобы иметь то, чего еще ни у кого не было.

Сорт этот Ферельм окрестил именем «Мария», но, к прискорбию, как этот экземпляр, так и следующие два махровых экземпляра у него погибли, и сохранился лишь четвертый, которому он дал название «Король Великобритании». От него-то и пошли все имеющиеся теперь махровые гиацинты, так что сорт этот считается в Голландии и поныне прародителем всех махровых гиацинтов.

Затем голландские садоводы стали обращать внимание на увеличение количества цветов в цветочной стрелке, на увеличение размеров самих цветов, на получение новой окраски...

Особенно же старания их были направлены на получение как можно более яркого желтого цвета, так как среди синих, малиновых и белых тонов, которыми отличались окраски этих цветов, цвет этот являлся большой редкостью.

Достижение триумфа в каком-нибудь из этих стремлений, получение каждого выдающегося сорта непременно сопровождалось празднеством. Счастливец-садовод приглашал к себе всех соседей окрестить новорожденного, и крестины сопровождались всегда богатой пирушкой, особенно, если новый сорт получал имя какого-нибудь знаменитого лица или царствующей особы.

Сколько могли стоить подобные новинки в это время — даже трудно и поверить, особенно, если принять во внимание сравнительно высокую в те времена ценность денег и дешевизну продовольственных продуктов. Заплатить 500 — 1.000 гульденов за луковицу нового сорта считалось даже очень обыкновенным, но бывали луковицы, как, например, ярко-желтый «Офир», за штуку которых платили 7.650 гульденов, или «Адмирал Лифкен», за который было заплачено 20.000 гульденов! И это тогда, когда воз сена стоил чуть не несколько копеек и на копейку в день можно было отлично прокормиться...

С тех пор прошло уже более двух столетий, и хотя голландские любители не платят теперь уже таких сумасшедших денег за новые сорта, гиацинт остается любимым их цветком. И до сих пор выдающиеся садоводческие фирмы устраивают ежегодно так называемые парадные поля, т. е. целые сады цветущих гиацинтов, расположенные в прикрытых сверху тентом помещениях. И массы народа стекаются туда, чтобы посмотреть и полюбоваться этими чудными цветами.

На такого рода выставках каждый садовод старается блеснуть совершенством своих культур, какой-нибудь оригинальной новинкой перед своими сотоварищами и интересующимися любителями и получить назначаемые большими садоводческими фирмами специальные премии.

Здесь, конечно, играет роль теперь уже не одно тщеславие, а и другая, более важная цель — коммерческая: зарекомендовать как перед голландской публикой, так и перед многочисленными иностранными клиентами превосходство своего товара и приобрести нового покупателя. И цель эта в большинстве случаев достигается. Благодаря такого рода выставкам многие незначительные фирмы выдвинулись вперед и сделались теперь первоклассными. Благодаря им с каждым годом все увеличивается и увеличивается и количество новых сортов. От бывших некогда 40 сортов число их в настоящее время возросло до 2.000, и не проходит года, чтобы не прибавилось еще несколько новых.

Из Голландии культура гиацинтов перешла прежде всего в Германию (Пруссию), а затем уже и во Францию. В Пруссии она начала главным развиваться вскоре после переселения из Франции изгнанных Нантским эдиктом гугенотов, которые вообще перенесли в Германию, и особенно в Берлин, вкус к красиво цветущим растениям, красивой обрезке деревьев и красивой планировке садов.

Но особой славы она достигла лишь во второй половине XVIII века, когда Давид Буше (потомок гугенотов) устроил в Берлине первую выставку гиацинтов. Выставленные им цветы так поразили своей красотой и пленили чудным запахом всех берлинских любителей цветоводства и вообще берлинскую публику, что многие занялись их культивированием с не меньшим рвением, чем в былые времена голландцы. Ими увлекались даже такие серьезные люди, как придворные капелланы Рейнгард и Шредер, которые с этого времени не только культивировали в огромном количестве эти цветы почти до самой своей смерти, но и вывели множество их разновидностей.

Несколько лет спустя возникла в Берлине, на Комендантской улице, возле гиацинтовых культур этого Буше даже особая, основанная его родственником, Петром Буше, знаменитая берлинская кофейня, куда собиралась вся знать и все богачи Берлина, чтобы попить кофе и полюбоваться гиацинтами. Посещение это вошло в такую моду, что у Буше неоднократно бывал и любовался его цветами сам король Фридрих-Вильгельм III.

Такое увлечение берлинской публики гиацинтами не замедлило породить массу конкурентов Буше среди других садоводов, и в 1830 году близ Шлезвигских ворот гиацинтовыми культурами покрылись целые поля. Достаточно сказать, что на них рассаживали ежегодно до 5.000.000 гиацинтовых луковиц.

Чтобы посмотреть эти цветущие поля гиацинтов, ежегодно в мае стекалось туда все население Берлина: и конные и пешие, и богатые и бедные. Это было что-то вроде мании, какое-то паломничество. Тысячи людей часами стояли вокруг этих полей и упивались красотой цветов и чудным их запахом. Не побывать на гиацинтовых полях и не увидеть их считалось непростительным... При этом за ближайшее рассмотрение цветов садоводы взимали немалую входную плату, а также немало выручали денег и за продажу букетов из срезанных гиацинтов, приобрести которые каждый мало-мальски зажиточный человек считал для себя обязательным.

Но все на свете преходяще. И столь славившиеся в начале сороковых годов эти гиацинтовые выставки и поля начали мало-помалу надоедать, все менее и менее привлекать публику и десять лет спустя совсем прекратились. Теперь от этих громадных полей остались одни лишь воспоминания (их площадь вся изрезана железною дорогою), и хотя на южной стороне Берлина кое-где и продолжают еще культивировать гиацинты, но о прежних миллионах луковиц и помину нет. В настоящее время самое большое, если под этими культурами занято несколько десятин, которые дают доход от 75 тысяч до 100.000 рублей.

Во Франции гиацинты были также очень любимы, но далеко не производили такого фурора, как в Голландии и Пруссии. Здесь они обратили на себя особое внимание, лишь когда ученые начали культивировать их в сосудах с водой без всякой примеси земли и когда в 1787 году

маркиз Гонфлие на публичном заседании французского Общества земледелия ознакомил парижан с оригинальным опытом культуры гиацинта в воде — стеблем в воду, а корнями кверху. Вид такого гиацинта, распускающего свои прекрасные цветы в воде, поразил всех.

Известие об этом новом способе культуры не замедлило распространиться по всему Парижу, а затем и по всей Франции, и каждый хотел сам повторить этот опыт. Особенно же удивляло всех, что при таком развитии в воде листья вполне сохраняли свою величину, форму и окраску, а цветы хотя и получались несколько более бледными, но все-таки были вполне развиты.

С этих пор культура гиацинтов во Франции начала все более и более входить в моду. Особенно же славилась культура маленьких ранних гиацинтов, получивших название римских (Romaine).

Но прелестный этот цветок имел во Франции одно время очень печальное применение: им пользовались для одурения, доходившего до отравления, тех лиц, от которых почему-либо желали избавиться. Особенно это практиковалось с женщинами, и притом главным образом в XVIII столетии.

Обыкновенно предназначавшиеся для этих целей букет или корзина гиацинтов опрыскивались чем-нибудь таким ядовитым, что могло быть замаскировано сильным запахом этих цветов, или же цветы ставились в таком количестве в спальню или будуар, что сильный запах их производил у людей нервных страшное головокружение и причинял даже смерть.

Насколько последнее верно — трудно поручиться, но в мемуарах жившего во времена Наполеона I при французском дворе г-на Сам приводится случай, когда одна вышедшая по расчету за богатого человека аристократка уморила его, убирая ежедневно спальню массой цветущих гиацинтов. Подобный же случай приводится Фрейлигратом в его поэме «Месть цветов». Да и вообще, надо заметить, немало есть людей, которые не выносят одуряющего запаха этого цветка, чувствуют дурноту и даже падают в обморок.

Из новейших писателей мы встречаем гиацинт еще и у Эдгара По в его рассказе «Поместье Арнгейм», где он описывает целые поля цветущих гиацинтов.

1 Очевидно, имеется в виду мускари, или мышиный гиацинт, в частности, м. кистевидный.

Цветок Юпитера и Валентинова дня — анютины глазки

Валентинов день

Забавный случай

Откуда взялось русское название этого цветка — достоверно не известно. Правда, некоторые красивые сорта его действительно несколько походят как бы на глаз, но это большею частью уже крупные, усовершенствованные культурой сорта, тогда как интересующее нас растение — тот простой, скромный цветочек, который растет на пашнях, а иногда и около домов, на огородной земле в деревне.

Немцы его называют мачехой (Stiefmuetterchen), объясняя это название следующим образом.

Нижний, самый крупный, самый красиво испещренный лепесток представляет собой расфранченную мачеху, два находящихся повыше, не менее красиво окрашенные лепестка — ее родных дочерей, а два самых верхних беленьких, как бы полинявших, с лиловатым оттенком лепестка — ее бедно одетых падчериц. Предание говорит, что прежде мачеха находилась наверху, а бедные падчерицы внизу, но Господь сжалился над бедными забитыми и брошенными девочками и повернул цветок, причем злой мачехе дал шпорец, а ее дочерям — ненавистные им усики.

По мнению других, анютины глазки изображают лицо, что и действительно, если хотите, верно, сердитой мачехи.

В самом деле, есть цветки, рожицы которых выглядят как-то зло, так что, пожалуй, можно принять их, согласно сказке, за лицо какой-то злой женщины.

Третьи же, видя в них также лицо, не видят в его выражении ничего злого, а просто только любопытство и рассказывают, что оно принадлежит одной женщине, которая, будто, была превращена в этот цветок за то, что из любопытства заглядывала туда, куда ей было запрещено.

Как бы в подтверждение этого рассказывается еще такая легенда об их появлении на земле.

Однажды, говорит легенда, Венера вздумала купаться в одном отдаленном гроте, куда не мог проникнуть ни один глаз человеческий, и купалась долгое время.

Но вдруг слышит шорох и видит, что несколько смертных смотрят на нее...

Тогда, придя в неописуемый гнев, она взывает к Зевсу и умоляет наказать дерзновенных.

Зевс внимлет ее мольбе и хочет покарать их смертью, но потом смягчается и превращает их в анютины глазки, роспись которых выражает послужившее им гибелью любопытство и удивление.

Греки называли этот цветок цветком Юпитера, и о происхождении его существовала у них такая легенда.

Однажды Громовержец, соскучившись сидеть на своем троне из облаков, задумал разнообразия ради спуститься на землю. Чтобы не быть узнанным, он принял вид пастушка и взял с собою прелестную белую овечку, которую вел на веревочке. Дойдя до Аргивских полей, он увидел массу стремившегося в храм Юноны народа и машинально последовал за ним. Тут как раз совершала жертвоприношение знаменитая в Греции красавица Ио, дочь царя Иноха. Обвороженный ее необычайной красотой Юпитер забыл о своем божественном происхождении и, положив к ее ногам приведенную им с собой прелестную белую овечку, открылся ей в любви своей.

Гордая, неприступная, отказавшая домогательствам всех земных царей Ио не могла противостоять чарам Громовержца и увлеклась им. Влюбленные видались обыкновенно только в ночной тиши и под строжайшим секретом, но ревнивая Юнона разузнала скоро об этой связи, и Юпитер, чтобы спасти бедную Ио от гнева своей супруги, принужден был превратить ее в чудную белоснежную корову.

Но это укрывшее от гнева и злобы Юноны превращение Ио сделалось для нее величайшим несчастьем. Узнав о таком ужасном превращении, она начала горько рыдать, и жалобные вопли ее раздавались, как коровий рев. Она хотела поднять руки к небу, чтобы упросить бессмертных возвратить ей прежний образ, но превратившиеся в ноги руки не слушались ее. Печально бродила она среди своих сестер, и никто не узнавал ее. Правда, отец ласкал ее по временам как прекрасное животное и давал ей сочных листьев, которые срывал с

ближайшего куста, но напрасно лизала она ему с благодарностью руки, напрасно пролиwała слезы — он также не узнавал ее.

Тогда ей пришла на ум счастливая мысль: она задумала о своем несчастье написать. И вот однажды, когда отец кормил ее, она начала ногами вычерчивать на песке буквы. Эти странные движения обратили на себя его внимание, он начал всматриваться в написанное на песке и, к ужасу своему, узнал несчастную участь своей дорогой красавицы-дочери, которую он считал давно погибшей.

«О, я несчастный! — воскликнул он, цепляясь за ее шею и обнимая ее морду. — Вот в каком ужасном виде я нахожу тебя, дорогое, бесценное дитя мое, тебя, которую я так долго и тщетно везде искал. Ища тебя напрасно всюду, я тяжело страдал, но найдя, — в десять раз больше. Бедное, бедное дитя, ты даже не можешь промолвить мне хоть одно слово в утешение, вместо слов у тебя вырываются из наболевшей души только дикие звуки!»

Несчастные дочь и отец были неутешны. И вот тогда-то, чтобы хотя несколько смягчить ужасную участь Ио, земля по приказанию Юпитера вырастила как приятный, лакомый для нее корм наш цветок, который вследствие этого и получил у греков название цветка Юпитера и символически изображал краснеющую и бледнеющую девичью стыдливость.

У римлян об анютиных глазках мы никаких сведений не встречаем, но в средние века они начинают играть роль в христианском мире и получают название цветка св. Троицы.

По словам Клузиуса¹, средневековые христиане видели в темном, находящемся посредине цветка пятне треугольник и сравнивали его со всевидящим оком, а в окружающих его разводах — идущее от него сияние. Треугольник изображал, по их мнению, три лица св. Троицы, берущие свое начало из всевидящего ока — Бога Отца.

Вообще цветок этот в средние века был окружен таинственностью, и в одном из монастырей траппистов² можно было видеть на стене громадное изображение его с мертвой головой в центре и надписью: «memento mori» (помни о смерти). Быть может, белые анютины глазки потому и считают в Северной Франции символом смерти, никогда никому не дарят и не делают из них букетов.

С другой стороны, они служили влюбленным символом верности, и было в обычае дарить друг другу свои портреты, помещенные в увеличенном изображении этого цветка.

Таким же значением пользуется он и в наше время в Польше, где его зовут «братки» и дают на память лишь в знак очень большого расположения. Как говорят, такой цветок молодая девушка дает там на память только своему жениху.

Анютиным глазкам с древних времен приписывается еще свойство привораживать любовь.

Для этого лицу, которое хотели приворожить, надо было только во время сна брызнуть на веки сока этих цветков и затем придти встать перед ним как раз в то время, как он проснется.

Современные же французские крестьянские девушки, чтобы привлечь к себе чью-либо любовь и узнать, где живет их суженый, вертят цветок за цветоножку, приговаривая: «Думай хорошенько: в той стороне, где ты остановишься — будет и мой суженый».

С XVI столетия анютины глазки получают всеобщее название pens³e — мысль, дума, но откуда оно взялось и по какому поводу было дано — неизвестно. Известно только, что впервые оно появилось в Брабанте. Есть предположение, что оно персидского происхождения, так как будто нигде на свете этот цветок не пользовался такой любовью, как в Персии, где для него существует даже гораздо более ласкательных имен, чем для обожаемой там всеми розы.

Немецкий же ботаник Штерне предполагает, что оно происходит оттого, что семенная коробочка того цветка походит несколько на череп — место помещения мозга и мысли.

Цветы эти посылаются в Англии влюбленными в Валентинов день (14-го февраля), когда все чувства, скрываемые целый год, получают право вылиться на бумаге, и рассылаются по адресу тех лиц, которым предназначаются.

В этот день, как говорят, пишется здесь более писем с объяснениями в любви, чем на всем земном шаре.

Теперь, прикрываясь анонимом как маской, даже девушки решаются открыть свое сердце, свои помышления тому, кого любили до сих пор только втайне, а молодые люди ждут этого дня, чтобы предложить руку и сердце своим избранницам.

Иногда посылается просто засушенный цветок с именем. Этого уже достаточно — все понятно.

Вот почему кроме названия pansy, соответствующего французскому слову pens^е, его называют в Англии еще «Hearts ease» — «сердечным успокоением», «сердечной радостью», так как действительно, выражая без слов желание и мысль того, кто его посылает, он служит успокоителем его чувств.

Французское название этого цветка дало также повод Людовику XV при возведении в дворянское достоинство столь прославленного в его время экономиста и врача Кене поместить ему в герб три pens^е с надписью: «глубокому мыслителю».

Однако все, что мы до сих пор говорили, касается не тех бархатистых чудных Анютиных глазок, которые мы встречаем в наших садах, а скромных желтеньких и лиловых диких их предков.

Первая попытка сделать их садовыми цветами относится ко времени знаменитого сотоварища Меланхтона — Камерария, жившего в начале XVI столетия. В это время стал разводить их из семян в своих садах принц Вильгельм Гессен-Кассельский. Он первый дал полное описание этого цветка. В XVII же веке стал заниматься им Вандергрэн, садовник принца Оранского, и вывел пять сортов.

Но первым существенным своим усовершенствованием цветок этот обязан леди Мери Бенет, дочери графа Танкервилля, в Вальтоне, в Англии, которая, сделав его своим любимцем, засадила им весь сад и всю террасу своего замка. Вследствие этого ее садовник Рихард, желая доставить ей удовольствие, начал собирать семена наиболее крупных и красивых экземпляров и высевать их, а насекомые, перелетая с одного цветка на другой и опыляя их, способствовали образованию новых разновидностей. Таким образом получились вскоре те чудные сорта, которые обратили на себя всеобщее внимание и сделали анютины глазки одним из самых любимых цветов.

Это было в 1819 году, а в 30-е годы XIX столетия, то есть лет через пятнадцать, стали обыкновенные анютины глазки скрещивать частью с европейской крупноцветной желтой фиалкой (*Viola lutea*), а частью с алтайской и получили таким образом массу (Дарвин в 1830 году насчитывал их уже более 400) разновидностей, среди них уже и те бархатистые, атласистые цветы, которые составляют украшение наших садов.

За последнее время особенно красивые цветы были выведены в Англии: совершенно черные, носящие название Фауста, светло-голубые — Маргариты и винно-красные — Мефистофеля. Теперь все внимание садоводов обращено на получение махровых и сильно-пахучих цветов, так как единственно, чего не достает этому прелестному цветку — это запаха.

В Америке же, в городе Портленде штата Орегон, садоводы стараются увеличить размер цветка и выводят уже, как говорят, цветы в 4—5 дюймов³ в диаметре.

Но этот размер садоводам кажется еще недостаточным: они хотят придать им величину подсолнуха.

Такому исполинскому росту, по-видимому, способствует во многом и климат, и самая почва Орегона, где вообще эти цветы растут так успешно, как нигде.

Почти все крупные цветы — красного колера, тогда как желтые и белые никогда не достигают большой величины.

На предполагавшейся некоторое время тому назад выставке садоводства в Портленде местные садоводы думали на одной клумбе выставить 25.000 таких исполинских глазков: удалось ли им это — не знаю.

В заключение расскажем один забавный случай, происшедший в 1815 году в небольшом провинциальном городке Франции, поводом к которому послужил наш скромный цветочек.

Священник этого городка, и в то же время школьный учитель, вздумал однажды задать ученикам своим сочинение на тему «*Viola tricolor*» (трехцветная фиалка), так зовут на научном языке анютины глазки, и в пояснение прибавил в виде эпитафии строку из латинского стихотворения средневекового французского поэта: «*Flosque lovis varius foliis tricoloris et ipse pater violae*» («Разновидность цветка Юпитера с трехцветными лепестками и сам равный фиалке»).

Узнав об этом, мало смысливший по латыни и желавший подслужиться новому правительству (это было как раз при воцарении Людовика XVIII) городской голова этого города заподозрил в этих словах государственную измену и немедленно потребовал к себе учителя.

Испуганный, недоумевающий, бедный педагог поспешил к нему явиться и, к изумлению своему, услышал следующее странное истолкование своего эпитафии.

По мнению городского головы, слова «*Flos lovis*» (цветок Юпитера) обозначали не что иное, как цветок изгнанного в то время Наполеона I; слова «*foliis tricoloris*» (трехцветными лепестками) обозначали трехцветную республиканскую кокарду, а слова «*ipse pater violae*» — игру слов, обозначающую «*le père la Violette*» (отец фиалки) — название, которое, как мы видели, давали Наполеону I его приверженцы.

Допрос производился очень строго, длился долго, и учителю стоило немало труда, чтобы оправдаться...

В качестве чая сушеные анютины глазки с успехом употребляются в Германии против некоторых сыпных болезней детей. Это объясняется тем, что они содержат в себе значительную дозу (около 1,5%) салициловой кислоты, прекрасно очищающей кровь⁴.

1 Клузиус — латинизированная форма написания имени знаменитого фламандского ботаника (1526 — 1609) Шарля де Л.Эклюза (иногда пишется Делекюз).² Трапписты — католический монашеский орден, основанный в XII веке, отличавшийся исключительно строгим уставом.³ Дюйм — 23 мм.⁴ Виола триколор (фиалка трехцветная) как лекарственное растение была известна еще с древности. Трава входит в состав чая от золотухи, применяют ее также при кожных сыпях и экземе. Широкое применение находит и в народной медицине. Ее отвар считают кровоочистительным, мочегонным и потогонным средством («Лекарственные растения», М., «Высшая школа», 1975).

Царица вод и цветок русалок — кувшинка

Коварный цветок

Русалки

Похищение болотным царем красавицы Мелинды

Лебединый цветок

Одолень-трава

«Камыши берега облепили, Отражаясь в зеркальном пруде; Белоснежные чашечки лилий Распустились в прозрачной воде...»

Раннее утро. На озере не шелохнет ветерком. Водная поверхность — как зеркало, и среди этого зеркала выглядывают там и сям, как головки русалок, чудные белые лилии-кувшинки с их красивыми бутонами, круглыми, в виде щитков, покрытыми как бы воском плавающими листьями...

И воображение наше невольно переносится на дальний северо-запад, в Эльсинор, в замок Кроненборг, с его дивным, светлым, как кристалл, поросшим водяными лилиями озером. Безумная Офелия в венке из кувшинок и с пучками их в руках медленно с пением спускается в озеро. Все ниже и ниже сходит она, все глубже и глубже погружается в воду и, наконец, тихо увлекаемая течением, уносится вдаль.... За ней плывут выпавшие из ее рук кувшинки, плывут оторвавшиеся от берега травы, и издалека тихо, как бы замирая, доносятся заключительные строфы ее грустной песни:

«Занялась уже денница, Валентинов день настал, Под окном стоит девица — Спит ли милый или встал?...»

Очаровательный цветок этот всегда пользовался любовью и покровительством молодежи. В Древней Греции он считался символом красоты и красноречия. Молодые девушки плели из него гирлянды и украшали ими свои головы и свои туники. По словам Феокрита, молодые гречанки сплели венок из кувшинок и для прекрасной Елены в день ее свадьбы с царем Менелаем и украсили им вход в их брачную комнату.

Точно так же любили его и в Древнем Риме, и на фреске одного из недавно раскопанных в Помпее храмов можно и теперь видеть цветы кувшинок, украшающие крылатых божков и гениев.

Дивная водяная лилия эта, как сообщает одно греческое сказание, возникла из тела прелестной нимфы, погибшей от любви и ревности к остававшемуся холодным к ней Геркулесу. От нее-то она получила и свое научное название нимфеи (Nymphaea).

Как отголосок, вероятно, этого сказания в древнегерманских сказках рассказывается о том, что в прудах и озерах среди этих цветов и тростников живут постоянно нимфы-никсы. Верхняя часть тела этих водяных красавиц представляет собой прекрасно сложенных красивых женщин с всегда улыбающимся приветливым лицом, а нижняя часть — безобразный рыбий хвост. Они увлекают людей в воду и тащат их на дно, во влажную преждевременную могилу.

Но с другой стороны, прелестный этот цветок и сам по своему свойству имеет немало

сходства с этими водяными девами. Он так же привлекает всех своей красотой и так же губит тех, кто им увлекается. Не раз бывали случаи, когда желавшие нарвать прелестных кувшинок тонули, заплыв слишком далеко в окружающую обыкновенно эти цветы глубину, или задыхались под водой, запутавшись в их длинных подводных стеблях. Особенно опасны они для детей, становящихся нередко жертвой своего желания во что бы то ни стало добыть их.

В Шварцвальде в Германии существует даже большое красивое озеро, носящее название Муммельзе, от старинного немецкого слова «die Mummel» — нимфа, которыми оно, будто, во множестве заселено.

Народное поверье говорит, что эти нимфы укрываются здесь в цветах и на листьях кувшинок вместе с крошечными эльфами, для которых цветы эти служат как бы лодочками или корабликами. В полночь нимфы начинают водить хоровод и, кружась в вихре, увлекают за собой проходящих мимо озера людей. Особенно оживлены и веселы бывают эти хороводы в светлые лунные ночи. И горе тому смельчаку, который вздумал бы сорвать растущие на озере лилии. Стережущие их нимфы схватывают его и увлекают с собой в глубину, в свое подводное царство; а если бы ему и удалось как-нибудь от них убежать, то горе его иссушит. Поверье это очень поэтично рассказано немецким поэтом Шрейбером в его стихотворении: «Русалочье озеро»:

«Высоко на поросшей елями горе лежит черное озеро, и на озере этом плавает белая как снег лилия. Однажды приходит на это озеро пастушок с ореховой веткой в руках и говорит: «Чудную лилию эту хочу я во что бы то ни стало себе добыть». Он притягивает ее уже благополучно к поросшему осокою берегу, как вдруг из воды появляется белая рука. Она погружает лилию в глубину, в подводное царство, и говорит: «Пойдем со мной, милый, я раскрою тебе много великих тайн. На дне вросла глубоко корнями лилия, которая тебе так нравится, я сорву ее тебе, если ты мне сдашься». Тогда юношу охватывает ужас. Он бежит от озера, но никак не может прогнать от себя мысли о белой как снег лилии. И блуждает с тех пор он по горам с пожирающим его душу горем, и никто не может сказать, куда он девался».

В славянской мифологии все эти муммель, нимфы и никсы заменяются русалками, которые, появляясь иногда и в германских сказаниях, играют там, как это мы увидим далее, обыкновенно уже второстепенные роли и являются как бы подчиненными никс — их рабынями.

О наших русалках известный собиратель малороссийских сказаний Маркевич так говорит: «Русалки — это водяные красавицы; они бледны, но черты их выразительны, стан — волшебный, коса — ниже колен. Ночью при луне они выходят на берег озер, рек и ручьев нагие, в венках из осоки и древесных ветвей.

«Черны косы, рассыпаясь, С обнаженных плеч бегут, По волнам перегибаясь, Вслед за девами плывут. Грудь высокая колыхнется Сладострастно между вод — Перед ней волна утишится И задумчиво пройдет...»

Выйдя на берег, русалки садятся на траву, расчесывают свои косы или ведут хороводы. Иногда они скрываются в кустах, в траве. Все чаще их вызывает на землю заря. На заре, когда крестьянские девушки идут на реку за водой, русалки, притаясь, их ждут. Беда неосторожной, которая забыла взять с собой полыни, служащей против них предохранительным талисманом. Русалки бросаются к девушке, щекочут до смерти и увлекают ее с собой в реку. То же самое постигает и парня, не запасшегося полынью или увлекшегося красотой русалки».

Русалки живут в подводных хрустальных чертогах, построенных из раковин, где блещут жемчуга, яхонты, серебро и кораллы. По дну их, усеянному разноцветными камешками, катятся изумрудные ручьи или падают водопады на самые чертоги. Солнце просвечивает

сквозь воду в эти жилища, а месяц и звезды вызывают русалок на берег.

Русалки эти превращаются иногда в наши водяные лилии-кувшинки. Послушаем старогерманскую легенду, рассказанную Балабановой в ее статье «Тюрингия в картинах»:

«Одним из красивейших ландшафтов знаменитого Тюрингенского леса в Германии, как известно, считается Шварцвальд, где на громадной скале высится замок Шварцбург. Замок этот был восстановлен в XVIII столетии, так как старый сгорел до основания. Предание рассказывает, что в старом пруду этого замка жила-была несколько сот лет тому назад одна злая нимфа-никса, у которой в услужении находились две прелестные молодые русалки.

Часто русалки приходили смотреть на празднества в замке, и тут обратили на них внимание два рыцаря. Вскоре полюбили русалки этих рыцарей и готовы были покинуть воды и следовать за ними. Но старая никса заподозрила русалок в сношениях с жителями замка и решила подкараулить их. С помощью волшебства она перевела все часы замка, а русалки могли выходить из воды только от заката солнца до полуночи. В полночь же должны были быть всегда в пруду.

Весело беседовали наши молодые русалки в рыцарской зале, не предчувствуя близкой беды. На больших часах замка пробило одиннадцать, до полуночи оставался еще целый час, а между тем на церковных часах Шварцбурга пробило уже двенадцать — полночь возвестил и сторож.

Бросились бежать бедные русалки к пруду. Побежали за ними и рыцари, но не успели спасти их. Когда они добежали до пруда, то на том месте, где за минуту перед тем мелькали белые платья русалок — поднимались из воды две белые кувшинки: злая никса превратила русалок в эти цветы.

Долго цвели эти кувшинки, долго оплакивали рыцари своих дорогих возлюбленных, но к осени завяли цветы, а рыцари ушли в Святую Землю и не вернулись...

Пруд с той поры стал сохнуть, и вскоре не хватило в нем воды даже для злой никсы — пришлось ей задохнуться в том пруду. Теперь пруд этот стоит совершенно сухой, не наполняясь водой даже и в осеннее ненастье и весеннее половодье...»

По другому красивому итальянскому сказанию, сообщенному Амфитеатровым, это дети увлеченной в тину болотным царем итальянской красавицы графини Мелинды.

Живущий в болотах Мареммы болотный царь был так уродлив, что никто не хотел выйти за него замуж — ни из земных девушек, ни из волшебных фей.

Черный, грязный, слепленный из болотной глины, весь опутанный водорослями, он представлял собой отвратительное чудовище.

Глаза его чуть-чуть светились, как гнилушки. Вместо ушей у него висели пустые раковины слизняков, а вместо ног были лягушечьи лапы.

И вот это-то чудовище задумало добыть себе жену. Но как это сделать? Как найти такую девушку, да притом еще красивую, как ему хотелось, которая бы на это согласилась?

Думал, думал и решил добыть ее хитростью.

Прослышав, что на границе его болот живет красавица, золотоволосая Мелинда, дочь одной графини, он решил завлечь ее к себе и завладеть ею насильно.

Нужно было только ждать случая, и случай этот скоро представился.

Одна из служанок молодой графини, отправившаяся на болото, заметила вдруг невиданные ею дотоле чудные желтые кубышки¹ и прибежала ей об этом сообщить.

Мелинда, очень любившая цветы, решила пойти их посмотреть, спустилась с горы, где находился их замок, к самой трясине и была действительно так поражена не виданными ею никогда желтоватыми кубышками, что ей захотелось их достать.

Но цветы росли как раз в болотце, на середине трясины, и Мелинда никак не могла дотянуться до них рукой.

В отчаянии ходила она по берегу и думала, как бы ей до них добраться. И в это время заметила лежащий на берегу загнивший, совсем черный пень и решила на него перебраться.

Прыгнув, как коза, она ступила на него ногою и потянулась уже к цветку, чтобы его сорвать, как вдруг этот пень ожил, схватил ее в свои объятия и потащил на дно.

Оказалось, что этот пень был не что иное, как неподвижно лежавший сам болотный царь.

Служанка, видя гибель своей госпожи, растерялась и поспешила донести об этом несчастье старой графине.

Графиня поспешила на болото, но что она могла сделать, не зная даже места, где ее дочь засосала тина?!

Убитая горем, она ходила ежедневно на берег этого проклятого болота и проливала горькие слезы, ожидая, что, может быть, кто или что-нибудь поможет.

Вдруг как-то осенью, перед отлетом птиц на юг, подошел к ней аист и, к величайшему ее удивлению, сказал человеческим голосом:

— Не убивайся, графиня. Дочь твоя жива. Ее похитил болотный царь — властитель этой мареммы. Если хочешь получить о ней известие, отправься к колдуну, который живет здесь, на маремме. Он знает все и сообщит тебе.

Графиня послушалась, разузнала подробно, где этот колдун живет, и, захватив с собой кучу золота, отправилась к нему и просила его помочь.

Колдун, получив золото, подумал и сказал: «Хорошо, зови твою дочь девять утренних и девять вечерних зорь и по девять раз на том месте, где она утонула. Если она еще не сделалась женой болотного царя, он должен будет ее отпустить».

И вот графиня девять утренних и вечерних зорь звала ее, и когда дошла наконец до последней зари, вдруг услышала выходящий из болота голос:

— Поздно зовешь меня, мама. Я уже жена царя болотного и осуждена оставаться рабой его навсегда. Говорю с тобой в последний раз. Скоро зима, и мы с мужем задремлем на тинистом ложе до следующей весны. Летом же я дам тебе знать, что я жива и о тебе помню.

Прошла зима, прошла весна, наступило лето.

С болью в сердце отправилась графиня на проклятое болото: не увидит ли обещанную ей дочь весточку.

Стояла, стояла, смотрела, смотрела и вдруг заметила на поверхности воды, среди чистого болотца, поднявшийся на длинном стебельке дивный белый цветочек — кувшинку.

Разглядывая его чудные блестящие, как атлас, лепестки, слегка зарумяненные, как лучом

розовой зари, бедная графиня узнала цвет лица своей дочери, а многочисленные наполнявшие его середину тычинки были золотисты, как волосы Мелинды.

И поняла графиня, что перед ней ее внучка — дитя союза Мелинды с болотным царем. И с тех пор в продолжение многих лет каждый год покрывала Мелинда трясины целым ковром белых кувшинок, извещая, что она жива и вечно юная и прекрасная царит над болотом.

И каждый год, каждый день, когда только могла, старая графиня до самой своей смерти ходила на болото, любовалась цветами — своими внучками и утешала себя мыслью, что если и нет ее дочери более на этом свете, то в глубине вод своего болотного царства она все-таки жива и здорова...

Но прелесть кувшинки действует чарующе не на одних только европейцев: о ней сложилось немало сказаний и у народов других частей света.

Особенно поэтично сказание о ней североамериканских индейцев, которые утверждают, что водяная лилия образовалась из искр, упавших с полярной и вечерней звезд в то время, когда они столкнулись, споря между собой из-за обладания стрелой, которую в минуту смерти пустил в небо один великий индейский вождь.

Кувшинка, или русалочий цветок, как ее также часто прежде называли, была с незапамятных времен предметом поклонения и даже обожания у северо-западных германцев, а особенно у фризов и зеландцев. Они называли ее лебединым цветком и так высоко чтили, что, поместив 7 таких цветков в своем гербе, считали себя под этим знаменем непобедимыми. В песне гудрунов, в том месте, где описывается синее знамя короля Гервига фон-Зеевена, говорится, что на нем развеваются лебединые цветы. Эти цветы сохранились и до сих пор на фризском знамени и в гербе провинции Гронинген. Растение называется фризами еще «Ротре», а цветы ее — морскими листьями (Seebletter).

В средние века белый цветок кувшинки считали еще символом непорочности, и потому семена его рекомендовались как средство, умеряющее страсти. Вследствие чего они имелись в это время почти во всех монастырях и их предписывали давать монахам и монахиням. Особенно много употребляли их удалившиеся от мира отшельники, желавшие этим умертвить свою плоть. По новейшим исследованиям, однако, приписывание семенам этого свойства оказалось неверным.

Семенами этими пользовались также певцы для укрепления и усиления своего голоса. Кроме того, считалось, что средство это помогает от судорог и головокружения, а корневище растения — при отсутствии аппетита. Лечение производилось не столько приемами внутрь, сколько подвешиванием у кровати больного. При этом для приготовления лекарств рекомендовалось обходиться с растениями с особенными предосторожностями: срывать его только к ночи, сушить в тени на северной стороне и непременно в висячем положении, так как иначе лекарственное начало не перейдет в тело больного и не будет в состоянии изгнать из него болезнь.

Да и вообще, собирая цветы кувшинки с лечебной целью, надо было поступать совсем иначе, чем с другими цветами: рвать в известные лишь часы, заткнув уши и обратившись к ним предварительно с ласковыми словами. Переговорив таким образом, следовало внезапно протянуть руку и сорвать цветок. Отрезать же ножницами, ножом или вообще чем острым было строжайше запрещено, иначе стебель начнет истекать кровью и отрезавший будет преследоваться тяжелыми снами или даже будет втянут в воду возмущенными таким поступком водяными духами.

Цветы белых кувшинок не следовало никогда приносить в дом, так как это грозило гибелью всего домашнего скота.

Мистическим и лечебным значением пользовалась кувшинка и у наших предков-славян, а в Закаспийской области — даже и до наших дней. В этом значении она носила и носит название «одоленя». Название это, по словам Афанасьева³, произошло от слова «одолевать», и притом в значении: одолевать нечистую силу и недуги. «Кто найдет одолень-траву, — говорится в одном народном травнике, — тот вельми талант себе обрящет».

Отваром одоленья предки наши лечили зубную боль и отравы, и сверх того отвар этот считался и у них любовным напитком, способным пробуждать нежные чувства в сердце жестоких красавиц; а с корневищем пастухи обходили поле, чтобы ни одна скотина не пропала.

Ему же славяне приписывали важное предохранительное значение во время путешествий. Всякий, кто отправлялся на чужбину (особенно торговый человек), должен был, по словам того же Афанасьева, запастись этой травой, так как о ней говорилось: «где ни пойдет — много добра обрящет». И вот, отправляясь в дальний путь, осторожные люди ограждали себя следующим заклятием:

«Еду я во чистом поле, а во чистом поле растет одолень-трава.

Одолень-трава! Не я тебя поливал, не я тебя породил; породила тебя мать — сыра земля, поливали тебя девки простоволосые, бабы-самокрутки.

Одолень-трава! Одолей ты злых людей; лихо бы на нас не думали, скверного не мыслили, отгони ты чародея, ябедника.

Одолень-трава! Одолей мне горы высокие, доли низкие, озера синие, берега крутые, леса темные, пеньки и колоды!.. Спрячу я тебя, одолень-трава, у ретивого сердца во всем пути и во всей дороженьке».

Такое же почтение питали к этому растению и древние сербы. У них такая песня о нем сложилась:

«Если б знала баба, Что такое одолень-трава, Вшивала бы в поясИ носила б на себе».

1 Растение из того же сем. нимфейных, близкородственное кувшинке. 2 Фризы — народность в Нидерландах и Германии. 3 Афанасьев А.Н. (1826 —1871), русский историк и литературовед, исследователь фольклора, автор сборников русских народных сказок и легенд а также трехтомного труда «Поэтические воззрения славян на природу» (1866 —1889).

Любимец египетской молодежи, цветок Озириса и Будды — лотос

Лотос и плодородие Нила

Гигантские надписи

Спор богов о красоте лотоса

Дивные его свойства

В близком родстве с нашей кувшинкой состоит и знаменитый египетский лотос (*Nymphaea lotus*). Цветы его тоже белые, только несколько крупнее; а главным его отличием служат листья, которые имеют не округленные края, а зазубренные.

Древние египтяне, заметив, что цветок этот всплывал на воду и распускался при заходе солнца, а закрывался и погружался в нее при восходе, предположили, что явление это имеет какую-то таинственную связь с движением небесных светил.

И действительно, если мы взглянем на лотос даже в теплице, то днем большею частью он погружен в сон, а во всей красе разворачивается лишь к ночи. Гейне говорит о нем:

«Опустясь головкой сонной
Под огнем дневных лучей,
Ждет мерцающих ночей,
И лишь только выплывает
В небо красная луна,
Он головку поднимает,
Пробуждаясь от сна.
На листьях душистых
Блещет чистых слез его роса,
И любовно он трепещет,
Грустно глядя в небеса...»

Впрочем, мнение, что цветы лотоса цветут только ночью, не совсем верно, так как они нередко распускаются вечером и остаются открытыми до позднего утра. Так, в июне он раскрывает свои цветы в 8 часов вечера и закрывает лишь в 10 утра, а затем, по мере уменьшения продолжительности дня, раскрывает их даже гораздо ранее, и в августе, например, они цветут уже начиная с 6 часов вечера.

Эта же мнимая таинственная связь между цветами лотоса и светилами побудила египтян посвятить его богу солнца Озирису. Вследствие этого Озирис изображался с цветком лотоса на голове. Лотосом же украшались головы и жрецов этих богов. Точно также и цари египетские в знак своего божественного происхождения надевали на голову эти цветы, а равно и сама эмблема их власти — царский скипетр — изображалась в виде цветка лотоса со стеблем. Наконец, он изображался, то в бутоне, то распустившимся, и на государственной монете.

Кроме того, лотос был посвящен также и египетской богине плодородия — Изиде; а так как плодородие у них зависело главным образом от разлития реки Нила, ил которого — главная причина плодородия, то лилия эта считалась невестой Нила. Поднимались воды — появлялись и лотосы; опускались они — оставались лежащими в песке и подземные части лотоса. И чем дольше заливал Нил своими водами страну, тем больше появлялось на водной поверхности их цветков. А потому появление лотосов на воде египтяне приветствовали с восторгом.

Египетские девушки и юноши, нарвав цветов лотоса, украшали ими жилища, себя и бегали в венках по улицам сел и городов, приветствуя всех радостным криком: «Много лотосов на воде, велико будет плодородие». В знак благодарности и восторга они украшали этими цветами статую Озириса и убирали ими его алтарь. Если же, наоборот, не наступало долгое время разлития Нила, то лучшим средством, чтобы ускорить его, считалось украшение венком из лотосов богини Изиды.

Многочисленные применения встречал лотос в Египте и в общественной жизни. Без него, по-видимому, не могло обойтись ни одно общественное, ни одно семейное торжество.

Из него плели венки, которыми украшали снаружи и внутри храмы, им украшали головы почетных гостей, убирали танцовщиц и певиц. На пирах вместе с сладостями слуги обязательно разносили гостям и цветы лотоса, причем ни один гость ни на минуту не мог оставаться без цветка, и как только его цветок начинал увядать, то сейчас же заменялся свежим.

Изображение лотоса встречается и в египетской архитектуре. Первые колонны египетских храмов являлись исключительным подражанием цветку лотоса на стебле, а французские ученые, участвовавшие в экспедиции Наполеона в Египте, нашли много сходства с этим цветком и в других частностях египетских построек. Так, в кругу при основании колонн

египетские архитекторы то и дело помещали изображение листьев нимфей, а ту часть колонны, которая была близка к вершине, они снабжали связкой лотосовых стеблей. Кроме того, и в украшениях капителей попадались бутоны и цветы лотоса.

Но лотос имел еще и экономическое значение в Египте: корневища его считались съедобными и составляли пропитание тысяч египетских семей. Корневища эти обыкновенно по спаде вод собирали, сушили на солнце и складывали в особые подвалы на хранение. Их ели главным образом в отварном виде, как картофель. По вкусу своему они также несколько напоминали картофель, но вызвали сильную жажду. Вообще они были в таком ходу и пользовались такой любовью народа, что продавались всюду разносчиками на улицах.

Кроме того, по словам Диодора¹, в пищу шли также и мучнистые зерна лотоса, которые размалывали в муку и пекли из нее хлеб. Затем из корня и семян приготавливали еще лекарство «неню-фар», откуда, вероятно, произошло и французское название кувшинки — «*nepu-phar*». В дело шли и плоские, блюдцеобразные его листья. Из них приготавливали сосуды для напитков, и древнегреческий писатель Страбон рассказывает, что в его время все лавки Александрии были завалены этими листьями.

Кроме белого лотоса в Египте встречался еще чудный голубой, или, как его называли, небесная водяная лилия². Изображение его встречается на памятниках, относящихся к эпохе до IV-ой и V-ой египетских династий, правивших за три с половиной тысячи лет до н. э. Прекрасное же его изображение мы находим еще и на известной картине «Жатва папируса», взятой из гробницы царя Татохен, жившего, по определению египтологов, от 3466 до 3333 года до н. э.

Таким же поклонением, каким пользовался лотос некогда у древних египтян, пользуется теперь еще третий его вид — красный лотос — у буддистов в Тибете и Монголии³.

Один путешественник, посетивший недавно храм Ламы в горах Сиккима, описывает его таким образом. «Идол Будды помещается за алтарем под балдахином или за шелковой занавеской. По обеим сторонам вокруг него расположены пестро одетые и раскрашенные изображения святых старцев и женщин. Будда изображен сидящим с поджатыми ногами, причем пятка левой ноги обращена вверх, а левая рука покоится на голове, держа лотос и драгоценный камень. Будда имеет обыкновенно курчавые волосы, ламы — митру на голове, а женщины — различные головные украшения. Большинство из них носят на голове венки из роз и серьги. Все стоят на грубых пьедесталах и так представлены, что имеют вид, будто все выходят из красных, пурпуровых лепестков лотоса».

В горах Тибета встречаются также гигантских размеров надписи, высеченные на скалах или на прикрепленных к скалам громадных каменных таблицах: «Om Mani Padme Oni» («Да будет благословен Он (Будда) с лотосом и драгоценным камнем») — молитвенное приветствие, с которым обращаются к Будде.

Иногда, впрочем, к нему обращаются также и со словами: «Om Mani Padme» («перл создания в лотосе»), так как, по буддистскому верованию, сотворение мира является как бы последовательным творением бесчисленных лотосов, заключающихся один в другом до бесконечности.

Так же приветствуют Будду и индийские буддисты, которые, переплетая поэтические сказания о разных растениях и животных с жизнью своих богов, говорят в своих священных легендах и о лотосе.

По их сказанию, творец мира был преследуем и побежден своим непримиримым врагом — всеуничтожающей водою. Нигде он не находил ни покоя, ни защиты, пока не укрылся в розоподобных цветках лотоса. Здесь ждал он в безопасности до удобной минуты, а затем вышел из своей чудной темницы в еще большем величии и начал сеять всюду богатство и

пищу. Поэтому-то индусы возлагают цветы лотоса и его плоды на жертвенник своих богов и украшают его изображением свои храмы и своих богов.

С лотосом же связано и само рождение Будды. «Когда наступило время появления его на свет, — говорит одно индийское предание, — то все цветы царского сада, белые, красные и синие лотосы прудов открылись и как бы замерли в ожидании этого великого чуда; точно так же замерли в своем роспуске листья деревьев и вся выроставшая из земли растительность. Тогда Майя, мать Будды, сошла с паланкина, на котором покоилась, и вышла в сад. При ее приближении деревья в знак благоговения наклонились к земле, а в ту минуту, когда она разрешилась от бремени, земля потряслась и с неба упал обильный дождь из нимфей и лотосов. Слуги бросились к новорожденному Будде, чтобы поддержать его, но, вырвавшись из их рук, он пошел сам. И всюду, где только его нога ступала на землю, вырастал громадный лотос».

Точно такой же дождь из цветов падает с неба на Будду, когда его, ребенка, ведут во храм, чтобы дать ему имя; когда его ведут в первый раз в школу к учителю; когда он удаляется из мира, чтобы в уединении поститься и молиться, и когда он одерживает победу над искушавшим его злым духом Мара. Наконец, лотосы всех цветов сыплются с неба на тело Будды, когда на седьмой день после смерти его кладут на костер, чтобы сжечь...

Но не одни индусы-буддисты обожают лотос, его обожают — и особенно родственный с ним вид нелюмбиум — также и индусы, поклонники Браммы.

Одаренные богатой фантазией и любовью к созерцательности, браманисты видят в цветке этом символ вечно изменяющихся и плодотворных сил природы. По их словам, богато покрытая лотосами и нелюмбиумами вода, когда блестит под яркими лучами солнца или мерцает при серебряных лучах месяца и испускает нежное благоухание, позволяет видеть и чувствовать, как совершается созидание организма из жидкого элемента, а в самом лотосе можно наблюдать воплощенный обмен между огнем и водой, между твердым и жидким веществом. Поэтому-то Брама, отец в сего сущего, как и Будда, изображается всегда с лотосом в руке или покоясь на лотосе.

В одном из гимнов Вед о Брамме поется:

«Он покоится, погруженный в небесные
Размышления о лотосе, Которого цветок возник, когда
он До него дотронулся И излил в него свои золотые лучи...»

Точно так же говорится о Вишну, властителе и повелителе всей вселенной, что его дыхание — благоухание лотоса и что он ходит и покоится не на земле, а на девяти золотых лотосах, принесенных самими богами.

Чудному этому лотосу, однако, всегда являлась соперницей роза — любимица Вишну, но Брама долгое время никак не хотел признать за ней первенства, пока и ему не пришлось с этим наконец согласиться. Это случилось так.

Однажды Вишну, как говорит индусское сказание, купаясь с увлечением в чистых водах одного священного озера, вдруг увидел, как открылся лотос и оттуда вышел Брама, прося его полюбоваться на его дивный, самый красивый из всех цветов.

— Нет, — сказал Вишну, — самый красивый из цветов — в моем раю. Он розовый, как утренняя заря, а запах его упоительнее всех запахов.

Брама улыбнулся:

— Если ты говоришь правду, то я готов уступить тебе первенство среди богов.

— А не веришь, пойдём, посмотрим, — сказал Вишну.

Брама согласился, и они пошли. Шли медленно, важно, как следует богам, и к вечеру пришли в рай Вишну. Там повелитель вселенной повел своего августейшего посетителя под предохранявший от дождя перламутровый свод и показал ему дивный цветок, божественный запах которого был так силен, что, казалось, наполнял собой весь окружающий воздух.

— Вот, — сказал он, — красивейший из цветов всех райских садов.

В ту же минуту роза наклонилась к нему, и ее лепестки красиво раздвинулись, чтобы дать проход для той дивной красавицы Лакшми, о которой мы говорили уже в главе о розе.

Лакшми стала на колени и прошептала:

— Посланная из сердца розы, чтобы быть твоей женой, я прихожу вознаградить тебя за твою верность и прямоту.

Вишну поднял свою невесту и представил ее Бrame, который, пораженный ее красотой, тотчас же сдержал свое слово.

— Отныне, — сказал он, — Вишну будет первым из богов, так как совершенная правда, что в его царстве такой красивый и очаровательный цветок, какому нет еще подобного в мире...

Слышавшая все это синяя птица, говорит далее это предание, поспешила сообщить лотосу, и цветок Бrame принял тотчас же зеленоватый оттенок зависти, которым с тех пор отливают его, блиставшие прежде дивной белизной, лепестки, между тем как сделавшаяся женой Вишну роза продолжает быть такой же очаровательно красивой и издавать все такой же дивный запах, как и прежде...

Об этом цветке говорится еще и во многих пословицах и поговорках индусов: «Цветы лотоса так же поддерживают Вишну, как и его поклонники»; «Цветы лотоса — корабль, на котором утопающий среди океана жизни может найти спасение»; «Лотос — друг солнца. Когда месяц со своими холодными лучами исчезает, лотос раскрывается».

Словом, нет похвалы, нет того слова ласки, которого бы не употреблял индус как в поэзии, так и в прозе при описании лотоса, дорогого даже и для женщин, хотя цветок его, по верованию индусов, противоположно воззрениям египтян, способствует не возбуждению, а умерению страстей. А когда в прежние времена приносили в Индии богам человеческие жертвы, то собирали кровь жертвы на лепесток лотоса, причем предписывалось наполнять лепесток кровью не сполна, а лишь на четверть; так что человеческие жертвы индусов сводились, следовательно, к маленькому кровопусканию.

Этот индийский лотос, иначе — нелюмбиум⁴, листья и цветы которого не плавают на воде, а поднимаются высоко над ней на длинных черешках, имел и имеет не меньшее экономическое значение, чем и египетский лотос.

Главными его потребителями являются японцы и китайцы, у которых он разводится даже как овощ. В пищу идут корневища, зерна и листья. Корневища едят сырым и вареным. Летом его едят со льдом, как прохладительное, а на зиму его маринуют. Содержа много крахмала, оно чрезвычайно питательно и удобоваримо.

На рынках в Японии, Китае и Индокитае корневища эти лежат целыми грудями и носят название «хазун». По вкусу он, когда сварен, несколько напоминает сельдерей или брюкву. Его едят также и печеным на углях или поджаренным, как сладкие корни, а кроме того, из него делают еще муку, которой засыпают суп, как манной крупой или саго.

Зерна едят засахаренными как лакомство или готовят из них пирожное. Что касается

листьев, то осенью, когда прекращается цветение, молодые, выходящие в виде побегов листья нарезают, связывают в пучки и продают на рынках. Едят их в вареном виде, как спаржу. Особенно много продают их на рынках в Сринагаре и в Индии.

Кроме того, китайцы едят его тычинки, стебель, корневище, считая, что еда эта возвращает старикам красоту и молодость. Китайки же, как некогда и древние египтянки и финикиянки, украшают себя его цветами.

Особенно большой спрос на цветы лотоса бывает в день китайского Нового года, когда он вместе с нарциссом, который, как известно, является в этот день необходимой принадлежностью каждого дома, по их поверью, приносит счастье.

В прежние времена прелестное это растение водилось у нас в обилии в заводях Волги близ Астрахани и носило название чульпанской розы, от Чульпанского залива, где оно больше всего встречалось.

Осенью, когда созревали его крупные, содержащие в себе зерна плоды, на заводи эти отправлялась в лодках с песнями, с гармониями вся деревенская молодежь и набирала целые вороха этих плодов. Главную привлекательность их составляли вкусные зерна, которые щелкали потом, как семечки подсолнуха и дынь или как кедровые орехи. Запасов этих хватало на долгое время, и у бережливых хозяек ими угощали еще на Рождество.

Но блаженные эти времена прошли. Жадность людей, не довольствовавшихся собиранием одних плодов, а вырывавших с корнем и самое растение, привела к почти полному исчезновению его под Астраханью, так что теперь, несмотря на самые тщательные поиски ученых, его находят лишь изредка⁵.

1 Диодор Сицилийский (ок. 90 — 21 гг. до н.э.) — древнегреческий историк, автор «Исторической библиотеки». 2 Нимфея голубая, которую называли также голубым (или нильским) лотосом. 3 В популярной литературе нередко возникала путаница между настоящим лотосом и белой, голубой, иногда красной кувшинками, которые в народе также нередко назывались лотосом — нильским, голубым или красным. Они, так же как и настоящий лотос, играли немаловажную роль в религиозных культах, изображались на монетах, могильных плитах, на стенах гробниц. Но тем не менее эти виды нимфей — исконные уроженцы Африки, в то время как настоящий лотос, или нелюмбо, — является заносным из Индии. Произошло это в очень древнее время, в самые ранние периоды развития Египта, очевидно, через Аравию. (см. Клинген И.Н. «Среди патриархов земледелия народов Ближнего и Дальнего Востока (Египет, Индия, Цейлон, Китай)». М., 1960). 4 Лотос орехоносный, ранее называвшийся л. священным. Сейчас этот род выделен из сем. кувшинковых в самостоятельное семейство лотосовых. — См. «Жизнь растений», т. 5 (1), М., 1980. 5 В Астраханском заповеднике, основанном в 1919 году в приморской части дельты Волги (площадью свыше 60 га) ведутся научные работы по гидробиологии, в частности, изучается биология лотоса. Лотос встречается также на Дальнем Востоке, был высажен и размножается в дельте р. Кубани, культивируется и во многих других водоемах как декоративное растение.

Любимец Жан-Жака Руссо — барвинок

Путешествие Руссо с г-жей де Варан

Гадание при помощи барвинка

Влияние на ведьм

Беседа с богиней Флорой

Свадебный караван

Вряд ли существует на свете другое растение, которое получило такую известность и пользовалось в свое время такой славой, как небольшой, скромный, синий, с твердыми, блестящими, как у брусники, листьями лесной моветон, носящий по-русски название «барвинок», а по-французски «la pervenche».

Чтобы сорвать этот цветок и полюбоваться им, в конце XVIII столетия отправлялись на опушки лесов и садов молодые и старые, горожане и горожанки, придворные кавалеры и дамы, высшие государственные сановники, министры и даже сами короли.

И все почему? Потому что это был любимый цветок Жан-Жака Руссо.

Бичевавший нещадно все человечество, ненавидевший в душе самых близких друзей и видевший всюду лишь преследовавших его врагов, гений этот становился мягкосердечным, становился ребенком, как скоро переносился в мир растений. Жизнь среди них, среди природы служила для него обновлением его измученных души и тела. Он видел в них то чистое, совершенное творение, каким оно вышло из рук Божьих, творение еще не испорченное, не искаженное прикосновением человека. Он успокаивался среди них душой.

Барвинок же сверх того был особенно ему дорог по воспоминаниям о счастливейших годах его юности, по воспоминаниям об утраченном счастье.

Еще юношей, почти мальчиком, Ж.-Ж. Руссо, обласканный и укрытый от преследовавших его швейцарских властей милой, сердечной г-жой де Варан, влюбился в нее по уши и, сделавшись впоследствии ее возлюбленным, считал это время счастливейшим в своей жизни.

И вот однажды, когда они путешествовали вместе из Шамбери в Ле-Шармет, при одном крутом подъеме в гору, желая дать отдохнуть своим носильщикам, госпожа Варан вышла из носилок¹ и пошла рядом с ним пешком. Вдруг в кустах мелькнул какой-то синий цветок. Это был наш вечнозеленый барвинок. Госпожа де Варан подошла к нему поближе и, взглянув, воскликнула: «Ах! Да это барвинок в цвету!» Тогда Руссо едва обратил на это восклицание внимание и, увлеченный своим разговором, пошел далее.

Но момент этот, по-видимому, как это иногда бывает и со всяким из нас, глубоко запечатлелся в душе его, и когда много лет спустя, ботанизируя со своим другом Дюпейру на живописной горе близ Невшателя, в Швейцарии, он нечаянно наткнулся в кустах на этот цветок, то все счастливое прошлое вдруг воскресло перед ним, и он с восторгом воскликнул: «Ах! Да это барвинок!»

Этот крик радости вырвался у него, как он сам рассказывает, 18 лет спустя после того счастливого путешествия, о котором мы сейчас говорили, и вырвался с такой силой именно потому, что те минуты счастья, о которых он теперь вспоминал, были во всей его беспросветной жизни единственными, которые, по его словам, давали ему право говорить: «И я тоже жил!»

Все это Ж.-Ж. Руссо описал в своей «Исповеди», и когда эта знаменитая книга вышла из печати и в ней прочли трогательную историю его любви, то весь Париж устремился в знаменитый ботанический сад, где рос в обилии барвинок, чтобы полюбоваться этим голубым цветком Руссо.

Тем временем слава книги Руссо росла и росла: ее читали и в провинциальных городах, и в деревнях, читали и дворяне, и простые горожане — все грамотные жители Франции, а вместе с тем росла, конечно, и известность барвинка. Всякому прочитавшему хотелось теперь хоть раз взглянуть на знаменитый цветок гениального писателя, и все шли искать его: кто в окрестные леса, кто в сады, поля — словом, туда, где имелаась надежда встретить его. А так как известность «Исповеди» не ограничилась одной Францией, то вскоре и в других странах все зачитывались ею, увлекались трогательной историей любви Руссо, а вместе с тем заинтересовывались и барвинком...

И вот таким-то образом наш скромный цветок получил известность, о которой мы говорили.

Но все на свете преходяще, и с годами, конечно, должна была бы и померкнуть слава барвинка, забыться связь этого милостивого цветка с судьбою гения, если бы не позаботились поддержать это воспоминание швейцарцы, или, лучше сказать, женевцы.

Раскаявшись в своей холодности к знаменитому соотечественнику, женевцы решили увековечить память Руссо при его жизни, воздвигнув ему на родине, в Женеве, прекрасный памятник. Они поставили его среди своего чудного озера на живописном островке, получившем с того времени название острова Ж.-Ж. Руссо, и постарались обставить его тем, что было особенно дорого Руссо при жизни. Но что же могло быть так дорого ему на свете? Конечно, дикорастущие цветы и между ними наиболее любимый им барвинок. Им-то женевцы и засадили как все подножие самого памятника, так и окружающие его клумбочки.

И вот с тех пор всякий, кто бывает в Женеве, посещает остров Ж.-Ж. (а для иностранного туриста это обязательно), любуется этим цветком, вспоминает историю любви Руссо и берет цветок, конечно, с разрешения находящегося тут сторожа на память о великом мыслителе. Не знать цветка Руссо в Швейцарии считается недостатком образования.

Барвинок также всегда пользовался любовью немецкого народа и являлся даже соперником незабудки, так как наряду с красивым синим цветом служил в то же время и вестником близкого наступления весны — был как бы первой ласточкой среди цветов. А так как сверх того его кожистые, блестяще-зеленые листья отличались такой прочностью и живучестью, что не погибали от холода и сохраняли свой свежий вид даже и под снегом, то вскоре из леса он был перенесен в сад — как символ радостной жизненной силы, а отсюда — и на кладбища, на дорогие могилы — как знак вечно зеленеющей любви и никогда не исчезающего воспоминания.

Вследствие всего этого вечно жаждущий счастья, вечно добивающийся исполнения какого-нибудь желания человек уже издавна приписывал барвинку особую волшебную силу.

Так, у австрийцев и до сих пор существует поверье, будто если в ночь на праздник святого Матвея (24 февраля) девушка бросит венок из барвинков в проточную воду и затем, покружившись молча на берегу с завязанными глазами, поймает его, то венок этот послужит ей венчальным венком.

Ганноверцы же это гадание производят несколько иначе. Гадание происходит у них в ту же ночь, но ганноверские девушки плетут не один, а два венка — один из барвинков, другой из соломы, и пускают их плавать в большом сосуде на воде, а на дно его кладут еще горсть золы. Затем гадающей завязывают глаза, и, покружившись, она должна ощупью ловить плавающие на воде венки. Если поймает венок из барвинка, то это означает, что она выйдет в этом году замуж, если поймает венок из соломы, то ей грозит какое-нибудь несчастье, а если дотронется до золы, то — смерть.

Барвинок обладает также, по мнению германцев, еще свойством прогонять всякую нечисть. Но для этого его надо собирать осенью между двумя праздниками в честь Пресвятой Богородицы, между 15 августа — днем Успения Пр. Богородицы и 8 сентября — днем Ее

Рождества. Если сорванный в это время барвинок носить при себе, то над носящим его не будет иметь никакой власти ни дьявол, ни всякая другая нечистая сила, а если его повесить над входной дверью дома, то вся эта нечисть не будет иметь силы и в дом проникнуть. И потому сорванный барвинок никогда не следует бросать на двор в сор, а всегда в ручей, чтобы он не погиб от жажды.

Посаженный в саду барвинок приносит счастье, а помещенный в букет — неизменную любовь. На этом же основании барвинки сажают, как мы уже сказали, на могилы дорогих покойников и сплетенные из них венки кладут у изголовья покойников, так как венки эти будто бы имеют свойство сохранять тело умершего от разложения.

Барвинок играл также немалую роль и в средние века — в суде над обвинявшимися в соглашениях с дьяволом людям. Судья должен был, призывая дьявола, сорвать листок барвинка и, произнося имя обвиняемого или подозреваемого, бросить его на сковородку с кипящим салом. Если листок оставался на сковородке в сале, то обвиняемый был невиновен, если же он выскакивал со сковороды, то обвиняемый продал свою душу дьяволу и потому был способен причинить приписываемое ему зло, — тогда подсудимый обвинялся в колдовстве, подвергался страшным пыткам и в конце концов сжигался на костре.

Все приписываемые немцами барвинку свойства имеют, конечно, главным своим основанием его удивительную неувядаемость, его удивительную живучесть. Все цветы букета, в котором находится ветка барвинка, могут совсем засохнуть, сгнить и развалиться, но если в сосуде, в котором он стоит, сохранится хоть капля воды, то ветка барвинка будет оставаться свежей, а если ее вынуть и воткнуть в землю, то пустит сейчас же корни и разрастется затем в пышное растение. Вот почему немцы называют его «Immergrun» (вечнозеленый) или «Sinngrun» (неувядающая мысль). О происхождении последнего названия — следующий рассказ.

Однажды несколько веток барвинка помещены были вместе с чудным букетом роз в вазу с водой. Розы цвели, испускали дивный запах, вызывали всеобщий восторг, но потом поблекли, завяли и осыпались. Тогда печальные остатки этих роз удалили и оставили одни только ветки барвинка, которые продолжали зеленеть и нисколько не желали увядать. Прошло время, ветки пустили корни и начали расти. Заметив это, их вынули из воды и посадили в ящик с цветами, стоявшими на балконе, но затем совсем забыли о них.

Прошло лето, прошла осень, наступила зима. Находившиеся в ящике летние цветы поблекли, и самый ящик с балконом были занесены снегом. Начались вьюги, морозы — все заоченело, все померзло. Померзли, казалось, также и ветки барвинка, и когда наступила весна, их хотели выбросить вместе со всеми другими погибшими в ящике цветами. Но каково же было удивление, когда они не только оказались совершенно зелеными, но почти сплошь покрытыми прелестными голубыми цветочками. Тогда люди воскликнули: «Они вечны, как вечна мысль» (Sinn).

Известный немецкий филолог Ф. Зенс дает, однако, этому слову (Sinn) другое толкование. По его мнению, его надо писать с одним «н», как древнегерманское слово Sin, обозначающее «вечно, продолжительно».

С барвинком связано также немало и других суеверий.

В немецких Альпах вьют из барвинков венки и вешают их над окнами. Говорят, это предохраняет от удара молнией. А в тридцатидневный период от Успения Пресвятой Богородицы и до Ее Рождества, по мнению продолжающих верить в существование ведьм тирольцев, барвинок помогает обнаружить ведьм. Стоит только повесить венок из барвинков над дверью, через которую входят в дом. Только для этого надо брать не большой барвинок (Vinca major), а малый (V. minor), называемый в Альпах также еще фиалкой мертвецов (Todtenveilchen), так как из него принято плести венки на могилы.

Барвинок этот для обладания указанной силой должен пролежать еще некоторое время в церкви под молитвенником пастора. Сорванный же в другое время, нежели в этот четырехнедельный период, он может быть использован ведьмами для причинения смерти домашнему скоту или для внесения раздора между людьми.

Фиалкой или цветком смерти называют в горных местностях барвинок еще, быть может, и потому, что в некоторых швейцарских городах, например в Цюрихе, существует очень странная, практикуемая детьми игра в гадание.

Берут цветок и, потихоньку сжимая чашечку, стараются заставить выглянуть из венчика находящиеся в нем тычинки. Делая это, дети приговаривают: «Смерть, смерть, выходи». И сколько раз гадающий произнесет слово «смерть», прежде чем выглянут тычинки, столько лет остается ему жить. Словом, нечто вроде того, как у нас гадают, считая, сколько раз прокукует кукушка.

Многие считают барвинок не только символом неувядаемости, но еще и цветком зависти, и причину такого взгляда Паоло Мантегацца поясняет следующей сказкой.

«Распускаясь первым цветком весною и возвещая весну, как и душистая фиалка, барвинок считал себя крайне обиженным тем, что все люди и боги обращают внимание на фиалку, а на него никто, хотя и по изяществу своих листьев и по красоте цветов он нисколько не хуже фиалки, и если только чего ему в сравнении с ней недостает, то это ее прелестного запаха. И вот однажды, когда Флора опустилась весною на землю и очарованная обаятельным запахом фиалки ласкала ее и предлагала придать ей больше роста, чтобы она могла возвышаться над другими цветами, а не благоухать скромно в тени других растений, вдруг раздался тоненький жалобный голосок.

— Кто там жалуется? — спросила Флора.

— Это я, — отвечал барвинок.

— Что же тебе надобно, о чем ты плачешь?

— Я плачу о том, что ты, мать цветов, не достаиваешь меня взглядом и забываешь обо мне, осыпая в то же время столькими ласками фиалку и делая ей такие лестные для цветка предложения.

Флора посмотрела на маленькое растеньице, которое совсем не знала, а может быть, и просто забыла; так как ведь и боги не могут запомнить всех созданных ими существ, и для них есть толпа без отчества и имени, и спросила:

— А как тебя звать?

— Меня никак не зовут, — ответил барвинок, — у меня еще нет имени.

— В таком случае, что же ты желаешь?

— Я желал бы иметь какой-нибудь такой же тонкий, приятный запах, как фиалка. Дай мне его, Флора, и я тебе буду очень, очень благодарен.

— Ну, этого, к сожалению, я не могу тебе дать, — ответила Флора. — Чудное это свойство получает растение в ту минуту, когда оно возникает по повелению Создателя, и передается ему вместе с первым поцелуем того гения, которому поручено его охранять. Ты же родился без запаха.

— Ну, так дай же хоть какой-нибудь особый дар, который бы сравнял меня с фиалкой, на которую я даже несколько похож и цветом, но которую все любят, а меня никто.

— Хорошо, — ответила богиня, — цветы же ты дольше, чем фиалка, цветы даже и тогда, когда фиалка уже давно будет мертва.

— Благодарю, Флора, это большой дар. Теперь, когда влюбленные будут искать тенистые места садов и не встретят более фиалки, то, быть может, они обратят внимание и на меня и, сорвав, припилят сделанные из моих цветов букетики к себе на грудь, к бьющимся любовью сердцам.

— Быть может, — ответила богиня.

— Но вот еще что я тебя попросил бы, — продолжал барвинок, — сделай мои цветы более крупными, чем цветы фиалки.

— Изволь, и это я могу сделать. Пусть твои цветы будут крупнее цветов фиалки. Величина — это противоположность глубины. Внешнее расширение — противоположность внутреннему содержанию.

Тут, сильно раздраженная упрямой настойчивостью маленького растеньица, Флора хотела было удалиться; но растение, казалось, было еще не совсем удовлетворено.

— Ну, что же тебе еще надо? — сказала Флора. — Ты получишь более крупные, чем у фиалки, цветы, будешь цвести дольше ее — разве тебе этого не достаточно?

— Нет, Флора, если уже ты ко мне так милостива, то дай мне еще имя — какое-нибудь название. Ведь без имени я все равно что бродяга.

Вместо того, чтобы рассердиться, Флора только улыбнулась.

— Хорошо, — сказала она, — это довольно легко, — ты будешь называться Pervinca (победительная), от латинского глагола «побеждаю», так как ты хочешь во что бы то ни стало победить более скромную и красивую твою соседку. Пусть же имя твое будет выражением твоего завистливого характера».

И вот с этого-то времени наш барвинок и носит название Pervinca или Vinca, которое затем перешло и в науку.

Укажем еще, что барвинок играл некоторую роль и в верованиях славянских народов, а частью также и наших предков. Так, Афанасьев, сообщая в своих «Воззрениях славян на природу» о том, как в славянских сказаниях иногда цветы и растения, вырастающие из зарытого тела убитых, поведывают о совершенных преступлениях, приводит примером карпатскую колядку, где божье дерево, мята и барвинок выросли из пепла трех сирот, убитых и сожженных злой мачехой за то, что они не устерегли золотой ряски на конопельках. Про мачеху эту в колядке дети-покойники говорят:

«Она нас спалит (сожгла) на дрибний попелец (мелкий пепел). Она нас посеяла (посеяла) в загородойци (в огороде). Та з'нас ся вродит (выросла) трояка зилья (растение). Перше (первое) зилейко - биждедеревочок (божье дерево), Друге зилейко - крутая мята, Трете зилейко - зеленый барвинок».

Нечто подобное поется также и в малоросской песне, приводимой в сборнике Мордовцева:

«Иване! Посеку (изрублю) тебя, как капусту, посею в трех огородах, и уродится три зальечка: барвинок, любисток и василек».

Наконец, барвинок играл, да и до сих пор играет еще немалую роль и в малоросских свадебных обрядах — в печении свадебного каравайя. Любопытное печение это, по словам Маркевича, производится родственниками жениха за день до свадьбы в его доме. Каравай

печется из двух сортов муки: из пшеничной и ржаной. При этом из первой делается только самый пирог, а из ржаной — его дно, нижняя корка. Размесив пшеничное тесто, каравайницы начинают петь:

«Засвити, Боже, из раюНашему караваю,Щоб було виднесенько (видно)Краяты (резать) дробнисенько (помельче)...»

Во время пения они лепят из пшеничного теста шишки и птичек. Птички прикрепляются к пирогу попарно с припевом: «Дай, Боже, чтоб наши диты (дети) в пары булы (были под пару)». Затем, когда настанет время сажать каравай в печь, то каравайницы идут приглашать к себе на помощь какого-нибудь мужчину, которому дают название «кучерявого», и приказывают ему выместь печь и посадить в нее каравай. Кучерявый исполняет их приказание, а затем кричит: «джонки (бабы), идите до дижи (к квашне)!»

Тогда бабы берут дижу, в которой месился каравай, начинают носить ее по всей избе, поднимают ее над головами и ударяют ею три раза в сволок, припевая вместе с кучерявым:

«Ой пичь (печь), пичь на стовпах (столбах),Да дижу носят на руках,Наша пече, наша пече,Нам спечи (спеки) каравайГрече».

Потом все кричат: «Да целуйтесь, да милуйтесь», и каравайницы начинают обнимать и целовать кучерявого.

Тем временем распорядительница (мать жениха) приносит закуску и горилку, сажает за стол и угощает, пока печется каравай. Когда же он испечется, то все, встав из-за стола и помолясь Богу, вынимают его из печи, обертывают длинным рушником и ставят на стол.

В это время приходит невеста с подружками и начинает вильце вить.

Вильце вить — значит завивать деревцо — обычай, в котором играет роль и наш барвинок. Жених вырубает молодую сосенку или вишню и приглашает себе на подмогу товарища или родственника, который получает название «боярина». Боярин вносит это деревцо в избу и, величая его вильцем, втыкает в каравай. Тогда невеста, испросив благословения, садится с подругами за стол и начинает вить с ними из барвинка гирлянды и букетики и украшать ими деревцо. Свивая гирлянды, подружки поют:

«Благословы, Боже,Благословы, Боже,Нам вилечко звыты,Сей дом звеселиты;Ой мы вильце выли,Да мы меду не пылы,Да все тее пывоЗеленее выно (вино)».

Если же нет барвинка, то плетут гирлянды из калины, а иногда даже из разных цветных бумажек; но барвинок предпочитают всему как символ прочного, вечного...

Во время плетения гирлянд молодая для подкрепления сил своих подруг подносит им меду, а если меду нет, то по чарке горилки. Свив вильце в доме жениха, все отправляются вить такое же вильце в дом невесты.

В день свадьбы каравай с разукрашенным вильцем ставится на парадном столе и разрезается на столько кусков, сколько присутствующих, чтобы каждому из гостей досталось непременно по куску. Вот почему в песне при замешивании теста каравай и поется: «Помоги, Боже, нарезать каравай помельче».

1 В то время было в обычае, чтобы дамы путешествовали не иначе как на носилках (Прим. авт.).

Любимица Японии, цветок смерти — хризантема

Осенний праздник хризантем

Картины из живых цветов

Хризантема в Китае

Хризантема в Европе

Ожившие на могиле хризантемы

Цветок смерти и горя

Не много можно назвать цветов, которые так быстро и так прочно завоевали симпатии публики и садоводов, как японская хризантема. вспомните, давно ли еще хризантема была только любимым цветком Китая и Японии и имелась у нас лишь в виде двух-трех сортов? А теперь каких только форм, цветов и видов ее вы уже ни встретите!

Цветы ее то завиты, как кудри, то плоски, как у астры, то мохнаты, то щетинисты, то крошечны, как пуговицы, то громадны, как подсолнух, словом, разнообразны без конца.

Окраска их, правда, довольно скромная, граничащая между желтовато-белым и красно-коричневыми цветами, но зато оттенки и переливы их необычайно разнообразны. Тут встречаются и палевые, и соломенно-желтые, и розоватые, и коричневатые, и бурые, и темно-красные...

Хризантема — любимица Японии, здесь ее культивируют с незапамятных времен. Это цветок национальный, им увлекается все население, начиная с микадо и кончая последним рикшей.

Изображение ее священно, и правом носить материи с ее рисунком по государственным законам пользуются только члены императорского дома. Остальные же в случае нарушения этого закона караются смертной казнью.

Смертной казнью карается и всякая попытка изображать эту эмблему японской империи и символ императорской власти, а потому к изображению ее японское правительство прибегает иногда даже и для воспрепятствования подделки правительственных денежных знаков.

Так, несколько лет тому назад директор правительственной типографии государственных почтовых марок прибег к изображению хризантемы с целью воспрепятствования фабрикации старинных почтовых марок, которые приобретали охотно и за большие деньги иностранные собиратели коллекций. Но хитрые поддельщики обошли его.

Как известно, силой правительственной защиты пользуется только символическая хризантема (златоцвет) в 16 лепестков. Японские же художники, очень хитрые и ловкие в подражании, воспроизвели в совершенстве целую серию «старинных» почтовых марок, но изображали цветок только с 14 и 15 лепестками. Имей цветок 16 лепестков, поддельщикам угрожала бы участь подвергнуться харакири, а за хризантемы с меньшим или большим числом лепестков их никто не имеет права преследовать, и они преспокойно продолжают сбывать за хорошие деньги свои поддельные марки неопытным любителям.

Что касается подделки настоящей государственной эмблемы хризантемы с 16-ю лепестками, то японцы, строго соблюдая и уважая все законы своей страны, даже и не старались никогда ее воспроизводить; по крайней мере до последнего времени не было даже и подобной попытки. Изображение же этого цветка помещается на национальном флаге, на монетах и на

высшем японском ордене, который даже и носит название ордена Хризантемы.

Причину такого высокого почитания японцами этого цветка разъясняет лучше всего само его название: «кику» (солнце). Он является у них символом этого светила, дающего жизнь всему на земле.

Таким символом власти хризантема начала пользоваться в Японии, по-видимому, очень давно, еще в XII столетии, доказательством чему служит первое изображение ее на клинке сабли царствовавшего в то время микадо.

С цветком этим связан в Японии один из самых любимых национальных народных праздников — праздник хризантемы.

В пояснение такого празднества надо прежде всего сказать, что, как известно, в Японии и Китае нет воскресений, и потому будни, рабочие дни, должны были бы следовать непрерывно в томительном однообразии круглый год, не создай себе народ праздников, которые нарушили бы это однообразие и внесли бы в жизнь некоторую долю веселья.

И вот среди такого рода празднеств первое место у японцев занимают цветочные праздники.

В феврале устраиваются праздники по случаю цветения слив, в марте — персиков, в апреле — вишен, в мае — известного у нас более под названием глицинии растения вистарии и сабельника¹, в июне — вьюнков и пионов, в октябре — интересующей нас хризантемы, а осенью также народ бросает работу и бежит любоваться краснеющей и желтеющей листвой японских кленов.

Наибольшей роскошью и прелестью отличаются весенний праздник — цветение вишен и осенний — цветение хризантем.

Осенний праздник справляется уже с незапамятных времен и привлекает к себе всеобщее внимание. В незапамятные еще времена народ собирался в эти дни толпами, рвал эти прелестные цветы и украшал ими свои жилища, а знатные люди катались на изукрашенных хризантемами лодках — при звуках музыки, пения и чтения китайских и японских стихотворений, в сочинении которых состязались лучшие поэты того времени.

Стихотворения эти писались и пишутся тушью на длинных бумажных полосах и приклеиваются к деревьям; так что их читают не только люди, но даже и ветер как бы разносит весть о них по свету.

Праздник этот справляется торжественно и поныне, и притом не только народом, для которого устраивают в разных городах специальные выставки роскошнейших хризантем, но и при дворе самого императора.

Современные хроникеры рассказывают, что теперь приглашенные императором должны являться непременно во фраке и в цилиндре. Все собираются в построенном в древнеяпонском стиле дворце Данго-Цака, передвижные стенки и покрывающие полы циновки которого представляют удивительно странный контраст со всеми этими европеизированными костюмами. Масса публики наполняет гроты, аллеи и киоски обширного парка.

Раздаются звуки японского марша, и появляется окруженный своей свитой император; за ним следует императрица со своими придворными дамами. Микадо обходит ряды приглашенных, подает каждому руку и обращается с несколькими милостивыми словами, но говорит так тихо, что его едва могут слышать даже и наиболее близко находящиеся.

После этого приветствия император в сопровождении всех приглашенных отправляется в

оранжереи, где выставлены богатейшие коллекции выведенных за лето хризантем.

Среди них встречаются небольшие экземпляры, сплошь залитые цветами, количество их доходит нередко до 800 и более.

Замечательны и необычайно красивы сделанные из этих цветов группы людей и даже целые сцены, изображающие драматические моменты.

Описать эти удивительные, полные движения группы людей из цветов нет никакой возможности. Это какое-то удивительное, выходящее из ряда вон искусство, о котором европейцы не имеют и понятия.

«Необычайно трудно, почти невозможно, — говорит немецкий корреспондент, у которого мы заимствуем эти сведения, — дать европейским читателям описание этих, если так можно выразиться, живых картин из цветов.

И у нас, конечно, делают из цветов на клумбах надписи, портреты, государственные гербы, геометрические фигуры и фигуры животных, иногда даже выпуклые, выделяющиеся над общим фоном, подобно каким-то изваяниям; делают, вырезая из самшита и других мелколиственных кустарников, фигуры людей, львов, драконов, вообще разного рода как живущих, так и мифических существ, но все это — детская забава по сравнению с необычайным вкусом японских садоводов, их поразительным искусством группировки цветочных фигур, представленных в этот день в парке Данго-Цака.

Тут вы видите сцены битв, в которых кровь льется ручьем, обгадря (эти сцены большею частью изображают зимний ландшафт) покрывающий почву снег; лошади и всадники изображены, как живые; корабли с развевающимися парусами так и плывут; герои, побеждающие вылезавших из расщелин скал чудовищ, полны движения; храмы, дворцы, изогнутые мосты, пенящиеся водопады... — все это так натурально, так естественно, что невольно забываешь, что они сделаны из цветов.

Не все, конечно, в этих фигурах из цветов: все видимые части тела, лицо, руки и ноги сделаны из особого рода папье-маше, которое так тонко и искусно выработано, выражение сделанных из него лиц так живо, что никакие наши восковые фигуры не могут с ним сравниться.

Мечи и другие принадлежности фигур, деревянные части домов и прочее, а равно и скалы сделаны обыкновенно из соответствующего материала; но встречаются корабли и лошади, быки мостов, входы в храм, скалы и водопады, сделанные и прямо из хризантем. Это, конечно, апогей искусства японских садоводов, так как здесь цветы подбираются таким образом, чтобы передать все оттенки освещения, все малейшие подробности рисунка.

Самое поразительное, однако, во всех этих изображениях — это платье фигур, составленное всегда только из цветов. Какие тут сочетания красок, какая изящность, какое разнообразие рисунка, изображающих его материй — это не поддается никакому описанию.

Основу этих платьев составляют бамбуки, в которые вплетаются не срезанные хризантемы, а находящиеся еще на своем кустарнике, так что они продолжают и расти и цвести. И все эти широкие, раздувающиеся, с их складчатыми рукавами кимоно так удивительно изображены, так естественно изгибаются на поставленных часто в необычайно трудные позы фигурах, что пораженный зритель почти забывает, что они сделаны только из живых цветов.

Вообще в изображениях этих сцен, полных жизни и движения, японские художники-садоводы сумели воплотить такое сочетание природы с искусством, подобного которому у нас еще не существует, и вполне понятно, почему выставка императорских хризантем производит глубокое впечатление не только на японцев, но и на всех имевших случай ее видеть

европейцев. Понятно также, почему эти цветы так интересуют и самого императора.

Но такие интересные картины, сделанные из цветов хризантем, показываются не только на императорских выставках в Данго-Цаке. Их можно видеть в это время и на частных выставках во многих других японских городах и даже в некоторых славящихся своим садоводством японских деревушках. Только там фигуры делаются обыкновенно из дерева и слоя глины, в который втыкаются цветы. И здесь изображают также фигуры и сцены, но только, конечно, сюжеты берутся уже не столь драматические, а больше из обыденной жизни, где не требуется такой тонкой художественности в экспрессии лиц и поз действующих персонажей.

Здесь вы видите какого-нибудь торговца с его товаром, продавщицу чая, группу женщин, сидящих в саду и готовящих чай; удящих или кормящих рыбу детей... Тем не менее и тут, как на императорских выставках, особенную прелесть представляет группировка и подбор красок цветов для изображения рисунка материи платьев. Все фигуры сделаны в натуральную величину и помещены в небольших балаганах, куда народ собирается их смотреть, платя несколько грошей за вход. И публики бывает всегда так много, что в балагане едва можно уместиться.

Обыкновенно родиной хризантем считают Китай, откуда она перенесена была в Японию и где настолько акклиматизировалась, что сделалась совсем туземной.

Но существует и обратное мнение. Говорят, что она сначала была в Японии, а оттуда была перенесена в Китай.

Мнение это поддерживает следующее легендарное сказание.

Рассказывают, что в 246 году до н.э. правил в Китае какой-то очень жестокий император и будто узнал он, что на берегах одного из близких островов растет растение, из сока которого можно приготовить жизненный эликсир. Но для того чтобы эликсир не потерял свою чудодейственную силу, необходимо, чтобы растение было сорвано человеком с чистым сердцем.

Ясно, что сам император не мог исполнить этого и не мог доверить исполнение никому из своих придворных.

Тогда один из приближенных врачей сделал ему такое предложение: набрать 300 молодых людей и молодых девушек и послать их на остров за этим растением — наверное, среди них найдется немало людей с чистым сердцем. Император одобрил план, и экспедиция отправилась на остров, где теперь Япония.

Нашли ли они растение — неизвестно, но отправленные джонки так и не возвратились, а император умер.

Однако говорят, что врач, вместо того чтобы искать растение, увлекся разными веселыми приключениями и, если и нашел растение и приготовил из него знаменитый эликсир, то разве только для себя лично.

Перевезенная же молодежь — цвет китайского народа — положила основание на островах новому сильному государству, во главе которого стал, будто, опять-таки тот же отправленный за растением врач.

Не менее любима хризантема и в Китае, где вообще любовь к цветам, особенно у женщин, необычайно распространена. Китайка считает свой костюм неполным, если она не украсит своих черных, как смоль, блестящих волос цветком, и потому, если невозможно достать живого, она пользуется искусственным. Единственные женщины, которым не полагается в Китае носить цветы, — это вдовы моложе сорока лет, но по достижении ими этого возраста

обычное украшение цветами и им разрешается. Добавим, кстати, что у японок, наоборот, ношение цветов в волосах считается неприличным и носить их разрешается в Японии только детям. Если же японке нужно почему-либо украсить голову цветами, то употребляются только искусственные.

В Китае хризантема — наиболее любимый цветок после пиона, и ее именем обозначается даже девятый месяц китайского года. Ему же посвящен и девятый день этого месяца. Сорванный в этот день, он приобретает, по народному поверью, особую магическую силу. Вместе с сосновой смолой его перерабатывают в таинственное средство, которое употребляется для предохранения от старения.

В Чэнду, главном городе Сычуана, находится храм с изображением гения — хранителя хризантем. Он представлен в образе молодой девушки, выпившей вина с цветком хризантемы и сделавшейся вследствие этого бессмертной.

Из цветов же хризантемы китайцы готовят еще очень вкусный десерт, подаваемый не только в китайских ресторанах, но и в частных домах. Десерт этот представляет собой компот и готовится, по словам французской газеты «Gaulois», следующим образом.

Берут свежий цветок, старательно обмывают его, отделяют его лепестки и окунают их в смесь яиц и муки; затем вынимают их, обмакивают быстро в горячее масло, раскладывают на полминуты на бумагу, чтобы она впитала в себя излишек масла, посыпают их сахаром и подают.

Кушанье это, несколько напоминающее нам прекрасное пирожное, приготовляемое часто в Малороссии из цветов рябины, как говорят, очень вкусно и теперь вошло в такую моду в Нью-Йорке, что китайские рестораны там всегда наполнены американцами и вообще не китайцами, приходящими туда, чтобы полакомиться этим десертом.

В Европу хризантема была впервые ввезена еще в XVII столетии, в 1676 году, в Англию голландцем Рееде, но, по-видимому, оставалась только там и сделалась известной лишь немногим. Настоящим же годом ввоза ее в Европу надо считать 1789-й, когда капитан Пьер Бланшар привез ее в Марсель. Привезенные им тогда цветы были, конечно, не те изящные, роскошные сорта, которые мы видим теперь, а самые простые — ромашкообразного вида, а потому и не обратили на себя почти никакого внимания.

Но уже в 1829 году тулузский садовник Берне начал производить опыты разведения ее из семян и получил несколько новых, красиво окрашенных разновидностей. Тогда примеру его не замедлили последовать и другие садоводы. Успех был значительный, и уже в 50-е годы имелось около 300 ее разновидностей, отличавшихся не только окраской, но и формой цветов.

Однако прошло еще около полустолетия, пока цветок этот, достигнув выдающейся красоты, вошел у нас в моду и сделался одним из любимейших зимних цветов. Позднее его цветение, и притом как раз в то время, когда у нас почти не бывает цветов, конечно, также немало содействовало этому обстоятельству². Теперь же он вошел в такой почет, что ежегодно осенью в Париже, Лондоне и во многих городах Германии устраиваются специальные выставки хризантем, где платят за наиболее оригинальные цветы громадные деньги.

Из европейцев особенно увлекаются хризантемами англичане, и теперь в Англии почти нет сада, где бы вы не встретили этого цветка; Хризантемы прекрасно выносят английские туманы и цветут даже до наступления легких заморозков.

Англичане увлекались ими даже тогда, когда в остальной Европе на них еще почти не обращали внимания, и примером этому может служить празднование в Хрустальном дворце в Лондоне в 1859 году дня рождения Шиллера, где бюст этого великого писателя был окружен

тысячами хризантем самых разнообразных форм и цветов, какие тогда только существовали.

В Европе хризантемы являются не столько цветами для букетов и украшений, сколько похоронными. Служа как бы символом безмолвной глубокой печали, они возлагаются, особенно парижанами, на гроб. Сделанные из них венки, просто срезанные цветы, а иногда даже и цветущие растения в горшках расставляются вокруг гроба, кладутся на гроб и на могилу. Такую же роль они часто играют и у итальянцев. Вот почему, вероятно, Мантегацца считает их цветами мертвых и рассказывает об их происхождении такое грустное предание:

«Жила-была много лет тому назад в одном итальянском городке бедная женщина. Муж ее был страшный пьяница, который только и делал, что пропивал то, что зарабатывал, и она одна должна была выбиваться из сил, чтобы добывать хлеб для пропитания. Но у нее было одно утешение, скрашивавшее ее горькую жизнь и дававшее ей силу бороться, — малютка Пьеррино. Она только для него и жила, только им и дышала. Однако злая судьба преследовала ее. Ребенок заболел и умер. В минуту отчаяния несчастная женщина хотела было лишиться себя жизни, но соседки удержали ее. Затем она схватила горячку, ее отвезли в больницу, и два месяца она находилась между жизнью и смертью. Но выздоровела, и постепенно время залечило ее душевную рану.

Она возвратилась к мужу, и опять потянулась горькая, беспросветная жизнь... Не было с нею ее дорогого мальчика, но она жила скорбью, жила воспоминанием об его смерти. И целью ее жизни, всех страстных желаний стала мечта пойти в Воскресенье на его могилку и скопить столько денег, чтобы купить ему железный крест. Она продала для этого свои заветные серьги, продала венчалное кольцо, но денег все не хватало. Этот чудный, покрытый лаком и эмалью крест был ее мечтой. И она работала и работала, копила и копила деньги...

А тем временем каждое Воскресенье, каждый праздник она ходила на дорогую могилку и украшала ее собранными по дороге полевыми цветами, которые, казалось ей, служили общением между нею и душой дорогого ее ребенка.

Но настали холода, и полевые цветы замерзли, на покупку же в магазине цветов у нее не было средств. Она просила продать ей в рассрочку, обещая аккуратно платить, но безжалостные продавцы пожимали только плечами; с той же просьбой она обращалась к богатым людям, но и те тоже не вняли ее мольбам, и с отчаянием в душе шла она на могилку, а оттуда домой.

И вот, возвращаясь однажды домой, она вдруг вспомнила, что у нее на комодке стоит букет искусственных цветов, завещанных ей покойной матерью. Букет этот был подарен матери ее мужем в день свадьбы и приносил ей всю жизнь счастье. А потому, умирая, она передала его своей дочери, наказав беречь и хранить его и никогда никому не отдавать, так как в нем залог счастья.

Вот об этом-то букете бедная женщина и вспомнила теперь и решила, несмотря на просьбу матери никому не отдавать, все-таки снести его на могилку своего дорогого Пьеррино и положить вместо полевых цветов.

Прикрыв букет платком и стыдясь богачей, принесших чудные живые цветы на могилы своих родственников, она донесла его до могилки, положила на нее и, заливаясь слезами, молила у матери прощения, что поступила вопреки ее воле.

Горючими слезами она оросила и букет, и могилку и горячо молилась Творцу, Целителю душевных скорбей и Утешителю всех скорбящих. Молясь, она припадала к земле, и ее распущенные волосы прикрывали почти всю могилку.

И вдруг ее поразило чудо: вся могила была покрыта великолепными, всех цветов живыми хризантемами, и несшийся от них горьковатый запах как бы говорил, что они посвящены

печали и смерти. Кто их посадил сюда, откуда они взялись — несчастная женщина не могла понять, тем более что букет искусственных полинялых цветов лежал между ними...

И с тех пор, — заканчивает свой рассказ Мантегацца, — ежегодно цветут на могиле, вокруг воздвигнутого наконец прекрасного железного креста, эти дивные хризантемы, а бедная мать льет слезы радости, верит и надеется...»

Недавно минуло столетие введения культуры этих цветов в Европе, и юбилей этот был отпразднован роскошнейшим образом, особенно в Париже. Здесь была устроена богатейшая выставка их разновидностей, начиная от самых старых, первоначальных видов и кончая последней новинкой. За выдающиеся по красоте и величине экземпляры назначены были почетные награды, денежные премии и медали — как от различных обществ, так и от Парижа.

Было выставлено более 1.200 выдающихся по красоте цветов, которые были разбиты на группы и, размещенные среди зелени, образовывали замечательно красивый пестрый ковер. Другая же часть хризантем была расставлена в высоких бокалах и представляла собою как бы кайму этого ковра.

Цветы эти принадлежали 80 конкурентам. Самым крупным оказался сорт «Валлис», цветок которого имел 41 сантиметр в диаметре, и ему была присуждена премия 1.200 франков, а самыми красивыми и изящными цветами — «Г-жа Кова дю Террай» и «Г-н Чурч». Им тоже были присуждены очень крупные награды.

Какие только предосторожности ни пришлось принимать, чтобы доставить в полной сохранности эти привезенные со всех концов Европы срезанные цветы, так как малейшая порча цветка, малейший недостаток служили поводом к недопущению его на конкурс. Каждый цветок обертывался в большой лист папиросной бумаги, лепестки его искусно приподымались, а стебель окутывался куском намоченной ваты и прикрывался ради сохранения влажности пергаментной бумагой или гуттаперчей.

Присланные в таком виде экземпляры оказались вполне безупречными. Те же, у которых вата была заменена мхом и которые не были обернуты в пергамент, прибыли большею частью попорченными.

Говоря, однако, об европейских гибридах хризантем, надо признать, что они были чрезвычайно разнообразны в Японии уже и в очень отдаленные времена. Так, еще в вышедшей в Киото в 1496 году книге помещено более ста разновидностей, которые резко отличаются друг от друга и формой цветка, и окраской. Только, к сожалению, окраска цветов описана словами, так как в Японии тогда еще не умели печатать рисунки красками. Тем не менее среди них имеются уже многие, которые теперь считают выведенными в Европе и потому дают им новые названия. Хризантемы эти всегда очень красивы и поэтично названы. Так, одни они называют утренней зарей, вечерним заходом солнца, северным ливнем, туманным утром, другие — львиной гривой, тысячью журавлей, блеском меча...

В заключение скажем, что в настоящее время увлечение любителей и садоводов этим цветком так велико, что, подобно тому, как это делается для роз и орхидей, во Франции издается даже особый, посвященный специально только ему журнал, носящий название «Le Chrysant?me».

«Хризантемы, — говорит о них французский академик Жюль Кларти, — это венец года, цветы без запаха, мрачная окраска которых как нельзя более соответствует печальному времени года, когда они расцветают; это цветы кладбищ, цветы могил!

Дети чужой земли, культивированные нашими садоводами, которые делают из них род садовых медуз с всклокоченными волосами и веющей холодом формой, они сделались, в

ущерб пылкой розе и скромной фиалке, любимцами моды, и любители их теперь так же многочисленны, как и любители орхидей.

Страсть к этим цветам странной, вычурной формы и охлаждение и пренебрежение к изящным являются признаками нашего времени. Мне вполне понятны привлекательность фантастичных форм орхидей и болезненная, если можно так выразиться, прелесть бледно-желтых, светло-коричневых, нежно-фиолетовых и выцветших сиреневых тонов хризантем. Эти торжествующие ныне цветы соответствуют современным настроениям духа многих лиц. То, что просто, ясно, большею частью уже не увлекает в настоящее время. Теперь более необходимы жгучесть, острота в приправе и черствость, холодность для глаз».

1 Под сабельником автор здесь скорее всего подразумевает ирис, которым японцы украшают помещения 5 мая, в национальный праздник День мальчиков.2 В настоящее время цветоводы освоили так называемую управляемую культуру хризантем; создавая для молодых растений укороченный световой день, а если надо, и дополнительное освещение, они стали получать цветение хризантем в любое время.

Цветок грез — мак

Взятие города вольсков

Снотворное действие мака

Сон — друг ночи

Легенда о происхождении мака

Успокоитель души и тела

Злоупотребление опиумом

Курение опиума в Китае

Борьба китайского правительства

Языческие обряды и игры детей

Народные обычаи и поверья

Цветок крови

Кому приходилось бывать на юге России и видеть хлебные поля, усеянные, как огоньками, бесчисленными ярко-красными цветами мака, тот, без сомнения, согласится со мной, что это одна из прелестнейших сельских картин, какую можно себе только представить.

Не мудрено поэтому, что мак-самосейка (*Papaver rhoeas*), как называют в науке этот вид мака, привлекал к себе уже в древности внимание человека.

Уже древнегреческие девушки полюбили его яркие цветы, обрывали их атласистые лепестки и, положив их на образованный согнутыми большим и указательным пальцами левой руки круг, ударяли по ним изо всей силы ладонью. Удар сопровождался более или менее громким шумом, лепесток разрывался, и по силе треска молодые гречанки определяли, как сильно

влюблен в них их возлюбленный.

Игра эта называлась у них игрой в любовь, а самый выдававший, так сказать, сердечную тайну цветок носил название *dylephilon* — любовного шпиона.

От древних греков игра эта перешла сначала к древним римлянам, а от них главным образом к итальянцам, у которых существует и до сих пор. Я говорю «главным образом» потому, что отголоски ее сохранились также и в Германии, где мак поэтому часто называют розой-хлопушкой (*Klatschrose*) и где игра эта также всюду практикуется, но только потеряла уже свое гадательное значение и служит лишь забавой для детей.

Еще более эта игра изменилась во Франции. Здесь дети играют маковыми цветами, не столько употребляя их лепестки в качестве хлопушек, сколько делая из них куколок. Чтобы сделать такую куколку, лепестки мака отгибают книзу и связывают травинкой. Тогда коробочка (головка) мака представляет собой как бы головку и тело куколки, а отвернутые лепестки — ее платье. Куколку эту называют обыкновенно *enfant de coeur*, то есть мальчиком, прислуживающим у римско-католиков за обедней в церкви, так как платье у этих мальчиков бывает большею частью красное.

Другое применение в детских забавах имеют цветы мака во Франции еще в игре, носящей название «петушок или курочка?», где требуется разгадать: содержит ли в себе нераспустившийся еще бутон мака белые или красные лепестки. Если лепестки белые — значит, курочка, если красные — петушок. Отгадать это довольно трудно, так как, по не объясненной еще причине, лепестки в этих бутонах бывают почему-то вначале иногда белые, хотя впоследствии все становятся одинаково красными.

Кроме этих детских забав цветы мака в юго-западных католических странах употребляются для украшения церквей в день Сошествия Св. Духа. Особенно это практикуется во многих местностях Прованса, где маленькие дети, одетые ангелочками, идут в этот день в процессии перед священником, несущим Св. дары, и усыпают маковыми цветами его путь. От этого, вероятно, цветы эти в Провансе носят еще название цветов ангелов.

У нас, в России, хотя цветы мака и не имеют особого значения в церковных празднествах, но церковные главы носят часто название золотых маковок, а Москва за многочисленность своих храмов в старину сопровождалась даже постоянно народным эпитетом «золотые маковки».

Здесь, конечно, название маковок относится более к верхней части головы, которую мы обыкновенно называем «макушкой, маковой»; тем не менее некоторая, вытекающая из сходства маковой головки с нашей головой символика наблюдается и во многих русских поговорках и песнях.

Малороссы, например, так говорят: «Головка, як макивка, а в ней и разуму, як наклано»; или в одной малороссийской песне поется:

«Убыв брата родного, А шурина вирного, Покатылась голова Так, як макивочка».

Символика эта, впрочем, существовала уже и у древних греков, которые называли мак — *kodeion*, а человеческую голову — *kodeia*, и особенно у древних римлян, у которых Нума вместо приносившихся в прежнее время в жертву Юпитеру человеческих голов стал приносить маковые головки.

То же самое случилось и с зверским умиловительным жертвоприношением детских головок богине Мании — призрачному существу, имевшему будто влияние на жизнь детей. Юнием Брутом детские головы были заменены здесь головками чеснока и мака.

Нельзя также обойти молчанием и известный в истории Древнего Рима рассказ о взятии города вольсков¹ — Габий.

Это было в 515 году до н. э., в царствование Тарквиния Гордого. Будучи не в состоянии взять этот город ни голодом, ни приступом, Тарквиний придумал хитрость. Старший сын его, Секст, притворившись, что отец, рассердясь, прогнал его от себя, бежал к габийцам и обещал им помочь в борьбе с отцом. Добродушные и доверчивые габийцы не только поверили этой сказке, но даже имели неосторожность поручить ему начальство над всеми своими войсками. Тогда, заручившись властью, Секст послал тайком к Тарквинию верного своего раба узнать: что ему дальше делать, как поступать?

Когда посланный Секста явился, Тарквиний был в саду. Вместо того, чтобы ответить на предложенные ему Секстом вопросы, он начал быстро ходить по саду и сшибать бывшей у него в руках тросточкой самые высокие головки мака, которым были засажены некоторые клумбы его сада.

Возвратясь к Сексту без всякого ответа, раб рассказал ему только то, что видел. Но Сексту этого было вполне достаточно. Он понял, что отец, сшибая самые высокие головки мака, хотел этим сказать, что Секст должен обезглавить или умертвить всех начальников габийцев. Секст поступил так, и город был взят.

Таким образом, и здесь маковые головки явились символом человеческих голов².

Укажем еще, что маковые цветы играли некоторую роль и у древнеиталийских народов (этрусков, пелазгов и др.). По словам Отто Брунфельса³, они приготавливали из мака разные снадобья и делали из его красных лепестков платье своему богу ада — Дису, или Оркусу, отчего мак получил даже особое латинское название «Orci tunica», то есть одежда Оркуса.

Не от этого ли, спрашивается, древнего обычая сохранился и у нас обычай одевать на сцене дьявола, а за ним и Мефистофеля в ярко-красного цвета плащ?

Переходя опять к Малороссии, скажем, что мак в малороссийских песнях является часто еще символом красоты и молодости.

«Да нема цвита цвитнейшого над макивочку», то есть нет цветка более красивого, чем мак, — говорится в одной песне, а в другой поется:

«А на двори бояре, Як мак процвітає, И хороши и молоденки Коло хаты близенько...»

В некоторых же песнях маковый цвет сравнивается даже с зарей:

«А вже свит світає, Як мак процвітає...»

То есть (заря) день расцветает, как мак цветет.

Таково, собственно, в кратких чертах значение мака как украшающего растения, но гораздо большее значение он имеет в народных поверьях и обрядах как растение, обладающее снотворным действием.

Уже самое его латинское название «papaver», обозначающее в переводе на русский язык настоящая (vera) детская кашка (papa), указывает на знакомство древних с этим действием, так как в древности уже практиковался обычай, который, к прискорбию, и у нас еще практикуется старыми няньками и некоторыми кормилицами — усыплять беспокойных маленьких детей, подбавляя в молоко и вообще в их пищу маковые зерна.

О том, насколько вреден этот способ успокоения детей, нечего и говорить, и всякая любящая мать должна строго следить за кормилицей и нянькой, чтобы они не осмеливались этого

делать, так как иначе ребенок может превратиться в идиота или, по меньшей мере, у него может появиться дрожание суставов или паралич; а в Англии, в Суссексе, был даже случай, что кормилица, желая успокоить не дававшего ей по ночам спать ребенка, дала ему столько макового сиропа, что бедняжка погрузился в такой сон, что более не проснулся, несмотря на всевозможные усилия врачей.

В прежнее время, конечно, об этом вредном действии маковых зерен и не подозревали, а видели в маке только благодетельное, ниспосланное Провидением средство, что яснее всего видно из следующей, сложившейся в средние века поэтической легенды о происхождении мака.

«Дело было первой весной — той весной, когда Господь создавал и тварей, и растения. По Его мановению цветов возникал за цветком, тварь за тварью. Вся земля была ими уже покрыта. Всюду царили радость и согласие. Животные и люди жили друг с другом в полнейшем мире, и с утра до вечера только и раздавалось ликование.

Одно лишь существо не разделяло всеобщей радости, всеобщего счастья и печально бродило по молодой земле — это была ночь. И потому бродила она так печально, что каждое существо на земле имело свою подругу, а она одна лишь оставалась одинокой. К тому же она чувствовала еще, что была единственным существом на земле, к которому остальные приближались с неохотой. Ибо как она ни старалась при помощи звезд, светящихся жучков и других источников света рассеять свой глубокий мрак, все-таки скрывала слишком много красот природы от очарованных глаз новосозданных тварей и тем невольно отталкивала всех от себя. И когда восходящее солнце, озаряя своими чудными лучами, приводило всех в восторг и вызывало всеобщее ликование, она еще тяжелее чувствовала свое одиночество, и еще тяжелее являлось для нее ее собственное существование.

Будучи от природы доброй и любвеобильной, она искала ответ на эту любовь и, не встречая ее, окутывала свою главу в густую вуаль, чтобы проливать в уединении горькие слезы...

Горе это наконец заметили цветы и старались всячески смягчить его и доставить ей, по мере своих слабых сил, возможно большую радость. Но что могли бедняжки предложить ей в утешение, кроме своих чудных красок и своего упоительного благоухания? И вот многие из них стали задерживать свой запах днем и испускать его только ночью. И хотя это утешение было, конечно, ничтожно, но ночь чувствовала себя все-таки уже несколько менее одинокой: разносившийся всюду чудный запах показывал ей, что есть-таки существа, которые сочувствуют ей и хотят утешить ее в тяжелом горе.

Однако утешение это было недостаточным, и ночь, в конце концов, вне себя от горя бросилась к подножию трона Всевышнего и обратилась к Нему с мольбой:

«Всесильный Боже, Ты видишь, как все созданные Тобой существа счастливы и как я одна только брожу без радости, одинокая и никем не любимая на земле, не имея даже существа, которому бы могла поведать свое горе. Светлый день бежит от меня, как я ни стремлюсь к нему всей душой, и так же, как и он, отворачиваются от меня и все остальные существа... Сжался же, Всевышний, надо мной, несчастной, умерь мою скорбь, создай мне товарища, дай мне верного друга и спутника жизни».

Господь улыбнулся, услышав мольбу ночи и, сжалившись над ней, создал сон и дал ей его в товарищи.

Ночь с восторгом приняла этого дорогого друга в свои объятия, и с тех пор началась для нее новая жизнь. Теперь она не только не чувствовала себя более одинокой, но всюду ее встречали с радостью, так как постоянно сопровождающий ее благодетельный сон является любимцем всех живых существ на земле и ожидается с нетерпением как успокоение и отдохновение.

Вскоре к ней присоединились еще новые милые существа: ее и сна дети — сновидения и грезы. Вместе с ночью и сном разлетались они по всей земле и делались всюду такими же желанными гостями, как и их родители.

Не прошло, однако, много времени, как люди, бывшие вначале простодушными и чистосердечными, изменились. Страсти в них пробудились, и в душе их становилось все мрачнее и мрачнее. А так как дети в дурном обществе легко портятся, то и здесь случилось то же: некоторые сновидения, придя в близкое соприкосновение со злыми людьми, сделались легкомысленными, обманчивыми и недружелюбными.

Сон заметил эту перемену в своих детях и хотел было от себя их прогнать, но сестры и братья заступились за них и стали просить его: «Оставь нам провинившихся братьев и сестер, они не так уж скверны, как кажутся; мы обещаем тебе общими силами исправлять их, как только они будут сбиваться с пути».

Отец ответил на просьбу своих добрых детей согласием, и в их сообществе остались и тяжелые, мрачные сновидения, которые, однако, удивительным образом, как показал дальнейший опыт, держатся почти всегда только злых людей, которые как будто их к себе привлекают.

Между тем человечество становилось все хуже и хуже, и жизнь его делалась все тяжелее и тяжелее.

Однажды один из совсем испортившихся людей лежал среди чудной ночи на благоухавшем чудными ароматами лугу. Сон и грезы подступили к нему, но грехи его мешали им подойти. В душе его зародилась страшная мысль — убить своего родного брата. Напрасно брызгал на него сон своим волшебным жезлом капли успокоения, напрасно убаюкивали его своими пестрыми картинками грезы — несчастный все более и более уклонялся от их благодетельного влияния. Тогда сон созвал своих детей и сказал: «Если так, то улетим от него, дети, — он недостоин наших даров!» — и они улетели.

Однако такая небывалая неудача сильно раздражила сон, и, отлетев на далекое расстояние от непокорившегося его влиянию человека, он долго никак не мог успокоиться; особенно же он никак не хотел простить своему волшебному жезлу выказанное им бессилие и в гневе, наконец, воткнул его в землю. Кружившиеся же тем временем вокруг него грезы, играя, увешали этот жезл теми легкими, воздушными, пестрыми образами, которые они хотели навеять на несчастного оттолкнувшего их от себя человека.

Все это видела ночь. Она поняла ошибку сна и, сжалившись над ни в чем не повинным жезлом, вдохнула в него жизнь, чтобы он мог пустить корни. И жезл, сохранив в себе вызывающую сон силу, зазеленел и превратился в растение, а покрывавшие его дары грез превратились в красивые, разнообразно изрезанные листья. Растением этим и был мак».

Иначе рассказывает легенду о происхождении мака в своих сказках Паоло Мантегацца. По его словам, дело было так:

«Однажды Господь сошел на Землю, чтобы узнать, довольна ли она той жизнью, которую Он некогда на нее насадил, и нет ли среди живущих на ней существ обиженных? Земля встретила его с радостью, но указала Ему на несколько явлений, удручающих всех тварей и все растения: во-первых, на необходимость поедать друг друга, вследствие чего вся Земля является как бы громадной бойней, где травоядные пожирают растения, плотоядные — травоядных, а человек — всех и все, будучи в свою очередь уничтожаем, как бы в насмешку, мельчайшими из всех существ — микробами; во-вторых, на смерть, безжалостно уничтожавшую на Земле все, что ни есть дорогого, разрушающую все самые дивные планы и уносящую счастье высшего из созданных Им на Земле существ — человека, который, несмотря на данный ему высокий разум, приравнивается к самым низшим, глупым и

лишенным чувств созданиям; и, наконец, в-третьих — на самое ужасное — на те бесчисленные страдания и на то страшное горе, которые рассеяны всюду на Земле.

На одного веселого и довольного, — сказала Земля, — приходится сотни несчастных; в ответ на одно ликование раздаются сотни рыданий. В страданиях появляется человек на свет и в страданиях, окруженный опечаленными и плачущими, умирает. Да и те немногие, которые могут считать себя счастливыми, вкушая чашу радости, находят скрытым в ней страх перед смертью, а страх — не то же ли страдание?

На первые два указания Господь ответил, что уничтожение существ друг другом и смерть являются необходимым законом усовершенствования и что населяющие Землю существа не а состоянии постигнуть их только по своей близорукости и ограниченности своего разума.

Для Меня, — добавил Он, — все существа мира, начиная от малейших и до громадных, от слабейших и до сильнейших, от глупейших и до умнейших, — только органы, только клеточки одного громадного организма. Они обмениваются друг с другом соками и силами, так что один помогает другому, в одно и то же время и беря и отдавая. Смерть же есть только отдохновение усталых и утомленных и колыбель вновь возникающей жизни.

Что касается до третьего указания Земли, то Господь, тяжело вздохнув, глубоко задумался над ним. Однако не изменил Своего прежнего решения и только сказал: «Твоя правда, Земля, на тебе слишком много горя, но Я вложил в человека искру Моего всемогущества, и он в продолжение тех многих тысячелетий, которые ему предстоит еще просуществовать, научится, как это горе преодолевать и как от него излечиваться. Он желал быть свободным, так пусть же и несет теперь все последствия этой желанной для него свободы».

Но, Господи, — возразила Ему тогда Земля, — прежде чем настанет этот отдаленный день исцеления, окажи же человеку хоть какую-нибудь помощь; дай ему хоть какое-нибудь средство успокоения, чтобы боль не была так тягостна, продолжительна и смертоносна!

Тогда Господь подумал еще немного и дал Земле крошечные зернышки и приказал разбросать их на возделанных полях и вдоль дорог, по которым ходит человек.

Земля разбросала их — и вырос наш мак, который распускает с этих пор свои пестрые, яркие цветы среди хлебных полей, на дорогах и на лугах, где отдыхает человек. Как яркий огонек, блестит он среди желтых хлебных колосьев и зеленеющих растений и приглашает человека сорвать его и воспользоваться целебными болеутоляющими свойствами.

И так успокаивает с этого времени это чудодейственное растение душевные страдания, утишает телесные боли и делает жизнь более сносной...»

Таковы сказания о происхождении мака, возникшие в более близкие к нам времена. Но со снотворным действием макового сока были знакомы, как мы видели, и древние греки, и потому и у них сложилась уже о происхождении мака своя легенда, и у них он играл немаловажную роль в обрядах и обычаях.

Они верили, что он вырос из слез Венеры, которые она проливала, узнав о смерти своего дорогого Адониса, и считали его необходимым атрибутом бога сна — Гипноса и его родного брата, бога смерти — Танатоса. Вследствие этого бог сна изображался у них всегда в виде лежащего или сидящего юноши или ангела с опущенными крыльями, несущего в руках маковые головки. Иногда венком из маковых головок была украшена и его голова. Бога же смерти изображали также в виде юноши с венком из мака, но с черными крыльями, в черном одеянии и гасящего опрокинутый горящий факел.

Точно так же и богиня ночи всегда представлялась у древних обвитой гирляндами маковых цветов — как символ спускающегося на землю в это время покоя-отдохновения, а равно и бог

сновидений - Морфей, даже жилище которого — царство сна — представлялось в их фантазии засаженным маковыми растениями.

Овидий в своих прелестных «Метаморфозах» описывает это жилище так:

«Вход в жилище засажен маковыми цветами и множеством трав, доставляющих ночи усыпляющие соки, которые потом она разносит по всему погруженному во мрак миру... Здесь-то вокруг (Морфея) в тысячах различных видов покоятся там и сям легкие сны, столь же многочисленные, как колосья хлебных полей, как листья в лесах или как песчинки, которые море выбрасывает на берег».

«Когда Морфей, — говорили древние римляне, — хочет кого-либо усыпить или навеять на него приятные грезы, то он прикасается к нему только маковым цветком».

Мак был посвящен также богине жатвы — Церере, так как он рос всегда среди хлебных злаков, которым она и покровительствовала в память о том, что Юпитер дал ей маковых зерен, чтобы доставить ей сон и успокоение от душевных страданий, когда она оплакивала свою похищенную богом ада Плутоном любимую дочь Прозерпину. Из его цветов вместе с хлебными колосьями плели венки, которыми украшали затем ее статуи; цветы подносили ей во время жертвоприношений и, торжественных служб и считали мак вообще столь приятным для этой богини растением, что и самую богиню величали нередко «Меконой», от греческого названия мака — *месоп*, *макоп*. Отсюда, по всей вероятности, произошло и его название «мак». На статуях Церера изображалась всегда с маком в руке.

Наконец, с маком же изображалась и богиня ночного неба — Персефона, разливающая по всей земле сон.

Во всех этих случаях, исключая разве богиню Цереру, мак являлся символом снотворного действия и олицетворял собой сон, а иногда даже и смерть...

Кто был первым, подметившим снотворное действие мака, и кто был первым, начавшим добывать сок из этого растения, — достоверно не известно. Известно только, что приготовленное из мака снотворное зелье имелось уже у древних египтян, которые пользовались им как лекарством и для этого возделывали даже близ города Фив тот же самый вид мака (*Papaver somniferum*), который возделываем и мы; что древние греки ознакомились с его снотворным действием только за 416 лет до н. э.; что у древних римлян пользование этим маковым зельем было уже очень распространено и что сок этот, наконец, уже в древности делился на два сорта: опиум (*oros* — по-гречески сок) и мекониум.

Заметить, впрочем, усыпляющее действие мака было нетрудно — всякий мак, как известно, издает довольно сильный одуряющий запах, от которого можно даже заснуть. Вследствие этого в Германии сложилось поверье, будто тот, кто заснет в маковом поле, заболевает сонной болезнью.

Рассказ о поверье этом мы находим в прекрасном стихотворении известного немецкого поэта Уланда:

«Мне передавали как предостережение, что заснувшего в маковом поле приносили домой погруженного в глубокий, тяжелый сон и что, проснувшись, он сохранял следы как бы легкого сумасшествия: родных и близких он принимал за призраков».

Другой же немецкий поэт, Б. Сигизмунд, так описывает запах, издаваемый маком.

«Сладко благоухание фиалки, чуден запах розы, горяч, как пряное вино, аромат гвоздики, ты же издаешь одуряющий запах, подобный водам реки Леты, уничтожающим воспоминания прожитой жизни».

Курительного значения опиума древние греки и римляне не знали и употребляли его лишь, как и наши современные врачи, в качестве болеутоляющего и усыпительного средства, причем нередко случалось, что от чересчур большой дозы этого лекарства больной умирал. Но особенно часто стали пользоваться опиумом в качестве лекарства в средние века.

В это время Карл Великий в своих капитуляриях приказал даже, чтобы мак возделывался в каждом крестьянском саду и чтобы при платеже податей от каждого двора вносилось по четверику мака. Вследствие этого случаи отравления участились, и притом настолько, что известный средневековый врач Табернемонтанус нашел даже нужным написать целую книгу под заглавием «Magsamensaft» («Сок маковых семян»), где он, указывая на опасность чрезмерного употребления этого наркотического средства, советовал употреблять его лишь в крайних случаях и упрекал еврейских врачей в том, что, увлекаясь быстрой целительностью этого средства, они не думают о страшных последствиях, которые грозят их пациентам.

Опиум продолжает употребляться в медицине и в наше время, но уже более в виде полученного из него химического алкалоида — морфия, открытого в 1804 году ганноверским аптекарем Сертюрнером.

Морфий этот впрыскивают под кожу, чем достигают успокоения самых страшных, мучительных болей. Но и чрезмерное злоупотребление этим средством ведет, как известно, к не менее губительным последствиям, как и злоупотребление опиумом. Увлекающиеся его благодетельным болеутоляющим действием больные начинают так часто его впрыскивать себе, что в конце концов не в состоянии более обойтись без него, ждут его впрыскивания, как горькие пьяницы — водки. Таких увлекающихся морфием людей называют морфинманами.

Результат получается, конечно, самый плачевный. Не говоря уже о серо-зеленом цвете лица, которым эти люди отличаются, их тело покрывается страшными нарывами, умственные их способности постепенно ослабевают и помрачаются, и они умирают, превратившись в полудиотов.

Тем не менее целебное действие этого средства во многих страшных болезнях человечества так чудодейственно, так благодетельно, что нельзя не присоединиться к воспевшему за это мак поэту Сигизмунду и не назвать его вместе с ним божественным целителем и успокоителем всех страждущих душой и телом больных.

Опиум обладает еще одним полезным в некоторых случаях свойством — утишать голод, практическое приложение этого мы встречаем у мусульман во время их строгого поста, известного под названием «рамадан».

Переходя теперь к другому употреблению опиума — к курению, надо сказать, что обычай этот также возник прежде всего в странах мусульманских, и главным образом в Аравии.

Курение это являлось здесь как бы заменой запрещенного в этих странах по закону Магомета употребления вина и вообще всяких спиртных напитков. И вот тут-то можно справедливо сказать, что дьявол был заменен Вельзевулом, так как опиум, прозванный магометанами «маш Алла» — даром Господним, на самом деле по своим губительным последствиям во много раз хуже всякого вина. Курение его за короткое время разрушает здоровье и превращает миллионы людей в полудиотов и рабов своей страсти.

Чтобы понять весь ужас этого страшного яда для интеллекта, надо прочесть стихотворения двух известных английских поэтов — Кольриджа и де Кинсе, попавших во власть этого демонического снадобья, прочесть о той страшной борьбе, которую они вели, чтобы избавиться от его власти, и всех тех мучениях, которые они испытывали от постепенного разрушения их здоровья.

Первоначально приготовлением опиума для курения занимались Турция и частично Аравия,

но потом главным центром его фабрикации сделалась Индия, где коммерческие люди, англичане, поняв всю громадную выгоду торговли этим ядом, стали разводить его в громадном количестве для вывоза в магометанские страны и особенно в Китай, жители которого, вкусив сладости этого курения, увлеклись им чуть не поголовно. Это было незадолго до 1740 года, в правление президента Веллера и полковника Уатсона, имена которых могут «прославиться» в истории введением этой позорнейшей из торговлей после торговли рабами.

Для бедного люда здесь устроены всюду специальные курильни, называемые англичанами опиумными лавочками. Они были волей-неволей разрешены китайским правительством после позорнейшей войны, объявленной ему англичанами за то, что оно, найдя курение опиума губительным для своего народа, хотело было запретить его ввоз. Англичане победили, и китайцам пришлось покориться.

Отличительным признаком такой курильни служит приклеенный у ее входа желтый листок бумаги, служащий для фильтрации опиума. Это и вывеска, и приглашение зайти. Внутренность курильни имеет нечто отталкивающее.

«Представьте себе, — говорит Рамбоссон, — темный, мрачный, сырой, расположенный почти в земле сарай, двери которого заперты, а окна закрыты плотно запирающимися ставнями и единственным освещением которого являются еле мерцающие лампочки для раскуривания опиума. Всюду расставлены переносные постели, покрытые циновками и сделанными из соломы половиками, предназначенными служить для тех курильщиков, которым, для того чтобы предаваться своим грезам, требуется горизонтальное положение. Входя сюда, вы задыхаетесь от едкого, раздражающего горло дыма опиума».

В такой курильне можно всегда встретить десятки курильщиков со стоящими перед ними чашками чая. Одни, с помутневшими глазами и блуждающим взором, кажется, живут в совершенно ином мире, другие, наоборот, отличаются удивительной болтливостью и находятся как бы под влиянием страшного раздражения.

Лица их болезненные, бледные; глаза впалые, окруженные синяками; язык путается, ноги едва двигаются и подкашиваются, как у пьяных. Одни лежат, утоляя время от времени жажду чаем; другие еще кое-как передвигаются, размахивая руками и крича.

Если побыть некоторое время в такой курильне, то можно видеть, как мало-помалу все погружаются в глубокий сон, длящийся, смотря по количеству выкуренного опиума и натуре курильщика, от 2 до 12 часов и сопровождающийся разнообразными сновидениями, смотря опять-таки по натуре и настроению курящего.

Пробуждение от такого сна обыкновенно очень тяжелое: голова, как свинцовая, язык побелевший и опухший, отсутствие аппетита и боль во всем теле.

И вот, как пьяницы чувствуют необходимость опохмелиться, так и курильщики опиума — необходимость нового возбуждения нервов при помощи курения опиума. Он снова закуривает свою трубку и снова проделывает то же самое. И так без конца, как страдающий запоем алкоголик.

В конце концов им овладевает или сумасшедший, как в белой горячке, бред, делающий его настолько опасным, что, например, на острове Яве голландские власти должны были издать указ умерщвлять такого рода опасных для общества курильщиков, или же его поражает паралич и вообще все те страшные последствия, о которых мы сообщали, говоря о морфинистах.

Китайское правительство постоянно боролось и борется с опиумом, хотя доход, приносимый государству курением, очень велик, так как налог взимается с каждой трубки в курильнях.

Покойные богдыхан и богдыханша принимали самые энергичные меры, чтобы победить это зло. Китайские прогрессисты устраивали публичные чтения, писали и ставили пьесы для народа, где в мрачных красках изображали вред опиума и жалкий конец тех людей, которые увлекаются опиумом.

А между тем как красиво, как очаровательно выглядит цветущее поле этого яда! Особенно в Китае.

«Я не мог оторвать глаз, — говорит один видевший такое поле путешественник, — от моря чудных цветов, ярких, как огненные точки, нежно-розовых, бледно-лиловых, нежно-белых.

Никогда в России я не видал такого разнообразия оттенков в цветах мака и никогда у нас эти цветы не бывают так велики и пышны. Я смотрел, и мне казалось, что каждый цветок дышит, живет, смеется. Набежал горячий ветерок — цветы заволновались и выпрямились опять».

И когда он, очарованный таким зрелищем, продолжал смотреть на это прелестное поле, вдруг представилось ему другое зрелище — неприглядной обстановки китайской народной курилки с широкими лавками и бедно одетыми, чуть не в рубище, лежащими на них людьми...

Всем сказанным, однако, не ограничивается еще роль мака в жизни человеческой. Древние народы обратили внимание и на его чрезвычайную плодовитость⁵, и потому он служил у них даже символом плодородия.

Он является постоянным атрибутом Геры (Юноны), богини плодородия и супружества, храм и статуя которой на острове Самос были всегда украшены маковыми головками; и богини жатвы Цереры. Кроме того, с маком изображался Меркурий, который всегда держал его в левой руке.

Иногда также количество зерен в маковой головке служило олицетворением целого города, то есть плодородие мака было символом города, чему, заметим, немало, быть может, способствовала и сама форма маковой коробочки, вырезы которой у верхушки имеют некоторое сходство с зубчатыми стенами древних городов.

Не знаю, сохранилось ли такое символическое значение плодородия за маком в средние века, но в наше время во многих местностях Германии существует обычай, который является некоторым образом его отголоском, — это обычай сыпать в башмаки новобрачной маковые зерна как пожелание, чтобы она не была бездетна.

Отголоски этого встречаются и в наших великорусских, а равно и в белорусских, малороссийских загадках и песнях, где мак нередко является отражением понятия о материнстве. Так, мак часто загадывают таким образом: «Стоиць полка, а у тэй полки сямьсот воевод», или «Пид одним ковпаком 700 казаков». Находящееся здесь число семьсот встречается также нередко в наших свадебных песнях, где им выражается число бояр или сватов, а в некоторых случаях и вся родня.

Кроме того, у нас мак или, лучше сказать, маковое зерно является еще символом всего мельчайшего, незначительного, а собирание мака представляется символом невозможности чего-либо выполнить или вообще громадного затруднения.

Так, например, голодный, желая показать степень голода, говорит: «У меня с самого утра ни маковой росинки во рту не было», и, желая выразить что-либо невыполнимое, что трудно даже сосчитать, говорит: «Как маком усыпано» (усеяно), или «Мак-маком» (мелко, часто, густо).

Немаловажную роль мак играет еще и в языческих религиозных обрядах наших предков.

Таким отголоском является известная малороссийская игра «Мак», представляющая собой обряд посева нашими предками мака или, лучше сказать, вообще всех огородных овощей, их дальнейшего произрастания и, наконец, созревания. Этот обряд являлся чем-то вроде языческого заклинания, имеющего целью получить благоприятные результаты посева мака и других овощей. Игра эта производится так.

Девочки, взявшись за руки (говорит г-н Иванов, давший прекрасное описание этой игры в Купянском уезде), составляют круг, в середине которого одна из играющих садится на землю. Хоровод ходит кругом и поет:

«Соловейчку — сладку, спадку (трескун)! Чы бував же ты в садку, в садку? Чы выдав же ты, як мак сиют? Ой, так-так сиют мак!»

При этом или весь хор, или только одна сидящая девочка показывает жестом, как сеют мак.

Потом, обратясь к сидящей, спрашивают ее: «Пора ли сеять мак?» «Я уже посеяла», — отвечает сидящая. Хоровод снова поет: «Ой, на гори мак» и т. д. Затем спрашивают: «Ты зийшов (взошел), мак?» И, получив утвердительный ответ, опять поют. Наконец, когда на вопрос «поспел ли мак» получают ответ «да, поспел!», тогда все составляющие хоровод девочки бросаются к сидевшей со словами «дай мачку, дай мачку!», а она от них убегает.

В числе сохранившихся у нас старинных языческих обрядов, связанных с маком, надо указать еще на свадебный обычай села Михалкова Минской губернии Мозырского уезда «дзелиць кашу» вечером на следующий день после брачной ночи.

Старшая тетка жениха (как рассказывает г-н Дикарев) подносит каждому на тарелке кашу, приговаривая «Обсылайе князь княгинюб кашею, да не так кашею, як покракою». При раздаче каши поют:

«Колы каша з медом, То оддадим медведзим; А колы з маком, Оддадим собакам; А колы з сытою, Дак возьмем з собою».

Затем выносят из избы стол и ставят его перед порогом; на этом столе ставят водку и закуску и гуляют до поздней ночи.

Обряд этот заимствован, по-видимому, у греков.

Для объяснения смысла приведенной песни г-н Дикарев указывает, что греческая богиня луны Артемида в некоторых областях Греции изображалась медведицей, Эринии (фурии), богини мести, назывались адскими собаками, а Геката (богиня луны в аду), властвовавшая над Эриниями, называлась также по-гречески κίον — собака. Упоминаемый в песне мед наравне с вином входит у греков в состав возлияний богам в честь умерших; принесение же его в жертву Артемиде связано с ней по созвучию слова mel — мед с ее прозвищем melena — темная.

Заметим, кстати, что древние греки имели обыкновение приносить в жертву своим богам таких животных и такие растения, название которых имело созвучие с именем или прозвищем богов или вообще имело к ним какое-либо отношение.

Одно из таких жертвоприношений мака матери Афродите отразилось и в нашем малороссийском обычае призывать Долю (Dole по-гречески «обманщица» — одно из прозвищ Афродиты) 24 ноября, в день Св. Екатерины.

Девушки, собравшись в какую-нибудь хату, варят кашу из пшена и мака и поочередно лезят на ворота, приговаривая: «Доля, ходы до нас вечеряты!» Обряд этот, по словам Дикарева, соответствует греческой «гекатиной» вечере, которую выставляли на перекрестке трех дорог,

да и самое празднование памяти Св. Екатерины совпадает с временем греческих празднеств в честь Гекаты.

Другим оригинальным малороссийским обычаем, также имеющим, по-видимому, отношение к древнегреческим, является обсыпание маком таких мест, где желают парализовать действие ведьм. Такое обсыпание совершается и поныне, и еще недавно в одной из станиц Кубанской области один казак, выйдя рано поутру на свой двор, заметил на снегу рассыпанный мак и следы женских ног. По примерке следы пришлись к ногам соседки, и она была привлечена к суду.

Мак, употребляемый против ведьм, должен быть дикий (мак-самосейка) и освящен на св. Маковия, то есть в день мучеников Маккавеев, 1 августа. Если маком обсыпать дом, то можно быть уверенным, что это защитит его от всяких хитростей и наваждений ведьм.

Переходя теперь к Западной Европе, мы должны сказать, что и здесь, кроме приведенного уже обычая всыпать мак в башмаки новобрачной, существует еще немало других обычаев и поверий, связанных с маком.

Так, в Германии говорят: если в полночь под Рождество стать на перекрестке двух дорог со ступкой, в которую насыпать мак, и три раза ударить в нее пестиком, то в раздающихся глухих звуках можно узнать о событиях наступающего года. А в Познани в рождественский сочельник готовят из мака, молока и хлебных сухарей клецки и едят их, так как существует поверье, что это приносит счастье хозяйству на целый год.

Обычай этот так распространен среди местных крестьян, что в этот вечер нет деревенского дома, где бы не подавалось это кушанье вместе с жареными гусем и свиной. В Нидерзейдлице по этому поводу сложилась даже поговорка: «Сколько клецок, столько и гусят» (подразумевается, будет в следующем году).

Мак же является в Германии еще и средством для заклинания, и в Тюрингии существует сказание, будто благодаря такому заклинанию с маком погибли известные некогда богатые, процветающие там золотиносные россыпи.

Предание это говорит, будто мать одного рудокопа этих россыпей, невинно обвиненного в краже золота и казненного за это, наполнила полкружки маковыми зернами и, отправившись к самому богатому золотом месту, высыпала эти зерна. Высыпая их, она с проклятием пожелала, чтобы все россыпи погибли и оставались без обработки столько лет, сколько было маковых зерен в сосуде. И тотчас же, говорит предание, горные потоки затопили всю местность, и так долго процветавшее горное дело погибло навсегда.

В заключение укажем еще на интересное поверье, существующее во многих местностях Германии, будто мак растет всегда в обилии на полях битв.

Главным основанием этого народного поверья послужила, конечно, красно-красная окраска его цветов. Но на самом деле обилие здесь мака легко объясняется тем, что на этих полях обыкновенно не пускают пастись скот, вследствие чего мак имеет больше времени для вызревания и, рассеивая ежегодно многочисленные семена, со временем чуть не сплошь покрывает эти поля своими ярко-красными цветами.

Народ, однако, говорит: «Это не цветы, это кровь убитых, которая поднимается к нам из земли и, превратившись в кровавые цветы мака, просит нас молиться об упокоении их грешных душ».

Отсюда же, быть может, происходит также и распространенное во Фландрии и Брабанте запугивание детей: не ходить на поля мака, так как цветы его высасывают кровь, а с другой стороны, и даваемое им здесь название «sprokelloem» — «цветы привидений».

Нечто подобное встречаем мы и в следующем интересном кавказском предании.

Случилось это, как рассказывают местные жители, еще в то доброе старое время, когда пророк Магомет являлся правоверным, наставляя их на путь истины и добра.

«Жили в одной сакле в Кабарде брат с сестрой. Брат живой, веселый, а сестра задумчивая, грустная.

И вздумал брат, влюбившись в жившую в соседнем ауле красавицу, жениться. Увез ее оттуда и привез домой.

Сестра встретила ее приветливо, ласково, и стали они вместе жить, но не сошлись характерами. Скоро возненавидела красавица сестру, стала лить по целым дням слезы и объявила наконец мужу, что вместе с ней на свете жить не может.

— Убей меня, молю тебя, — добавила она.

Брат старался всячески уладить дело, убеждал жену, что сестра — милый, хороший человек, что она искренно любит ее, но все напрасно.

Красавица твердила: «Убей меня или ее. Ненавижу ее, пока она живет, дышать свободно не могу...»

Любил брат сестру, но любовь к жене оказалась сильнее.

Мучился, мучился, думал, думал и, наконец, разбудив однажды ночью сестру, повел ее на опушку леса и убил.

Упала со стоном бедная, обливая кровью землю, не произнесла слова обиды.

Тут только понял брат, что сделал.

Душа его проснулась, ужас охватил его, с криком бросился он в лес и начал метаться, как безумный.

Бегал, бегал и, наконец, разбитый усталостью, изнеможенный упал ничком на землю.

Долго лежал он здесь, не зная, был ли то день, была ли то ночь, когда предстал перед ним какой-то святой старец.

Увидев святого человека, убийца исповедался перед ним в своем страшном грехе и, припав к его ногам, молил помочь освободить его душу от тяжелых страданий.

Старец, подумав, сказал: «Грех твой велик, муки нестерпимы, и одно может искупить их — это огненное страдание. Ступай и сделай, что я тебе велю».

Обрадованный брат понял и поспешил исполнить приказание.

Набрал сухих листьев, мху, сучьев, обломков дерева, снес их в одно место, сложил костер, взошел на него, поджег и сгорел в нем дотла. Остались одни только обгорелые кости...

Прошла осень, прошла зима, наступило теплое время, и когда вся земля покрылась ярким ковром зелени и цветов, на месте костра вырос длинный, как бы простирающий к небу листья, стебель конопли, а на опушке леса, на земле, смоченной кровью сестры, заалел крупный красивый мак.

И с той поры носят на местном наречии мак название «кызлана-кан» — девичьей крови, а конопля «джа шлага-кан» — крови юноши.

Правда ли, нет ли это сказание, говорят кабардинцы, конечно одному Богу известно, но скорее всего, правда!..»

1 Вольски — древнее племя в Центральной Италии; в IV в. до н. э. было покорено римлянами. 2 Тот же образ мы встречаем у М. Цветаевой:

В мыслях об ином, инаком, И ненайденном, как клад, Шаг за шагом, мак за маком — Обезглавила весь сад. Так, когда-нибудь, в сухое Лето, поля на краю, Смерть рассеянной рукою Снимет голову — мою. 3 О. Брунфельс (1489 — 1534) — один из первых немецких ботаников, монах и естествоиспытатель, опубликовавший книгу с прекрасными рисунками растений. В его честь названо оранжерейно-комнатное растение из сем. пасленовых — брунфельзия. 4 Четверик — старая русская мера сыпучих тел, 1/8 часть четверти; равен примерно 2 2/15 ведра. 5 Известно, что в каждой маковой головке (коробочке) число семян превышает 30.000 (Прим. авт.). 6 В древнерусских песнях новобрачные, как известно, часто называются князем и княгиней (Прим. авт.). 7 Екатерина соответствует другому греческому прозвищу Афродиты — *aiderinus* — адская Эринния (Прим. авт.).

Цветок императора Вильгельма I, эмблема германского владычества — василек

О чем вещают васильки

Лучший цветок для плетения венков

Почему полюбил император Вильгельм I василек

Счастливое предзнаменование

Поверья, связанные с васильком

Василек в народных обрядах

Происхождение басни Крылова «Василек»

Если мак так украшает хлебные поля нашего юга, то красотой их на севере является василек. Прелестный синий, как южное небо, цветочек этот служит необходимой принадлежностью и верным спутником ржаного поля и почти никогда и нигде в другом месте в диком виде не встречается; а если бы и встретился, то это могло бы служить верным указанием того, что там, где он теперь растет, было некогда хлебное поле или дорога, которая вела к нему.

Такая постоянная связь василька с рожью объясняется тем, что василек — растение не туземное, а был занесен к нам вместе с рожью, родиной которой, как известно, считается примыкающая к Южной России западная часть Азии.

Вследствие этого он, как и рожь, не был известен ни древним египтянам, ни древним грекам, особенно же в первые периоды существования Греции.

Первое его появление в Европе, по-видимому, надо отнести ко временам Плиния-старшего, жившего с 37 по 79 год н. э., когда рожь в Древнем Риме считалась еще за такой хлебный злак, которым можно питаться только в случае крайнего голода. Этот же Плиний, который говорил о васильке как о цветке, употребляемом для плетения венков, сообщает, что во времена Александра Великого он в Греции не был еще известен.

По другим источникам, василек попал в Европу еще позднее, лишь во времена крестовых походов, когда к нам было занесено и другое, вечно сопровождающее рожь сорное растение — куколь. Но против последнего мнения — две древнеримские легенды, ясно свидетельствующие, что василек был прекрасно знаком древним римлянам.

Одна из них сообщает, что цветок этот получил свое название (Cyanus) «цианус»¹ от имени одного прекрасного юноши, который был так увлечен его красотой, что все свое время посвящал плетению из него гирлянд и венков. Юноша этот никогда не покидал полей до тех пор, пока на них оставался хотя бы один из его любимых васильков, и одевался всегда в платье одинакового с ними синего цвета, который его так очаровывал. Флора была его любимой богиней, а из всех ее даров наш цветок был даром, который юношу наиболее увлекал. Впоследствии он был найден мертвым на хлебном поле, окруженный васильками, которые он собирал. Тогда богиня Флора за такое его постоянство и в знак особого к нему своего расположения, за его к ней любовь превратила его тело в василек, и все васильки с этих пор стали называться «цианус».

Другая римская легенда так объясняет причину постоянного нахождения васильков среди хлебных полей.

Когда Церера, богиня жатвы и земледелия, гуляла однажды по хлебным полям и радовалась тому благословию и благодарности, которые ей расточало за них человечество, из гущи колосьев вдруг дался жалобный голос росших там васильков: «О Церера, зачем ты приказала вырасти нам среди твоих хлебных злаков, которые покрывают своими роскошными колосьями всю страну? Сын земли рассчитывает только количество барыша, который ему принесут твои злаки, и не удостаивает нас даже одним благосклонным взглядом! Так дай же и нам такую снабженную колосом вершину, как у поникших от тяжести хлебных колосьев, или же позволь нам расти где-нибудь отдельно, где бы мы могли избавиться от презрительных взглядов человека».

На это богиня ответила дорогим своим цветочкам: «Нет, милые мои дети, не для того я поместила вас среди шумящих хлебных колосьев, чтобы вы приносили какую-либо пользу человечеству; нет, ваше назначение гораздо выше; чем то, которое вы предполагаете и которое предполагает человек: вы должны быть пастырями среди великого народа — колосьев. Поэтому-то вам и не следует, подобно им, шуметь и клониться отягощенной головой к земле, а, наоборот — вы должны свободно и весело цвести и глядеть, как чистый образ тихой радости и твердой веры, вверх, на вечносинее небо — место пребывания божества.

По этой же причине дано вам лазоревое, цвета небесной тверди, пастырское одеяние, чтобы отличить вас как слугителей неба, посланных на землю проповедовать людям веру, а богам — верность.

Имейте только терпение, настанет день жатвы, когда все эти колосья падут под рукою жниц и жнецов, и тогда вы, кажущиеся теперь и заброшенными и одинокими, обратите на себя всеобщее внимание. Жницы будут искать и рвать вас и, свив из вас венки, украсят ими свои головы или же, связав из вас букетики, пришьют их себе на грудь».

Слова эти успокоили обиженных васильков. Исполненные благодарности, они замолкли, и радовались своему выдающемуся положению и своему высокому назначению.

И так продолжают они цвести, как прелестные пастыри, среди волнующегося моря колосьев и вещают людям о милости и благодати неба.

Прелестную старинную легенду о васильках находим мы и у П. Мантегацца.

Однажды небо упрекало растения одного хлебного поля в неблагодарности. «Все, — сказала

оно, — что населяет землю, благодарит меня. Цветы воссылают мне свои благоухания, леса — свой таинственный шепот, птицы — свое пение; только вы стоите, как окаменелые, и упорно молчите, хотя не кто иной, как я, наполняет ваши корни освежающим дождем и заставляет зреть золотистые зерна ваших золотистых колосьев».

«Мы несколько не неблагодарны, — возразили колосья, — мы украшаем землю, твое дитя, вечно волнуемся и качаемся морем зелени, но мы не можем тебе иначе выразить нашей благодарности: у нас нет способа, чтобы вознестись к тебе; дай нам его, и мы будем осыпать тебя ласками и говорить о нашей к тебе любви».

«Хорошо, — сказала небо, — если вы не можете вознестись ко мне, так я сойду к вам».

И вот небо приказало земле вырастить среди колосьев чудные синие цветочки, кусочки его самого. И с тех пор стебли хлебных злаков наклоняются при каждом дуновении ветерка к этим отпрыскам синего неба, ластятся к ним и шепчут им нежные слова любви.

Немецкий поэт Глазер говорит:

«Синий василек! Ты весело киваешь головкой
Среди колосьев жнецу,
Чтобы твои синие
цветочки напоминали ему о небе...»

Научное название василька, как мы уже выше упоминали, *Centaurea cyanus*. Первая половина его производится от греческого мифологического существа — кентавра, изображавшегося в виде лошади с туловищем бородатого человека, несущего в руке зажженный факел.

Один из этих кентавров по имени Хирон, отличавшийся умением лечить целебными травами, нашел, что сок василька, особенно же *Centaurea jacea*, обладает драгоценным свойством заживлять раны, и исцелил им себе нанесенную отравленной стрелой Геркулеса рану. Это послужило поводом назвать растение *Centaurea*.

Что касается второй половины его названия — «*cyanus*», то она по латыни просто обозначает «синий», окраску, которая является характерной для нашего цветка.

Это научное название было дано васильку лишь в XVIII столетии, когда известный шведский ботаник К. Линней впервые привел в порядок всю ботаническую номенклатуру и дал всем известным в это время растениям, согласно их отличительным признакам или историческим данным, имена². У древних же он слыл под общим названием «цианус».

Василек уже издавна считался одним из лучших цветов для плетения венков, и потому спрос на него уже начиная с XVI столетия был так велик, что некоторые предприимчивые садоводы стали его разводить у себя в садах.

Особенно нравился всем его чистый синий цвет. Цвет этот даже побудил мистиков изобразить его символом верности и постоянства. Однако некоторые, вследствие склонности цветков василька переходить иногда в краснину или белеть, считали его, наоборот, примером непостоянства, и даже во многих руководствах того времени «О значении цветов» о нем говорилось: «Тот, чье сердце непостоянно, кто сам не знает, на чем ему остановиться, и мирится с такого рода колебанием, тот пусть носит васильки, так как цветы эти, будучи сини, веселы и обладая способностью переходить в белый цвет, не долго сохраняют свою основную окраску».

Из всех народов Европы наибольшей любовью и популярностью василек пользовался и пользуется у немцев. Особенно же он стал им дорог с тех пор, как сделался любимым цветком императора Вильгельма I и его матери, королевы Луизы. Об этом мы находим в немецком журнале «Садовые домики» следующий рассказ:

«Как всем известно, император Вильгельм I всегда страстно любил цветы, и поэтому в день его рождения весь стол, предназначенный для подносимых ему подарков, постоянно был сплошь уставлен чудными букетами роскошнейших цветов, которые он принимал всегда с наибольшим удовольствием. При этом, однако, среди пышных цветов теплиц и садов никогда не должен был быть забыт и скромный василек, его любимец, напоминавший ему милое, хотя и горькое прошлое. Предпочтение, которое он оказывал этому синенькому полевому цветочку, коренилось в связи с его воспоминанием о своей доброй, незабвенной матери, королеве Луизе, и двумя, самими по себе очень незначительными, относившимися к годам унижения Германии случаями.

Это были тяжелые годы, времена наполеоновских войн, когда Бонапарт, сделавшись повелителем всей Европы, жестоко мстил немецким государям, примкнувшим к коалиции.

Бедная королева Луиза принуждена была бежать из Берлина и укрываться на протяжении двух лет (с 1806 по 1808 год) в Кенигсберге, проводя лето и зиму в небольшом, расположенном близ заставы поместье.

Уединенность жилища, вдали от всяких политических тревожений, благотворно подействовала на разбитые нервы королевы и помогла ей немного успокоиться. Здесь гуляла она со своими детьми в громадном лесу из столетних сосен и старалась внушить им те добрые начала, которые впоследствии сделали из них сердечных, отзывчивых к чужому горю людей.

И вот однажды утром, когда, гуляя, как всегда, со своим сыном, сделавшимся впоследствии императором Вильгельмом I, и своей дочерью, принцессой Шарлоттой, ставшей потом русской императрицей Александрой Федоровной (мать императора Александра II), она хотела уже возвратиться в свой парк, к ней подошла крестьянская девушка, ждавшая ее у ворот с целой корзиной васильков, и предложила купить их.

Желая доставить удовольствие детям, особенно десятилетней принцессе Шарлотте, которая с величайшим удивлением разглядывала невиданные ею до тех пор прелестные синие цветы, королева щедро наградила продавщицу и взяла васильки с собою в парк. Усевшись здесь на скамейку, дети стали разбирать цветы, и принцесса Шарлотта с помощью матери старалась свить себе из них венок.

Дело быстро наладилось, и вскоре венок был готов. Успех этот так обрадовал и взволновал болезненную от природы девочку, что почти всегда бледные щеки ее зарделись ярким румянцем и она вся оживилась. Когда же этот венок был надет ей на голову, то и все остальные дети пришли в восторг, видя, как он шел ей.

Сама по себе эта чрезвычайно скромная, охватившая детей радость влила, однако, глубокое утешение в истомившуюся душу давно уже не видавшей даже проблесков веселья королевы Луизы, и она почувствовала в ней как бы предвестницу близкого окончания своих страданий.

Кто бы мог, конечно, тогда подумать, что эта маленькая, украшенная венком из васильков девочка делается императрицей всероссийской, а стоявший рядом с ней ее юноша-брат — первым императором объединенной Германии? Но предчувствие вкрадывается в нас как-то само собой и каким-то необъяснимым образом заставляет нас предугадывать иногда сокрытое от нас будущее.

Вот и здесь, как бы охваченная каким-то непонятным приливом радости, королева Луиза привлекла к себе на грудь детей своих и крепко их расцеловала, а самый василек сделался с тех пор как для нее, так и для принцессы Шарлотты любимцем, предвестником нового светлого будущего».

В другой раз — это было во время бегства прусского королевского двора в Мемель —

королевская семья должна была остановиться среди дороги из-за того, что от ускоренной езды сломалось колесо у экипажа. Не зная, что делать, королева Луиза в ожидании починки экипажа села с детьми на краю дороги как раз около хлебного поля. Дети жаловались на усталость и сильный голод.

Желая как-нибудь развеселить их, королева начала рвать васильки и плести из них венки; при этом крупные слезы катились у нее по щекам. Заметив это, второй сын ее, Вильгельм (впоследствии германский император), отличавшийся очень мягким сердцем и сильной любовью к матери, начал утешать и обнимать ее. Тронутая этой любовью, королева улыбнулась, ободрилась и, смеясь, надела венок из васильков на голову сына.

Вскоре помощь пришла, экипаж исправили, и королевская семья благополучно избежала плена.

Оба эти случая, как они ни были незначительны, являлись среди тяжелых испытаний как бы проблесками отдаленного счастья и потому остались вечно памятными как для императора Вильгельма, так и для всей остальной королевской семьи.

В народе ходит, наконец, еще третий рассказ о связи ныне царствующего германского дома с васильками.

Рассказывают, будто на одном придворном балу, данном поневоле несчастной королевской четой императору Наполеону и его генералам, королева Луиза появилась без всяких драгоценных украшений, лишь с венком из васильков на голове. И когда французы по поводу этого начали отпускать остроты, то королева заметила:

«Да, господа, все наши драгоценные вещи частью разграблены, частью проданы, чтобы хоть сколько-нибудь помочь нуждам нашей разоренной страны; а наши поля так вами вытоптаны, что даже и полевой цветок является теперь большой редкостью».

Победители не нашлись, что ответить на это, и замолчали.

Прошло много лет, и предчувствия королевы Луизы оправдались. Василек не обманул ее.

Находившаяся в изгнании и угнетении королевская семья была восстановлена в своих правах, а принцесса Шарлотта, выйдя замуж за императора Николая I, из маленькой, незначительной принцессы сделалась, как мы уже говорили, могущественной всероссийской императрицей.

И вот, когда императрица много лет спустя как-то раз проезжала через Кенигсберг, жители этого города, желая ей сделать удовольствие и напомнить о времени, прожитом в его окрестностях, устроили ей торжественную встречу, в которой выдающуюся роль играли васильки. Во главе пришедшей ее приветствовать процессии находились молодые девушки, одетые в белое, с венками васильков, на голове и с корзинками этих цветов в руках. Все здания города были убраны венками и гирляндами из васильков, все памятники обвиты ими, и даже все древки знамен, вывешенных на домах, ими украшены. Самая красивая из девушек поднесла ей чудную корзину этих цветов, а остальные бросали васильки на землю и усыпали ими ее путь.

Императрица была растрогана до слез этим сердечным приемом и высказала свою глубокую благодарность за то, что кенигсбергцы выбрали для ее встречи столь дорогой для нее василек.

О счастливом предзнаменовании василька для королевского прусского дома мы находим еще следующую заметку в записной книжке наследного принца. Фридриха-Вильгельма, которую он вел во время войны с Австрией в 1866 году.

В книжке этой значится при описании битвы при Находе: «Полковник Валькер обратил мое внимание на росшие вокруг нас васильки. Я сорвал один из них и взял с собой для моей жены. Это показалось мне добрым предзнаменованием и должно быть отнесено к числу тех многочисленных случаев, в которых выразилось для нас значение этого цветка».

Вследствие всего вышеописанного этот любимый императором Вильгельмом I цветок сделался в борьбе, разгоревшейся в последние годы в Богемии за преобладание языков³, цветком немецкой партии и считается символом немецких взглядов. А потому даже ношение его в петлице возбуждает в чехах ненависть, и в немецко-богемских журналах то и дело попадаются обидные и даже оскорбительные нападки на всех тех, кто носит васильки.

Но цветок этот играет политическую роль еще и в Бельгии, и во Франции: в первой он является эмблемой свободы, во второй — антисемитизма. В Бельгии горнорабочие нередко украшаются им в дни стачек и свободомыслящие — в дни борьбы с клерикальной партией, а во Франции — антисемиты в дни своих собраний.

С васильками связано немало поверий и в Германии. Вследствие того, что стебель и чашечка василька покрыты беловатыми, похожими на нити плесени волосками, в Померании крестьяне верят, что хлеб плесневеет, если держать в комнатах васильки. С другой стороны, здесь же водяной отвар этих цветов считается прекрасным средством от воспаления глаз.

Впрочем, настой этих цветов на снеговой воде считался в прежнее время главным средством для подкрепления глаз даже и французской медицинской академией и носил название «casse-lunettes» (разбивающий очки), так как предполагалось, что благодаря ему больные глаза настолько укрепляются, что не имеют более нужды в очках. Лечение глаз васильковой водой практикуется и нашими русскими знахарями⁴.

Далее, верят, что васильковое растение, вырванное в день праздника Тела Христова с корнем из земли, останавливает кровотечение из носа, если его держать в руке до тех пор, пока оно не согреется. Осенью же по количеству семян, найденных в плоде василька, считают возможным заключить о цене в будущем году на хлеб. «Сколько семечек, — говорят они, — в плоде василька, столько талеров или грошей принесет мера ржи».

В некоторых местностях Германии пользуются васильками еще для запугивания детей, чтобы они не ходили по хлебным полям и не топтали ржи.

«Если будете рвать васильки, — говорят им, — то ржаной козел схватит вас и убьет рогами». Вместо козла роль пугала играет иногда ржаной волк.

Поверье это идет еще из средних веков, и во Франкфурте-на-Майне в 1343 году, как сообщает Мангардт, на Васильковой улице был даже дом, который носил название «ржаной волк».

В следствие этого иногда и самый василек в деревнях называют козлом (Ziegenbock) и считают олицетворением какого-то полевого лешего или демона. Леший этот, по их поверью, сидит в васильке и, когда жнут хлеб, нападает на ленивых рабочих и работниц, поражая их болезнью. А потому, когда крестьянские девушки идут в первый раз жать, то их предупреждают: «Берегитесь, как бы вас ржаной козел не ударил!» И если какая-либо из них от жара или утомления заболит, то говорят: «Это ржаной козел ее зашиб».

Почти такое же поверье существует в некоторых провинциях Франции. Только там место козла занимает волк, и потому про ленивых рабочих и работниц говорят, что в них засел волк.

Из васильков в прежнее время добывали прекрасную синюю краску, очень похожую на ультрамарин.

Для этого брали не язычковые, окружные цветки василька, а трубчатые, находящиеся посередине цветка, окраска которых темнее, и, положив их в мраморную ступку, выжимали из них сок пестиком и подбавляли в него квасцов, а затем все сливали в чистый сосуд и хранили в нем до употребления. Из язычковых же цветков делали более бледную — голубую краску.

Теперь эта краска вышла из употребления, но зато из васильков делают уксус. Как его готовят, не знаю, но знаю, что это один из наиболее распространенных дешевых сортов уксуса, продающихся у нас в овощных лавках и на рынке.

В заключение скажу, что наше русское название этого цветка «василек» произошло, по словам одного малороссийского сказания, от имени одного молодого парня, единственного сына у матери, Василя, околдованного, будто, и погубленного русалкой. Увлеченный ею в поле, он превратился в синий цветок, напоминавший своей окраской глубокую воду.

Поверье это, как полагает де-Губернатис, ведет свое начало из Византии и имеет большое сходство с сицилийским поверьем о цветке базилике (*Ocimum*), наше простонародное название которого, несомненно происходит от того же корня. Там братья красавицы Избетты убивают молодого человека, в которого она влюблена. Избетта прячет отрубленную голову его под горшком с базиликом, и когда они отнимают у нее и эту голову, то ухаживает за базиликом, уверенная, что в него переселилась душа ее возлюбленного.

Здесь молодой Василь погибает в объятиях русалки, и его душа переселяется в цветок, который с этой поры начинает носить его имя.

Василек играет иногда роль и в некоторых наших народных празднествах, связанных с хлебопашеством.

Так во Владимирской губернии, по словам Сахарова, он участвует в интересном обряде «водить колос» — так называется шествие на засеянные поля, когда около Троицына дня рожь начинает колоситься.

Молодые женщины, девушки и парни, собравшись на окраине деревни, берутся попарно руками, образуя из них крест, и становятся в два ряда, обратясь друг к другу лицом.

Потом по этим рукам, как по мосту, идет вся убранная васильками и лентами маленькая девочка.

Пара, по рукам которой она прошла, спешит забежать вперед и стать в конце ряда, и так процессия подвигается постепенно до самой нивы, до самого места, где растет рожь.

Здесь девочку опускают на землю. Она срывает несколько колосьев, бежит с ними в село и бросает их возле церкви.

Шествие сопровождается пением:

«Пошел колос на ниву, На белую пшеницу, Уродися на лето Рожь с овсом, Со дикушей, со пшеницей».

Другое празднество, где принимает участие василек, носит название «именинного снопа». Оно происходит уже к концу лета, когда рожь, ячмень и пшеница поспели.

Тогда хозяйка с хлебом-солью и сретенской свечой в руках отправляется зажинать ниву. И вот первый сжатый сноп и носит название «именинника».

Хозяйка приносит его в избу и ставит его у божницы, где он и остается до молотбы. Затем его обмолачивают отдельно и, собрав с него зерна, несут их в церковь для освящения; после чего часть их смешивают с семенами, оставленными для засева полей на будущий год, а

часть хранят как целительное средство против разного рода недугов.

В некоторых же малороссийских уездах празднество это происходит несколько иначе.

По окончании жатвы жницы обходят ниву, собирают оставленных случайно несрезанными колосья и вяют из них венок, переплетая его васильками и другими полевыми цветами.

Венок этот надевают на самую красивую девушку и с песнями отправляются на хозяйский, а в прежнее время — на господский двор.

Впереди идет мальчик и несет украшенный васильками и другими цветами именинный сноп.

Подходя к воротам, поют:

«Отопри, хозяин, новы ворота, Несем веночек из чистого золота. Ой, выйди, хозяин, хоть на крылечко, Выкупи, выкупи золотой веночек, Так как веночек этот обвит золотом».

Хозяин, или помещик, выходит на крыльцо, встречает жниц хлебом и солью, угощает обедом и поит водкой.

Венок, свитый из последних колосьев и васильков, и сноп, принесенный мальчиком, передаются хозяину со словами «Дай Боже, чтоб и на тот год уродился хлеб».

Сноп и венок должны простоять в переднем углу под образами до 6-го августа — Спаса Преображения, в этот день их несут в церковь и освящают вместе с хлебом, испеченным из новой ржи, с новыми сотами меда и новыми яблоками и грушами.

Зерна освященных колосьев хранят до будущего посева.

У лужичан⁵ же первый сноп ставят стоймя на воз поверх всех других снопов.

Воз сопровождают жницы, из которых одна несет венок из колосьев, а другая держит в руках васильки и другие полевые цветы.

Василек связан у нас также с именем мученика Вассы. По народному поверью, если сеять рожь в день памяти этого святого, то ее непременно заглушат васильки.

Это, по-видимому, такая же игра созвучия слов, как совет собирать 10-го мая, в день Симона Зилота, лечебные травы — «зелья», если хотят, чтобы они имели особенно целебную силу, искать клады и сеять пшеницу, если хотят, чтобы она уродилась, как «золото».

Не могу, наконец, обойти молчанием прелестную басню Крылова «Василек», в которой наш цветок сыграл некоторую, хотя, быть может, и косвенную, но все-таки историческую роль. Басня эта, как известно посвящена императрице Марии Феодоровне и начинается так:

«В глуши расцветший василек Вдруг захирел, завял до половиныИ, голову склоня на стебелек, Уныло ждал кончины...»

Рассказывают, что когда в 1823 году с Крыловым сделался такой сильный апоплексический удар, что пользовавшие его врачи отчаялись в его выздоровлении, то императрица Мария Феодоровна, питавшая к знаменитому баснописцу всегда большое расположение, прислала ему букет цветов и переселила его для поправления здоровья к себе в Павловск, сказав: «Под моим надзором он скорее поправится».

Такое высочайшее внимание так глубоко тронуло (Крылову в то время было уже 55 лет), что когда он впоследствии действительно совсем поправился, то первой написанной им после тяжелой болезни была басня «Василек», в которой он, выражая свою благодарность,

изобразил императрицу солнцем, а себя — в виде василька, простого дикого цветка, который недостойн того, как это высказывает в басне жук, чтобы солнышко его пригрело. Но тем не менее восклицает он с восторгом в заключение:

«...Солнышко взошло, природу осветило, По царству флорину рассыпало лучи И бедный василек, завянувший в ночи, Небесным взором оживило».

Что касается до букета императрицы, то Крылов бережно его засушил, часто им любовался и завещал, чтобы, когда он умрет, букет этот положили ему в гроб и вместе с ним похоронили, что и было, как говорят, в точности исполнено.

Букет этот, по мнению одних, был весь из полевых цветов, а по мнению других — из тепличных, но в нем находилось несколько васильков, которые, будто, и подали Крылову мысль написать басню «Василек» и изобразить себя под именем этого скромного полевого цветочка.

1 Научное название его *Centaurea cyanus* (василек синий) (Прим. авт.). 2 Карл Линней (1707 — 1778), великий шведский ботаник, создатель системы растительного мира; впервые ввел бинарную номенклатуру, по которой каждое растение имеет название, состоящее из двух слов, первое обозначает род (роза, камелия, дуб), а второе — вид (роза столетняя, камелия китайская, дуб черешчатый). 3 Богемия — официальное название Чехии в составе Австро-Венгрии, куда она входила до 1918 г. 4 В научной медицине василек синий употребляется только в виде легкого мочегонного средства. В народной медицине это растение применяется как желчегонное, мочегонное и потогонное средство: при водянке, желтухе, воспалении почек и мочевого пузыря и простуде. Отвары краевых цветков применяют в виде примочек для глаз. (А.П. Попов «Лекарственные растения в народной медицине», Киев, 1969). 5 Лужицане, или лужицкие сербы — славянская народность в Германии.

Любимец Магомета, эмблема «влюбленных в себя» — нарцисс

История Эхо

Интересные поверья

Праздник цветов в Монре

Увлечение англичан нарциссом

Нарцисс — цветок у нас довольно редкий. Мы встречаем его обыкновенно на Пасху в цветочных магазинах: в корзинах для подарков или в отдельных горшках, а весной — в тех садах, где имеются зимующие в грунте растения; но за границей это — один из излюбленнейших цветов.

Его грациозные белые двойные, снабженные двойным золотисто-желтым и красным бордюром цветы, качающиеся на легком, как у тростника, стебле, чрезвычайно изящны. Продетые в петлицу сюртука, они имеют вид какой-то орденской розетки, и потому в Париже их часто носят любители таких украшений. Они отличаются также очень приятным, несколько напоминающим гиацинт запахом, который имеет немало поклонников и особенно поклонниц.

Научное его название — *Narcissus poeticus*. Первая его половина происходит от греческого глагола «наркао» (одурманить, ошеломить), так как запах его действительно может иногда

вызывать у людей нервных головную боль, а вторая — «поэтический», оттого, что он был так много воспет поэтами всех стран и веков, как ни одно, исключая разве только розу, другое растение.

Сам Магомет сказал про него: «У кого два хлеба, тот пусть продаст один, чтобы купить цветок нарцисса, ибо хлеб — пища для тела, а нарцисс — пища для души». А персидский царь Кир прозвал его «созданием красоты — бессмертною усладой».

Им также восхищались Шекспир, очаровательно описавший его в своей трагедии «Буря», Эдгар По, описавший его как один из цветов той «долины многоцветных трав», где ему удалось испытать райскую любовь. А у Шелли в его «Мимозе» мы находим такое описание:

«Любовью тюльпан и горчанка зажглись, И дивный красавец, влюбленный Нарцисс, Расцвел над ручьем и глядит на себя, Пока не умрет бесконечно любя...»

Причиной такого всеобщего им восхищения являются отчасти сама красота и изящность цветка, а главное, как нам кажется, сложившийся про него еще в глубокой древности миф, сделавший его имя нарицательным; назвать кого-либо «нарциссом», как известно, все равно, что сказать: этот человек влюблен сам в себя.

О происхождении этого мифа древние греки рассказывали следующее:

«У матери всех богов, царицы неба Юноны, была любимая наперсница, горная нимфа по имени Эхо. Ей богиня доверяла все свои сердечные тайны, с нею делилась всеми своими впечатлениями, словом, это был ее ближайший и вернейший друг.

Но Эхо оказалась фальшивой и вероломной. Она находилась в тайных сношениях с мужем Юноны — Юпитером и старалась всячески укрывать все его проделки.

Когда Юпитер отправлялся к товаркам Эхо, горным нимфам, она умела так занять забавными рассказами ревнивую Юнону, что часы пробегали незаметно...

Но однажды Юнона заметила наконец ее хитрость и пришла в такой гнев, что тотчас же лишила ее языка.

"С глаз долой, мерзкая обманщица! — крикнула ей разгневанная мать богов. — Пусть отныне отнимется у тебя язык, которым ты сумела так меня очаровать! Я окажу тебе только одну милость: ты сохранишь способность повторять последний слог слова кричащих тебе о чем-нибудь людей».

И вот с этих пор печальная нимфа Эхо удалилась в лес, где живет и теперь и повторяет последний слог слова или последнее слово речи, с которой мы к ней обращаемся.

Но, живя уединенно в лесу, окруженная скалами, Эхо с трудом переносила одиночество и старалась всячески найти себе кого-нибудь, кто бы ее полюбил.

Однажды лесом проходил цветущий юноша, сын речного бога Кефисса, красавец Нарцисс, которому было предсказано, что он достигнет глубокой старости только в том случае, если никогда не познакомится с собой, никогда не увидит своего лица, что в те времена было нетрудно: никаких зеркал еще не существовало, и видеть себя можно было разве только в спокойной воде.

Увидав Нарцисса, Эхо безумно в него влюбилась и старалась всячески его увлечь. Но Нарцисс не поддавался и оставался совершенно холоден к ее ласкам. Тогда Эхо в отчаянии обратилась с мольбой к богам и просила сжалиться над нею и наказать Нарцисса за такую бесчувственность. И разстроганные боги услышали ее мольбу и наказали его.

Почувствовав однажды сильную жажду, он остановился на краю чистого и спокойного, как зеркало, источника и, нагнувшись, хотел было напиться; но тут в первый раз в жизни увидел свое прелестное изображение и так был пленен его красотой, что влюбился в себя и, будучи не в состоянии ни на минуту оторвать от него более глаз, зачах от любви, зачах и поблек, как цветок.

Однако милосердные боги не дали ему совсем погибнуть, а превратили его в прелестный цветок, который замечательно красив, чудно благоухает и венчик которого так и клонится книзу, как бы желая еще раз полюбоваться собою в воде...»

Овидий так говорит, описывая эту легенду в своих прелестных «Метаморфозах»:

«Он сам собой любит, окаменев от удивления. Навек застыв, как дивное изображение из паросского мрамора, он не наглядится на все, что находит в себе прелестного».

По другому сказанию, у Нарцисса была сестра-близнец, которая так на него походила, что отличить их друг от друга не было никакой возможности, тем более, что она и одевалась одинаково с ним и так же страстно увлекалась охотой. Сестру эту он любил до безумия, но вдруг она умерла.

И вот, оставшись один, чтобы хоть сколько-нибудь утишить свое горе, он стал ходить к источнику и смотреть на свое изображение, которое напоминало ему образ любимой сестры.

Однако, чем больше он в него всматривался, тем тяжелее чувствовал потерю и, наконец, в минуту глубокого отчаяния не выдержал и бросился в воду, как в объятия дорогого ему, бесценного существа...

Немецкий поэт Исидор Ориенталис, глядя на нарцисс, восклицает:

«Эта стройная фигурка, эта чудная головка наклоняется к себе и, блестя вечной красотой, как бы ищет источник».

Вследствие всего этого нарцисс у древних греков был цветком умерших, цветком погибших, и этой эмблемой он является часто в древнегреческой мифологии.

Так, из него плели себе венки фурии — богини мести и возмездия; им забавлялась Прозерпина в то время, как ее похитил Плутон; его же рвала Европа в то время, когда Юпитер, превратившись в белого быка, приблизился к ней и увлек ее на остров Крит...

О существовании нарцисса у древних римлян говорится только у Плиния, который описывает три его вида, и главным образом желтый, родиной которого может считаться юг Европы, особенно Португалия.

Из его цветов римляне плели венки и украшали себя во время пиршеств или при возвращении с войны с победой. Изображение его неоднократно встречается на стенах Помпеи.

Из других древних народов интересовались и до сих пор интересуются им китайцы, у которых этот цветок играет важную роль в новогодних церемониях. Особенно много его разводят в Кантоне, где держат в стеклянных чашках с водой и песком или с небольшими камешками. Помещенная в такие скромные условия, луковица нарцисса дает прекрасные пахучие цветы и цветет долгое время.

На Новый же год цветок этот считается обязательным иметь в каждом доме. Им украшаются алтари богов, его носят во всех торжественных в этот день процессиях.

Из европейских стран восточный нарцисс попал прежде всего в Англию, куда он был

привезен в 1570 году, немного ранее царствования Елизаветы, при которой вошел в большую моду. Прислан он был из Константинополя великому лорду Казначейства, большому любителю цветов, и был разведен им в знаменитом в то время саду его поместья на берегу Темзы. Сад этот особенно славился множеством акклиматизированных в нем растений. Но здесь, конечно, он являлся совершенным чужестранцем, тогда как в Южной Европе он быстро сделался почти родным и рос в садах чуть ли не как туземное растение.

По этой-то причине, несомненно, он и сделался вскоре одним из любимейших в Западной Европе цветов, без которого не может и теперь обойтись почти ни одно торжество. В некоторых же местностях, как, например, в прелестном местечке Монтрё в Швейцарии, устраивается даже ежегодно особый праздник нарциссов.

Праздник этот происходит обыкновенно в одно из первых воскресений мая.

В этот день все местечко преображается. Здания его украшают разноцветными флагами; гирляндами из нарциссов украшают вход в магазины, дома, училища; букеты нарциссов — в руках у всех дам, бутоньерки — в петлицах пиджаков и пальто у всех мужчин; нарциссами убираются конки, экипажи, гривы лошадей, осликов — словом, куда ни киньте взгляд, всюду пестреют нарциссы, и их легкий аромат наполняет не только все улицы, но чувствуется и в кафе, ресторанах, квартирах.

Праздник длится два дня, и центр его - мелодраматическое представление и битва цветов.

В первый день веселится скучающая богатая, не знающая, куда девать время и деньги, буржуазия, причем места на трибунах, откуда смотрят на представление и где происходит битва цветов, стоят от 5 до 20 и более франков; а на другой день веселятся люди с более скромными средствами: приезжие, студенты, приказчики, конторщицы, учителя и рабочие, и место на трибуне можно иметь уже за 1 франк.

Вот как описывает это празднество один из его очевидцев:

«Все трибуны украшены разноцветными флагами и амфитеатром окружают небольшой деревянный помост — сцену, декорированную зеленью и нарциссами. Напротив сцены, перед оркестром — хор молодых девушек в белых платьях. Они стройно исполняют довольно красивую мелодию, несколько, впрочем, однообразную, проходящую лейтмотивом через всю музыкальную часть интермедии «Метаморфоза Нарцисса». Простая, наивная интермедия рассказывает мифологическую историю красавца Нарцисса.

Роль Нарцисса играет артистка парижской комической оперы. Главная суть интермедии, впрочем, в танцах. Танцуют преимущественно дети, их около двухсот — мальчики и девочки от 8-9 лет и старше. Вот группа их высыпала на сцену. Шапочки, костюмы, платьица изображают стебли и лепестки нарциссов. Под управлением строгой дамы — режиссерши, очень похожей на школьную учительницу, дети исполняют пируэты, сплетаются и расплетаются в живописные гирлянды. У них, может быть, нет должной выправки — это школьники из начальных училищ, но в их движениях столько непосредственной детской грации, что публика от души поощряет маленьких артистов дружными аплодисментами.

Нарциссов сменяют более взрослые сирены в зеленоватых кисейных платьицах, затем выступают нимфы, наконец, общий танец, к нему присоединяется группа ребятшек в костюмах швейцарских поселян старинных времен. Мальчики — в коротеньких фраках, в манишках с зелеными галстуками, в соломенных цилиндриках; девочки — в белых длинных платьях с черными фартучками, в капорах и перчатках.

Вид этих ребят настолько потешен, что вызывает дружных хохот публики и столь же дружные аплодисменты. Дети тоже улыбаются, но сейчас же принимают серьезный вид и начинают танцевать, повинувшись указаниям строгой учительницы.

Пестрые костюмы ребят, нарядная публика на трибунах, обилие цветов, тенистые каштаны по ту сторону сцены — все это так красочно, так красиво...

Но вот кончается балет. Аллеи быстро поливают водой, и начинается корсо. Экипажи из цветов, белый слон, карусель, повозки торговцев цветами, кареты — все в нарциссах. Появляются автомобили с нарядными дамами. Публика осыпает их цветами и целым градом конфетти... Шутки, смех, остроты так и сыплются. Битва цветов принимает все более и более оживленного характер. В ней начинает принимать деятельное участие и вся толпа. Нарциссы сыплются с балконов, сыплются из окон, нарциссами забрасывают всех и все. Автомобили и экипажи переполнены цветами и конфетти, которые красиво пестреют в волосах и на костюмах. Веселье захватывает всех, даже флегматичнейших из немцев — немцев из Оберланда. А тем временем торговцы цветами конфетти торгуют так бойко, что товара не хватает и требуется подвозить все новые и новые партии.

И так продолжается до 6 часов вечера. Но в 6 часов, и моментально вокзалы и пристань переполняются народом: все спешат домой — кто в Лозанну, кто в Женеву, кто в Берн, а кто и в горы. Завтра ведь будни, и большинству придется засесть за работу...»

В Германии, в Марке, душистый (белый) нарцисс называют «белой женщиной» и говорят, что он в виде вампира сосет кровь людей. За тонкую же, окружающую цветок красную полосу его зовут «голова долой!»

В гораздо более розовом свете смотрят на него в Восточной Пруссии, где он считается символом весны и счастливого брака. Девушка, выйдя замуж, увозит нарцисс из родительского дома в свой новый дом и тщательно ухаживает за ним и холит его, чтобы он как можно лучше рос и развивался, так как, по поверью, от его красоты зависит и все счастье брака.

Нарцисс считают также талисманом против кровавого поноса и потому летом велят детям носить в кармане его луковицу. Раздавленные же его листья употребляют как средство, заживляющее раны и даже связывающее порванные жилы.

В настоящее время из всех народов особенно увлекаются нарциссами англичане. Они основали даже общество, специально посвятившее себя только культуре этого цветка и выведению его разновидностей, и тратят на эту затею громадные деньги.

Вывести хорошую разновидность нарцисса, как известно, дело далеко не легкое, а главное, оно требует много времени, так как конечного результата ждать надо несколько лет.

Обыкновенно для получения такой разновидности берут две луковицы, окраска цветов которых более всего подходит к намеченной цели, и опыляют искусственно их цветы, т. е. осторожно снимают волосистой кисточкой цветочную пыльцу с цветка одной луковицы и переносят ее на пестик цветка другой. Затем на такие опыленные цветы, во избежание всяких случайностей, надевают кисейные колпачки или мешочки и ждут, пока вызреют семена. Тогда их сеют в ящик с землей и, когда из них разовьются растения, пересаживают в небольшие горшочки.

В таком положении мелкие семенные нарциссы остаются два года. За это время у каждого из них успевают развиться крошечная луковка, но до цветения еще далеко. Чтобы получить цветение, надо пересадить их еще в грядки и ждать три или четыре года.

Вот сколько труда и времени надо положить, чтобы получить разновидность нарцисса. Но и здесь не всегда бывает удача, наоборот, неудавшихся опылений бывает гораздо более, нежели удачных, и приходится делать иногда целые десятки, даже сотни проб, прежде чем получишь желаемое.

Так, несколько лет тому назад все стремления любителей нарциссов были направлены к тому, чтобы получить чисто-белую разновидность, что являлось крайне трудным, так как характерная желто-красная кайма никак не хотела исчезнуть. Тогда принялись за опыты несколько садоводов, и наконец известной фирме братьев Барр удалось вывести эту редкость.

Полученный ими цветок, окрещенный именем одного из основателей этой фирмы Peter Barr, был хотя и не чисто-белого цвета, но обладал таким прелестным бледно-красноватым оттенком, что вызвал среди специалистов всеобщее удивление.

Каждая луковица этой новинки продавалась не менее чем за 500 рублей, а самые крупные стоили даже и дороже.

То же самое случилось и с трубчатым нарциссом с оранжево-красной чашечкой. Сколько пришлось положить трудов и проделать опытов, чтобы получить эту прелестную разновидность! Теперь, конечно, она уже довольно обыкновенна и стоит недорого, но в свое время ее появление положительно произвело среди специалистов сенсацию, и она ценилась чуть не на вес золота.

Словом, в Англии теперь с нарциссами происходит почти то же самое, что было двести лет тому назад с тюльпанами и гиацинтами в Голландии. Особенно безумствуют коллекционеры, которые ради того, чтобы прибавить к своей коллекции какую-нибудь, не имеющуюся еще у других любителей новинку, не жалеют никаких денег и платят иногда за самое ничтожное отклонение от какого-нибудь уже известного сорта бешеные деньги.

Скажем еще, что нарцисс был любимым цветком нашего великого писателя Тургенева, доказательство чего мы находим в оставшемся после него альбоме, куда он имел обыкновение, шутки ради, записывать все то, что ему особенно нравилось. Записи эти он делал неоднократно, и вот в одной из них за 1867 год на вопрос «какой из цветков ему больше всего нравится?» он ответил «Нарцисс». Любопытный альбом этот хранился у недавно умершей Виардо Гарсиа¹.

¹ Полина Виардо-Гарсиа (1812 — 1910) — известная французская певица и композитор, близкий друг И.С.Тургенева.

Увлечение китайцев, эмблема «пламенной любви» — пион

Чудный сад старого Хо-Чи

Награда за любовь к цветам

Дух пиона

Избрание богиней Флорой себе заместительницы

Прелестные разновидности

Пион представляет собой как по красоте своего замечательно крупного, ярко окрашенного цветка, так и по красоте своих изящных вырезных листьев одно из самых красивых наших садовых растений.

В былые времена, когда в наших богатых помещичьих усадьбах обращали особое внимание на отделку цветников в парках, пион был одним из главных их украшений и, зимую в грунте без покрытия в продолжение долгих лет, становился как бы своим родным, туземным растением, достигал необычайно крупных размеров и обильно покрывался роскошнейшими цветами.

Теперь в полной красе и силе пионы встречаются очень редко, разве что в ботанических садах или каких-либо придворных парках, а в садах любителей попадают уже больше молодые, еще не вполне достигшие развития экземпляры.

Под Москвой особенно красивая коллекция пионов хорошо сохранилась в парке Сельскохозяйственного института¹ в Петровском-Разумовском, где во время цветения их (в середине июня или начале июля) засаженная ярко-малиновыми, нежно-розовыми, белыми и палевыми пионами лужайка представляет поистине неподражаемую картину.

Научное свое название «*раеопiа*», по одним сведениям, цветок этот получил от фракийской² местности Пеонии, где один из его видов рос в древности в диком состоянии. По словам же Плиния, он получил его от имени ученика древнегреческого врача Эскулапа Пеона, который производил при его помощи удивительные исцеления и излечил им даже бога ада Плутона от нанесенной ему Геркулесом раны. «Но добыть это растение, — прибавляет Плиний, — было нелегко. Его тщательно оберегал пестрый дятел, который старался выклевать глаза всякому, кто только пытался его сорвать». А потому за ним ходили не иначе как ночью, когда дятел спал.

Греческое же сказание добавляет, что Пеон получил чудесно излечившее Плутона растение с горы Олимпа, из рук матери Аполлона, и что это исцеление возбудило такую зависть в Эскулапе, что он приказал было тайно умертвить Пеона, но что Плутон, в благодарность за оказанную ему помощь, не дал ему погибнуть, а превратил его в пион, который с тех пор и стал носить его имя.

Сверх того, за оказанное Пеоном богам во время Троянской войны исцеление и все искусные врачи стали носить с той поры название Пеоний (*Раеопiи*), а все отличавшиеся высокими целебными силами травы — травами пеоний — *Раеонiае herbae*.

Вообще в древности это растение славилось своими чудодейственными свойствами и считалось одним из чудес творения. Говорили даже, что злые духи исчезают из тех мест, где растет пион, и что даже небольших кусочков его, надетых на нить, обвязанную вокруг шеи, достаточно, чтобы защититься от всякого рода дьявольских наваждений.

Но нигде на свете этот прелестный цветок не пользовался и не пользуется до наших дней такой любовью и таким почетом, как в Небесной империи³.

Здесь он культивируется уже более 1.500 лет и является таким же излюбленным народным цветком, как хризантема у японцев и роза у европейцев. Здесь увлекаются им одинаково и богатый и бедный, и знатный мандарин⁴ и простой крестьянин. Галантный китаец, желая доставить особенное удовольствие молодой девушке, подносит ей пион; жених, желая выразить свою любовь невесте, дарит ей пион; причем, если она его принимает, то тем самым без слов выражает ему согласие на его предложение.

Но сверх того, и самая культура и разведение пионов считаются в Китае занятием благочестивым, покровительствуемым богами, а потому китайцы увлекаются им не менее, чем голландцы культурой своих тюльпанов и гиацинтов, и нередко здесь можно встретить целые сады, засаженные только одними пионами самых разнообразных видов и сортов.

По этой же причине и о происхождении самого цветка сложилось здесь немало разного рода интересных поэтических сказаний, из которых особенно часто рассказывается следующее:

«Жил-был некогда один страстный любитель пионов, некий Хо-Чи. Каких только пионов он ни разводил! Были у него белые, как лебеди, и бланжевые, как солнечный заход, темно- и светло-розовые, ярко- и темно-малиновые; были с гладкими лепестками и с завитыми, душистые и не пахучие... И любовался он ими с утра до вечера и с вечера до утра. Когда цвели его пионы, то сад его становился так прекрасен, что ему мог бы позавидовать сам император.

Но вот однажды проходил мимо сада Чанг-Эй, сын одного знатного мандарина, со своими товарищами, большой грубиян и шалопай. Увидев пионы, он бросился на них с палкой и начал их сшибать и топтать ногами. Старик Хо-Чи плакал, умоляя его оставить цветы в покое, но шалопай не слушал и продолжал ломать их и калечить. Тогда, выйдя наконец из терпения, старик собрал все свои силы, напал в свою очередь на него и, больно исколотив, выгнал из сада.

Исправить, однако, попорченное было уже трудно: цветы были побиты, потоптаны, растения поломаны. Оставалось только ждать, чтобы само время поправило их. И старик сидел и заливался горькими слезами.

Как вдруг откуда ни возьмись появилась прелестная молодая девушка. Она подошла к нему и спросила: «О чем, старичок, ты так горько плачешь? Не плачь, предки мои оставили мне дар оживлять все умершее, принеси мне только немного воды».

Обрадованный старик бросился было за водой, но дорогой, усомнившись, обернулся. И — о чудо! — девушка уже исчезла, но все цветы его ожили и сделались даже во сто раз прекраснее: простые превратились в махровые, одноцветные — в пестрые. На одном кусте были цветы всевозможных сортов, и краски их поражали ни с чем не сравнимой яркостью.

Слух о таком чуде не замедлил распространиться по всей стране, и отовсюду стал стекаться к старику народ, чтобы полюбоваться его так чудесно воскресшими цветами... Но избитый стариком Чанг-Эй, раздосадованный такой удачей, не мог простить нанесенного ему оскорбления и решил во что бы то ни стало отомстить. И вот он оклеветал Хо-Чи и обвинил его в чародействе. Старика схватили, бросили в тюрьму, приговорили к смертной казни и назначили даже день ее исполнения.

А тем временем Чанг-Эй, напившись пьян, отправился опять со своими товарищами в сад старика и принялся было снова топтать и ломать его чудные цветы. Но тут вдруг поднялся сильный ветер; при его порывах все пионы приподнялись и превратились в прелестных молодых девушек, одетых в столь же блестящие платья, как лепестки самых красивых из цветков, и одна из них, обратившись к своим подругам, сказала: «Мы все сестры цветов. Враги так усердно ухаживающего за своими пионами Хо-Чи — наши враги. Соберем силы и вступим с ними в борьбу!»

Тут широкие рукава их платьев замахали, сами платья заколыхались и заколебались, и разразился такой страшный ураган, что небо сделалось черно, как чернила, и яркий день превратился в самую глубокую ночь. Подхваченные ветром товарищи Чанг-Эя ударялись о стволы деревьев, их кололи колючки, шипы и с такой силой хлестали сучья и ветви, что они остались еле живы, а сам Чанг-Эй, подброшенный на громадную высоту, упав в ров с навозом, так сильно расшибся, ударившись о землю, что тут же испустил дух.

Узнав обо всем происшедшем, верховный судья пришел в страшный испуг; он отменил тотчас же смертную казнь, простил старика и отдал строгий приказ: «не смей никогда дотрагиваться ни до одного из цветков в его саду».

А Хо-Чи продолжал мирно жить, ухаживая за своими цветами и благословляя память спасшей его от смерти и воскресившей его цветы чудной богини. Волосы его из седых сделались опять черными, морщины исчезли, а лицо его стало свежо и молодо, как в

отдаленные дни его юности. Во всем чувствовалось влияние его чудесной покровительницы, и он блаженствовал...

И вот однажды, когда он любовался только что распустившимся дивным пионом, вдруг повеяло теплым нежным ветерком, по всему саду распространилось чудное благоухание, и раздались дивные, никогда не слыханные им божественные звуки... Подняв глаза, Хо-Чи увидел свою молодую богиню, которой предшествовали непорочные белые аисты и лазоревого цвета феникс, опускающийся на розовом облаке. «Хо-Чи, — сказала она ему, — ты достиг полного совершенства. Творец вселенной, желая наградить твою беспредельную любовь к цветам, зовет тебя в свои небесные сады, следуй за мной!..»

Хо-Чи вступил на облако и вознесся медленно на небо. А за ним поднялись его хижина и окружавшие ее деревья, цветы, пионы и все, что он любил. И с облака раздался голос:

«Тот, кто любит цветы и охраняет их, увеличивает свое счастье и получит блаженство. А тот, кто обходится с ними дурно и уничтожает их, будет несчастен и подвергнется самым строгим наказаниям!»

Затем облако исчезло среди других облаков, и в воздухе почувствовалось как бы дуновение легкого зефира.

И с этих пор селение, где жил Хо-Чи, стало называться селением праведника, вознесшегося живым на небо, а место, где был его сад, — садом «ста цветов».

Не менее поэтичное сказание сложилось там еще и о «духе пиона».

«Жил некогда, — говорит это сказание, — в одном из отдаленных городов Небесной империи один молодой ученый, который посвящал себя всего изучению культуры пионов.

Живя в одиночестве, только среди своих книг и пионов, он был однажды крайне обрадован посещением одной молодой красивой девушки, которая без всяких приглашений появилась у него на пороге дома и просила дать ей какое-нибудь занятие.

Согласившись с удовольствием на ее просьбу, он со временем был приятно удивлен тем, что она стала для него не только прекрасной служанкой и помощницей по уходу за его пионами, но и отличным товарищем.

Оказалось, что она получила замечательное воспитание, знакома с придворным этикетом, писала, как ученый, была поэтом, живописцем и стала для него верным другом.

Отнесшись сначала к ней лишь с снисхождением, молодой ученый вскоре был положительно пленен как ее грацией, красотой, так и ее познаниями. Она сделалась для него существом необходимым.

Все шло отлично. Молодые люди, видимо, увлеклись друг другом. Она слушалась его во всем беспрекословно, исполняла все его малейшие желания; он любовался ею, даже более того — любил ее.

Но вдруг случилось нечто необычное. Желая, по-видимому, сделать ее своей женой, молодой ученый пригласил к себе жреца и сообщил ей о предстоящем посещении.

Известие это, однако, вместо того, чтобы обрадовать, произвело на нее какое-то удручающее впечатление, и она вдруг куда-то исчезла.

Напрасно звал ее ученый, она не откликалась более на его зов.

Тогда, встревоженный, огорченный, он бросился ее искать и, проходя по одной темной

галерею дома, вдруг заметил ее, проскользнувшую, как тень. Он за ней — она от него.

Наконец нагнал ее, но в тот момент, когда хотел схватить, она вся как-то съежилась, сплюснулась у стены и исчезла в ней, так что стала походить скорее на какой-то рисунок на поверхности стены, и лишь губы ее продолжали двигаться.

— Я вам не отвечала, — шептала эта тень, — когда вы меня звали, потому что я не человеческое существо: я дух пиона. Ваша любовь согревала меня, поддерживала во мне человеческую форму, и для меня было радостью, наслаждением служить вам.

А теперь, когда придет жрец, он осудит вашу любовь ко мне, и потому я не могу более принять свой прежний облик. Я должна возвратиться к цветам. Прощайте, благодарю вас за ваше расположение, благодарю за счастье, которое вы мне дали.

Ученый стоял ошеломленный.

Как ни убеждал он ее, как ни умолял, после этих слов изображение дивной девушки все глубже и глубже погружалось в стену. Краски рисунка, который она теперь собой представляла, становились все бледнее, бледнее и наконец исчезли совсем, не оставив ни малейшего следа...

С этого дня ученому ничто не стало мило на свете. Он забросил свои книги, науку, и только лишь воспоминание при взгляде на пионы о чудном, согревавшем так недолго его жизнь существе, лишь дума о том, что, может быть, в каком-нибудь из них незабвенная девушка и теперь находится, поддерживала его, являлась единственным его утешением в жизни. Любуясь их красотой, он любовался ею, вдыхая их чудный аромат - чувствовал как бы ее близость...»

Не меньшим почетом пользуется пион и у армян — он считается цветком, отгоняющим бесов и исцеляющим бесноватых.

Мнение это сложилось у них на основании предания, будто теща Моисея, которую тревожили бесы, отправилась по совету своего зятя на гору, и там Господь указал ей на пион как на изгоняющее бесов растение.

Вследствие этого, по словам французского фольклориста Роллана, и выкапывание из земли пиона производится у них с особого рода торжественностью. Его не просто вырывают из земли, а за ним отправляется священник с крестом и св. Евангелием и, обращаясь к нему, сначала говорит: «Приветствую тебя, трава», а затем читает над ним пять псалмов и прибавляет: «Благословен Бог, даровавший ради праведного Моисея этому растению целебную силу против всех болезней. Молим Тебя, Господи, дай и нашему растению ту же власть против бесов и болезней».

Такой же славой целительного средства пользовался пион и в Европе в средние века. Тогда его прикладывали к сердцу против удушья и подагры. Да и теперь еще в Швейцарии, в кантоне Аар, его надевают детям от судорог в виде венка из 77 листьев; а если при этом у них прорезаются зубы, то делают из его плодов ожерелье и надевают его на шею. Плоды эти слывут у них за орехи ведьм. При этом сильнее всего действие пиона считается, если его выкапывают из земли в марте и, сверх того, в сумерках.

Кроме того, в Португалии и Дании пиону приписывают способность исцелять также от падучей болезни, которую, как известно, простонародье считает родом беснованья.

Для этого из плодов его делают ожерелье и заставляют носить его на шее в продолжение 40 дней. Для большей же действенности толкут еще ежедневно по одному его плоду и, сделав из него порошок, дают принимать больному вместе с водой. В некоторых местностях Франции

такое ожерелье носит название четок св. Гертруды и считается только тогда целебным, когда плоды пиона смочены святой водой и нанизаны на красную нить иглой, которая еще не была в употреблении.

На языке цветов восточных народов пион обозначает обыкновенно «стыдливость и застенчивость», откуда сложилось, вероятно, и немецкое выражение, когда молодая девушка сконфузилась или покраснела: «она вспыхнула, как пион». Но, с другой стороны, пион служит символом неуклюжести и глупой гордости, о чем у Мантегацца мы находим такую сказку:

«Однажды богиня Флора получила от отца богов Юпитера очень щекотливое, но чрезвычайно важное поручение: отправиться на планету Венеру и усмирить вспыхнувшее там среди цветов восстание. Но, отправляясь в столь дальнее и продолжительное путешествие, она не могла на время своего отсутствия оставить земные цветы без управителя и потому, сойдя с неба, созвала цветы и предложила им выбрать из своей среды временную ей заместительницу или заместителя. На обсуждение этого вопроса она дала 48 часов, по прошествии которых приказала снова собраться и решить выбор голосованием.

Цветы согласились и разбрелись по лесам, долам и горам беседовать о том, кого бы избрать.

Прошло два дня, и, верная своему слову, Флора, усевшись на поросший бархатистым изумрудным мхом пень, стала поджидать, пока соберутся цветы со всей земли.

И вот потянулись дети Флоры отовсюду: из неприступных бездн, из глубоких долин, из дремучих лесов, с гор, из рек, ручьев, озер и морей, одевшись в свои самые свежие, изящные листья и разукрасившись своими самыми красивыми, душистыми цветами. Никогда еще не было столь многочисленного собрания, никогда еще Флоре не приходилось видеть такой чудной картины. Первый раз она видела своих прелестных подданных в полном сборе.

Вскоре все собрались, недоставало одной только розы — той самой, которая с полным правом должна была быть избрана заместительницей богини Флоры.

Все молчали и терпеливо ждали, лишь глупый пион, уверенный в своих достоинствах, мечтал уже о том, что в отсутствие розы он, без сомнения, будет избран в правители.

Наконец появилась чудная, дивная, ни с чем не сравнимая красавица-роза, и все цветы невольно притихли, пораженные ее величием и красотой. Но пион глядел на нее вызывающе. Его налившись, как кровью, красные лепестки пыжились, и, надуваясь изо всей мочи, он старался перещеголять ее своей величиной.

Такая дерзость поразила всех. Все цветы переглядывались удивленно между собой, а сама Флора смотрела на него с едкой усмешкой. Но, не обращая ни на кого внимания, разгоревшись, как огонь, пион самодовольно продолжал смотреть на розу с презрением, на остальные цветы — с гордостью, а на Флору — с выражением твердой уверенности в своей победе...

Наконец наступил момент выборов. Все цветы, как один, подали голос за розу, и остался лишь пристыженный пион, который один кричал: «Не согласен, не согласен!»

Тогда Флора, сняв с головы свой царственный венец, торжественно возложила его на голову розы и затем, обратясь с презрительной улыбкой к пиону, сказала: «Гордый, глупый цветок! Оставайся же в наказание за свое самодовольство и пустоту навсегда таким толстым, надутым, как сегодня, и пусть ни одна бабочка не подарит тебя никогда своим поцелуем, ни одна пчела не возьмет в твоём венчике меду и ни одна девушка не приколет никогда твоего цветка к своей груди!»

И как сказала богиня, так и случилось: пион остался толст и неуклюж и сделался эмблемой пустоты и чванства...»

Разводимый у нас в садах пион встречается в диком состоянии в Швейцарских Альпах, в Италии и Португалии. У нас на юге, например в Крыму, попадает в садах еще очень красивый вид белого сибирского пиона (*P. albiflora*), цветы которого пахнут, как белые нарциссы. Пион этот пользуется большой любовью у монголов и даурцев, которые варят его корень в супе и примешивают в чай его поджаренные семена. У монголов он носит название «дохины», а у русских сибиряков — «белого Марьяна корня»⁵.

Вид этот был привезен в Европу впервые сравнительно поздно — в 1788 году. Чудно пахнущие цветы его очень боятся воды, и потому, если в дождливое время их не прикрывать, они быстро загнивают и чернеют.

Что касается китайского вида, то он носит название древовидного, так как ствол его деревенеет. Китайские писатели не сходятся во мнениях об его происхождении. Одни утверждают, что он был выращен из обыкновенного травянистого вида при помощи особого рода культуры, другие же говорят (и это кажется более достоверным), что он был сначала найден в какой-то провинции Северного Китая, а затем уже перенесен в южные, где его и начали возделывать.

Размножаемый при помощи семян, он дает массу разновидностей, новые сорта которых ценятся нередко на вес золота. Число же его сортов доходит до нескольких сот, многие из которых отличаются замечательно приятным запахом.

До нас, к прискорбию, большинство из них не доходит, так как они отличаются чрезвычайной нежностью, и потому культивировать их в открытом грунте, как наш европейский вид, очень трудно. Когда некоторые из этих редких сортов были привезены в Париж, известный французский садовод Нуазетт платил за них от полутора тысяч франков и до сотни луидоров за экземпляр, но культура их в саду не давала хороших результатов⁶.

1 Ныне — Сельскохозяйственная академия им. К.А.Тимирязева. 2 Фракия — историческая область на востоке Балканского полуострова. 3 Так раньше именовали Китай. 4 Мандарин — название чиновников в феодальном Китае, данное португальцами. 5 Один из видов пиона. 6 Сейчас культуру древовидного пиона успешно осваивают цветоводы многих районов нашей страны, например, они растут в Подмоскowie, в Прибалтике.

Цветок бесстрастия и Маргариты Готье — камелия

История Мари Дюплесси

Амур в царстве льда

Чайная камелия

Поэтическая шутка

Аделина Патти и камелия

Процесс из-за цветка

Камелия, — этот чудный по своей форме, по красоте как бы из воска сделанных лепестков и гладких, блестящих темно-зеленых толстых листьев цветок имееткакой-то безжизненный вид — как бы искусственно сделанного растения.

Он в одно и то же время и прельщает и отталкивает.

Все считают его красивым, но бездушным — эмблемой холодности чувств и черствости, эмблемой тех красивых, но бессердечных женщин, которые, не любя, увлекают, разоряют и губят молодежь и которых потому и называют его именем.

Название это, впрочем, происходит не прямо от цветка, а от героини известного романа А.Дюма-сына «Дама с камелиями».

Кто не читал в молодости этого прелестного произведения? Кто не увлекался его героиней Маргаритой Готье, не восхищался ее героическим самоотверженным поступком, когда, любя всей душой человека, она решается расстаться с ним и бежать лишь для того, чтобы только успокоить его престарелого отца, умолявшего ее не губить будущности сына?

Ее тяжелая, приведшая к могиле болезнь, ее трогательная смерть вдали от любимого человека, на которого ей хотелось хоть раз еще взглянуть, производят на читателя потрясающее впечатление — тем более что в основе романа лежит истинная история, в которой, скажем кстати, наш цветок играл не последнюю роль.

Настоящее имя Маргариты Готье, как известно, Мари Дюплесси. Это была выдающаяся красавица, которой увлекался весь Париж и которую знали даже и люди, не имевшие к ней никакого отношения, — по букету чудных камелий, без которого она никогда не появлялась в дни первых представлений в театрах.

При этом камелии были не всегда одинакового цвета. Двадцать пять дней в месяце они были елые и 5 дней — красные. Какая была тому причина, никто не знал, и она так и осталась тайной, которую Мари Дюплесси унесла с собой в могилу...

Никаких других цветов Мари Дюплесси не любила и никогда не носила. Цветущими же камелиями постоянно были убраны все ее комнаты, а особенно будуар.

Такая постоянная страсть к этим цветам заставила ее поставщицу цветов м-м Баржи назвать ее «La dame aux camélias» (дамой с камелиями) — так окрестил ее и весь светский Париж. Прозвище затем перешло и ко всем богатым красивым женщинам, увлекающим светскую молодежь.

Цветы эти не покинули Мари Дюплесси и после ее смерти. Весь ее гроб был усыпан камелиями и обложен роскошными венками из них. Прелесть и красота этого убранства так подействовала на собравшуюся на похороны многочисленную публику, особенно же на дам, что в продолжение целого года после ее смерти среди богатых парижан даже вошло в моду ездить на Монмартрское кладбище на ее могилу и украшать ее букетами, венками и цветущими кустами камелий. А один из ее друзей, отсутствовавший во время похорон, написал в ее память стихотворение и возложил ей на могилу, окружив гирляндой из дивных красных камелий.

Когда же это увлечение публики стало понемногу охладевать, то оправившийся от страшного потрясения, произведенного на него предсмертным письмом бедной Мари Дюплесси, Арман Дюваль, тот самый юноша, из безнадежной любви к которому она постаралась сократить свою горькую жизнь, покрыл всю ее могилу камелиями.

Могилы эта представляла собой и летом и зимой сплошь усеянный белыми цветами партер камелий, среди которых виднелась только небольшая белая мраморная плита, на которой

было начертано ее имя. Ухаживавшему за могилой садовнику было строго приказано следить за цветами и, как только какие-либо из них увядали, сейчас же, несмотря ни на какую цену, заменять их свежими...

Среди постоянных посетителей этой могилы был, как говорят, и сам Александр Дюма-сын, а написанный им трогательный роман произвел такое сильное впечатление на знаменитого итальянского композитора Верди, что он сочинил на его сюжет известную оперу «Травиата», которая и до сих пор является одной из любимейших во всех странах и почти не сходит со сцены.

О возникновении камелии на земле мы находим у Мантегацца в его сказках о цветах следующий оригинальный фантастический рассказ:

«Однажды бог любви Амур, которому наскучила любовь богинь Олимпа и всех земных женщин, обратился к своей матери Венере с просьбой найти ему существо, которым он мог бы увлечься.

Венера сначала удивилась: как это он не может найти на земле среди такого множества прелестных смертных ни одной, достойной любви, но потом подумав, сказала:

«Ну хорошо, если на земле нет женщины, которая бы тебе могла понравиться, так попробуй, полети в какой-нибудь другой мир, на другую планету».

Мысль эта очень понравилась Амуру, и он недолго думая сейчас же пустился в путь.

Планета, на которую он прилетел, была Сатурн. В минуту, когда он на нее опустился, раздавался хор чудных ангельских голосов. Звуки эти неслись с прелестного прозрачного, синего, как сапфир, озера окруженного со всех сторон высокими, причудливо изрезанными ледяными холмами, берега которого были усыпаны блестящим, как серебро, только что выпавшим снегом.

Нигде не было видно ни ярких цветов, ни зеленых листьев — все бело как снег, и даже росшие тут же на берегу, похожие на папоротники и пальмы растения были точно сделаны из льда и искрились и отливали всеми цветами радуги, как бы осыпанные пылью миллионов мельчайших брильянтов.

Чудные звуки неслись из груди многочисленных сидевших среди ледяных скал красивых женщин. Женщины эти не походили ни на одну из виденных им на земле. Тело их было бело, пушисто, как снег, длинные серебристые волосы ниспадали им до плеч, а светло-голубые глаза блестели, как сапфир.

Амур был поражен. Никогда ничего подобного он не видел. К тому же оригинальные эти существа как будто не замечали даже царившего вокруг них страшного холода.

Странные эти создания пели:

«Хвала Тебе, Господи, великая хвала за то, что Ты дал нам тело из льда. Лед умеряет всякие желания, успокаивает страсти и гасит всякое пламя.

Великая хвала снегу, брату льда. Осанна инею, его сыну, осанна творцу льда, который делает душу прозрачной и задерживает всякое гниение. Осанна врагу смерти!»

Пропев эти строфы, женщины опустили служившие им для аккомпанемента ледяные арфы и устремили свои взоры на Амура, который был так прекрасен, как никто из тех, кого им до сих пор приходилось видеть. Но его чудная красота несколько на них не действовала. Они любовались им, казалось, были им поражены, но не увлекались. Напрасно Амур, схватив колчан своих чудодейственных стрел, начал пускать их в этих прелестных женщин. Он

истратил их все, но ни одна не поразила их сердца: все остались холодны к нему как лед.

Тогда в отчаянии бросился он опять к своей матери Венере, восклицая:

«Мать, мать, куда же ты послала меня? Здесь все из льда: и цветы, и деревья, и даже самые души женщин; они не в состоянии не только любить, но даже и увлекаться. Такое равнодушие заслуживает примерного наказания!..» И от своего бессилия он плакал и рыдал.

Тогда, возмущенная таким, несвойственным женщинам, бездушием Венера воскликнула:

«Ты вполне прав, мой сын, успокойся и не печалься, эти бесчувственные существа недостойны быть женщинами, в наказание пусть они сейчас же сойдут на землю и превратятся в цветы!..»

И вот эти-то прелестные, но бездушные создания и превратились в камелии. Чудные белые, розовые, ярко-красные, они не имеют ни запаха, ни нежности. Ни одна девушка не украшает ими себя, ни один чистый юноша не носит их в бутоньерке...»

Камелия — цветок японский и носит в Японии название «ябу-цуба», а у китайцев «сон-цфа» - «горный чай». Родина ее — острова Кюсю, Сикоку и некоторые провинции Японии, где она растет в виде крупного кустарника или деревца в горах высотой в 800 и более футов¹ над уровнем моря и достигает иногда 10 — 20 футов вышины.

Ее покрытые чудными, вечнозелеными, непадающими листьями ветви употребляются в Японии, по народному обычаю, круглый год для украшения могил на кладбищах. Когда же наступает время ее цветения, в японских храмах устраивают праздник фонарей.

Тогда все могилы покрывают цветущими ветками камелий и начиная с вечера в продолжение всей ночи освещают маленькими фонариками. Праздник этот длится несколько дней, причем в это время в города привозят из деревень срубленные деревья камелий в цвету, как у нас на Рождество елки, и продают их на рынках. Это доставляет значительный доход крестьянам.

Замечательно, что нечто похожее происходит и в некоторых городах Южной Германии, особенно на Рейне, где в день поминовения всех усопших (2 ноября) могилы на кладбищах также освещают ночью зажженными свечками и убирают цветущими в это время цветами. Интересно знать, как перенесся сюда этот древний восточный обычай, цель которого как тут, так и там — показать символически любовь живых к дорогим умершим.

Деревьями и кустарниками камелий засаживают в Японии также и рощи, окружающие храмы, а равно и сады богатых людей, и когда во время цветения эти деревья и кусты покрываются тысячами как из воска сделанных ярко-красных, чисто-белых, розовых и пестрых цветов, то зрелище это не поддается описанию. Особенно же оригинальны те деревья, которые с помощью прививки разных сортов на одном дереве (в чем японцы являются особенно искусными) покрываются цветами всевозможных колеров и оттенков. Культивируемые таким способом камелии зацветают несколько позднее, но зато цветут гораздо дольше.

Камелии — любимый цветок не только Японии, но и Китая. Вследствие этого между странами происходит постоянный обмен и торговля новыми сортами этого растения, и культивированием его в больших масштабах занимаются не только специалисты-садоводы, но и вообще поселяне — у них на ровных местностях можно встретить нередко целые десятины², занятые питомниками маленьких деревцев камелий.

Развитию культуры камелий в этих странах содействует немало и царствующая там, как и у нас мода на окраску и форму цветов камелий: то крупными белыми, то мелкими, то белыми, испещренными красными полосками...

Камелия культивируется здесь не только из-за своих цветов, но также и из-за побочных продуктов. Из ее семян выжимают масло, которое в смеси с маслом лавра и герани идет на приготовление самых тонких японских помад; отвар ее листьев, отличающихся, как и листья чайной камелии (*C. sasanqua*), замечательно приятным запахом, служит прекрасным эликсиром для промывания волос, придающим тот чудный блеск и шелковистость, которыми, как известно, отличаются волосы японок; кора корней употребляется как превосходное лекарство от кровавого поноса, а само твердое дерево идет на вырезку и вытачивание тех мелких изящных вещиц, в изготовлении которых так искусны японцы и китайцы; наконец, старые деревья идут прямо на топливо, как это практикуется, например, в южных провинциях Японии, а особенно в Нагасаки.

В Европу камелия была ввезена в 1738 году иезуитским монахом, патером Иосифом Камелем, жившим долгое время в качестве миссионера на Филиппинских островах; от его-то имени растение и получило свое название.

Привезенные им два первых экземпляра этого растения были проданы большому лондонскому любителю растений лорду Петре, который поспешил перенести эти драгоценные растения в свои теплицы в Сориден-холл. Но садовник его не знал условий жизни этого растения на родине, поместил их в чересчур теплое отделение, и оба деревца погибли. Огорченный неудаче, садовник этот по имени Джон Гордон решил во что бы то ни стало добыть растение, попробовать культивировать его в других условиях. Желание его осуществилось в 1740 году. На этот раз он поместил полученные им экземпляры в холодную оранжерею и получил блестящий результат. Камелия не только хорошо разрослась, но и зацвела. Это была чайная камелия (*Cam. sasanqua*) — та самая, пахучие цветы которой подмешивают в чай для усиления аромата.

По другой версии, привезенные Камелем кусты камелий были поднесены супруге короля испанского Фердинанда V, которая, как и сам король, пришла от цветов в восхищение. Она передала их тотчас же опытному садовнику своего загородного дворца Буен-Ретиро и приказала употребить все усилия, чтобы сохранить это растение и заставить его цвести.

Садовник действительно приложил старания, и вскоре сады Буен-Ретиро наполнились кустами камелий, представлявшими во время цветения дивную картину.

Но король и королева так ревниво оберегали эту новинку, что строжайше запретили вывозить ее за пределы Буен-Ретиро. Такого же мнения придерживались и их наследники, так что прелестный цветок, находясь в дворцовых садах Испании в продолжение более 60 лет, оставался совершенно неизвестным Европе.

Настоящая же декоративная камелия (*C. japonica*) была получена в Европе лишь в конце XVIII столетия.

Это была белая, как серебро, камелия. Первой получившей ее была австрийская императрица Мария-Терезия. Восхищенная этим очаровательным цветком, она показала его мужу, который также нашел его прелестным. Растение было передано в оранжерею и вскоре там очень быстро разрослось.

Первым получившим ее частным лицом был Ван-Кассель, основатель Королевского общества земледелия в Генте, в Бельгии. Но он, долгое время скрывая свое сокровище от всех любителей в своей громадной жаркой теплице, не сумел ни развести ее, ни облагородить.

Более счастливым был другой бельгийский любитель — Ван-Вестен, который довел этот вид камелии до цветения.

Прелестные цветы японской камелии привели всех любителей в неопишуемый восторг, и

теперь каждый старался как-нибудь добыть себе черенок этого дивного растения и выходить его.

О том, какие страшные деньги приходилось платить любителям за эти черенки, нечего и говорить. Богатый булочник в Генте — Мортье, скажем, скупил все, какие только имел возможность приобрести, экземпляры этого растения и, тщательно изучая наилучшие способы прививки, получил несколько замечательных гибридов, из которых особенно выделялась розовая разновидность, получившая название «Maiden blush» (девичья кровь).

С этих пор город Гент сделался поставщиком камелий во все страны Европы и оставался им более 50 лет.

Всеобщее увлечение этим прелестным цветком не замедлило отразиться и в современной литературе.

Славившийся в то время бельгийский поэт Норберт Корнелиссен написал в 1820 году о появлении камелии в Европе поэтическую сказку под игривым названием «О судьбе камелии в Европе, поэтическая шутка».

Действие происходит на Олимпе, где боги отличались не меньшими слабостями и увлечением, чем простые смертные. Амур насплетничал на свою мать Венеру, которая, выйдя из себя, приказала игравшим роль его нянюшек Грациям высечь его за это до крови розгами из роз. Пусть, сказала она у него останется подольше воспоминание о неуместной болтливости.

Узнав о грозившей ему опасности, Амур бросился стремглав к богине Флоре и стал ее умолять или совсем избавить его от такого позорного наказания, или же, по крайней мере, как-нибудь его ослабить. Тогда Флора призвала к себе Зефира (легкий ветер) и приказала ему лететь скорее в Японию и принести оттуда японскую розу.

— Ты узнаешь ее, сказала она, — сейчас же. Ее ветви покрыты прелестными блестящими зелеными как изумруд, листьями; цветы похожи на цвет дикой розы и приятно пахнут; но растение лишено шипов, и тот, кто его рвет, не подвергается опасности исколоть себе руки. Боги ее называли «Anacanthis» (лишенной шипов), а люди — «сасанква» (Sasanqua).

Недолго думая, Зефир пустился в путь и через несколько часов принес требуемое растение. Оно было все обильно покрыто цветами. Когда Флора передала его Грациям как предназначенную для Амура розгу, то они улыбнулись и, придя от него в восхищение, украсили себя его цветами. Но делать нечего, надо было приступить к выполнению наказания, и они наказали так нежно, что на теле Амура не осталось ни малейшей царапины.

Узнав об этом, Венера страшно рассердилась; но что было делать — шалун был все-таки наказан, как она приказала, розгами из роз, но только розы были без шипов. И вот она перенесла весь свой гнев на растение и лишила его свойственного ему чудного запаха и приказала ему расти всегда лишь в Японии.

И с тех пор роза эта оставалась недостижимой ни для Граций, ни для Муз, пока не извлек ее наконец из тяжелого плена иезуит Камель. Привезя ее в Европу, он, однако, не мог вернуть ей уже потерянного запаха, и чудный цветок так и остался навсегда лишенным этого дивного дара богов.

Во Франции камелия появилась в 1780 году и принималась первое время за чайное растение³. Первые же ее экземпляры в цвету были присланы сюда лишь в 1800 году.

Экземпляры эти были получены первой супругой Наполеона I, императрицей Жозефиной, от голландского негодяя и большого любителя цветов Ван-Герда в благодарность за

оказанное покровительство голландской торговле. Одно растение имело красные цветы, другое — белые.

В следующем году тот же Ван-Герд прислал императрице еще больше этих растений в ее любимый ботанический сад в замке Мальмезон, и императрица, увлекавшаяся как истинная любительница редкими растениями, ухаживала за ними и заботилась о них, как о детях. Камелии принялись у нее прекрасно и ежегодно обильно покрывались прелестными цветами.

Несколько лет спустя у садовника Куртона в Париже камелии зацвели так роскошно, что весь город стекался к нему, чтобы их посмотреть. Это были громадные, в 25 футов вышины, деревья; самые крупные из них были подарены ему императрицей, которая не только сама наслаждалась цветением этого растения, но и всегда старалась распространить любовь к нему среди других любителей.

Раздавая, однако, свои камелии любителям, императрица Жозефина берегла тем не менее самые лучшие для себя, и когда после ее смерти продано было согласно ее завещанию, в пользу бедных все ее имущество, находившееся в Мальмезоне, то за камелии было выручено более 20.000 франков, что для того времени представляло сумму очень внушительную.

Большой любительницей и поклонницей камелий была также знаменитая певица Аделина Патти. Сначала она очень увлекалась красными розами и носила их постоянно на голове. Но потом, получив такой громадный успех в «Травиате», изменила розе и осталась верной уже красной камелии.

Она не только любила прикалывать ее себе на грудь и украшать ею свою прическу, но являлась всегда в театр с букетом камелий, а все комнаты ее роскошного помещения во время цветения камелий были нередко убраны целыми цветущими деревьями и кустами этого растения.

Из Франции камелия была перенесена в Германию, но долгое время считалась там большой редкостью, что лучше всего показывает, например, цена букета из камелий, поднесенного принцем Генрихом Прусским своей супруге в день годовщины их бракосочетания. Камелии этого букета, выращенные в теплицах маркграфа Баденского, обошлись по два червонца за штуку.

В середине XIX столетия появились камелии и у нас в России, и прежде всего, конечно, в Петербурге. Особенно увлекалась ими графиня Нессельроде, в теплицах которой был собран их целый лес. Когда камелии эти были в цвету, то посмотреть их отправлялся в теплицы Нессельроде весь высший свет Петербурга.

Вообще цветок этот пользовался у нас первое время большой любовью, и нередко, чтобы украсить им свое бальное платье, прическу или иметь сделанный из них букет, на это удовольствие тратили по 300 — 400 и более рублей в один вечер.

Но самое главное место разведения камелий в Европе — Северная Италия, где в местечке Тремезине на озере Комо можно встретить целые леса этого растения. Их хорошему росту и развитию здесь особенно благоприятствует превосходная местная красно-бурая дерновая почва.

Растущие тут прямо на воздухе в благоприятном климате деревья камелий достигают громадного роста и, покрываясь в баснословном количестве роскошнейшими цветами, представляют для посещающих это местечко туристов одну из прелестнейших картин природы, какую только можно себе представить.

Главное цветение, смотря по погоде, начинается с середины марта или начала апреля и длится до мая. И тогда камелиевые леса бывают так обильно залиты своими цветами, как вишневые сады у нас весной. Размножение камелий производится здесь не только черенками, но и семенами, которые вызревают в этом благодатном климате. Благодаря такому разведению семенами получается всегда масса гибридов, и некоторые из них бывают замечательно красивы.

Кроме того, здесь производится еще другое, оригинальное размножение камелий; при помощи листьев, которые втыкают прямо в землю.

Обыкновенно в других странах такого рода размножение требует довольно долгого времени, но в Тремезине благодаря прекрасному климату и особенной ловкости итальянских садоводов оно подвигается очень быстро.

Кроме получения новых разновидностей камелий при помощи посева случайных семян их можно получить еще, конечно, как у всех растений, при помощи специального перекрестного опыления, — у камелий это особенно легко производить, так как пыльца их имеет свойство необычайно долго сохраняться свежей.

Хаген в Генте, производивший над этим ряд опытов, носил ее в бумажке 65 дней и при опылении получил очень хорошие результаты; опыты показали, что она может сохранить свою силу даже в продолжение двух лет.

Основной окраской камелий, как известно, является белый и ярко-красный цвета, но садоводы, получив все возможные между этими двумя цветами оттенки, не удовольствовались ими и хотели во что бы то ни стало добиться еще желтого и синего цвета. Это им отчасти удалось: желтую камелию привез в 1860 году из Китая английский исследователь Форчун. Сначала эта камелия долгое время не зацветала, но когда зацвела, то оказалась махровой разновидностью *Cam. sasanqua* — и следовательно, по величине цветка далеко уступала японской. Что касается до голубой камелии, то она, несмотря на все попытки, так и осталась в области фантазии.

Благодаря этим разновидностям камелии среди любителей садоводства появилось много ее поклонников — одно время ею стали почти так же увлекаться, как в былое время — тюльпанами. Торговцы, конечно, не преминули воспользоваться этим случаем, чтобы нажиться, и стали торговать как мнимыми новыми разновидностями, так и отводками от них.

Известный французский писатель и в то же время страстный любитель цветоводства Альфонс Карр оставил описание одного процесса, который был в Париже по поводу присланных из Америки одним цветоводом двух таких новых разновидностей камелий, за которые покупатель заглазно, согласно лишь присланному их изображению, обязался уплатить 11.000 франков. Однако, когда пришли экземпляры этих разновидностей и зацвели, то оказалось, что рисунки далеко не соответствуют действительности, и тогда выписавший их садовод отказался уплатить эту громадную сумму. Завязался судебный процесс, но суд стал на сторону американца, и садоводу пришлось иск удовлетворить.

Между тем журналы так много писали об этом и публика так заинтересовалась этими цветами, что когда растения эти в полном цвету были выставлены в зимнем саду в Елисейских полях, то туда, чтобы посмотреть их, устремился весь Париж.

Тогда догадливый садовод удвоил входную плату и стал продавать эти цветы по высокой цене и выручил за них более 4.000 франков, так что все вместе взятое покрыло почти всю уплаченную им по суду сумму.

Другим примером увлечения любителей камелиями может служить история, происшедшая в середине прошлого века с одной разновидностью камелий, приобретенной Вершафельтом⁴ в

Генте за 1.000 франков и носившей название «Королева Виктория».

Чудная разновидность эта имела громадные, в два с половиной вершка⁵ в поперечнике, цветы...

Посмотреть на чудную разновидность приезжали публика и садоводы отовсюду.

И вот Вершафельт, чтобы покрыть свои расходы и в то же время доставить удовольствие любителям, придумал род беспроигрышной лотереи. Он выпустил 10 паев, по 250 франков каждый, причем на каждый пай приходилось по 10 сортов камелий, один из которых был обязательно отводок от разновидности «Королевы Виктории». Эти 10 паев были тотчас же раскуплены. Тогда он выпустил еще 100 таких паев, и они были так же быстро разобраны. Из них 33 были приобретены самим городом Гентом, 60 — бельгийскими садоводами, а остальные разошлись по всему свету. Так что в короткий срок камелия эта доставила владельцу 15.000 франков, причем в его владении остался еще и самый маточный экземпляр.

Многие из разведенных в Европе камелий так здесь прижились, что растут десятки лет прямо в садах, покрываясь ежегодно массой цветков. К числу их принадлежит и знаменитая камелия, растущая в саду загородного дворца короля саксонского близ Дрездена.

Камелия эта была привезена из Японии еще в 1739 году, и вот уже около 175 лет, прикрываемая только слегка на зиму, растет она здесь и ежегодно бывает усыпана массой прелестных цветов. Ствол ее имеет более 2 аршин в обхвате.

1 Фут — единица длины, равен 0.3048 м.² Десятина — 1.45 га.³ Ранее всем хорошо известный чайный куст относили к роду камелий, лишь позже он был выделен в самостоятельный род.⁴ Вершафельт Амброз Колетто Александр (1825 — 1886), бельгийский садовод из Гента, — автор книги о камелиях.⁵ Вершок — старая русская мера длины; равен 4.45 см.

Цветок постоянства, верности, эмблема «майской королевы» — незабудка

«Не забудь меня!»

Сказания о незабудке

Погребение любви

Праздник весны

«Королева мая»

Праздник «майской королевы»

Случай в битве при Альме

«Скоро жимолость в нашем саду зацветет, И опять незабудками сплошь зарастет Мшистый берег над речкой студеной».

Прелестная, с нежно-голубыми, как бирюза, лепестками и ярко-желтой, точно из золота сделанной, серединкой, незабудка — одно из лучших украшений нашей весенней флоры.

Особенно же крупны и ярки бывают так называемые болотные незабудки, растущие на сырых лугах и по берегам канав. Букет из таких чудных незабудок замечательно красив, а если его развязать и разложить в виде венка на глубокой тарелке с водой, то прелесть цветов еще более увеличится.

В таком виде незабудки очень долговечны: если менять в тарелке воду, то они могут сохраняться совершенно свежими и роскошно цветущими по целым неделям.

Свое странное научное название «Myosotis», обозначающее в переводе на русский язык «мышинное ушко», этот прелестный цветок получил за свои покрытые волосками листья, которые, развертываясь из почки, действительно сначала имеют некоторое сходство с ухом мыши.

О возникновении незабудки сложилась очень поэтическая древнегреческая легенда.

«Ликас и Эгле были самой красивой парочкой из всех пастухов и пастушек Аркадии, а их любовь и верность на побережье реки Алфея вошли даже в поговорку. Но вот однажды Ликас получает строгое приказание от отца немедленно воротиться домой и вступить в наследство, оставленное ему умершим дядей.

Тогда у бедной Эгле зарождается опасение: как бы Ликас, разбогатев, не изменил ей и, увлекшись какой-нибудь городской красавицей (об их умении влюблять в себя так много рассказывали бывавшие там старые пастухи), не бросил ее. Но она не решается открыть свое опасение и предостеречь его, так как боится обидеть своей недоверчивостью, а между тем сердце ее разрывается от горя...

Настает минута разлуки. Ликас крепко жмет руку Эгле и нежно ее обнимает. Взволнованная до глубины души Эгле не может воздержаться от слез, и несколько крупных капель из ее чудных светло-синих глаз катятся на лежащую у ног траву... И — о чудо! Каждая из этих слез превращается в такой же голубой, как и глаза, цветок. Это были первые незабудки. Эгле постепенно срывает их и молча передает своему возлюбленному, но Ликасу смысл их ясен, и он называет их «не забудь меня».

Так и одно немецкое предание сообщает, что незабудка возникла из слез невесты, пролитых при расставании с женихом. Видя, как это растение выросло и расцвело, они назвали его «незабудкой» и дали себе слово всюду, где бы ни встретили его, срывать и хранить как память об их взаимной любви.

О действии этого цветка на сердца влюбленных Гете говорит: «Когда она срывает голубенький цветочек и говорит: «Не забудь меня», то я чувствую это и вдалеке. А если у меня сердце разрывается, то только говорю: «Не забудь меня», — и тогда как бы вновь оживаю».

Другая легенда, по одному варианту, говорит, что «незабудкой» назвал это растение сам Господь, так как оно забыло свое первое, данное ему при создании имя. Об этом одно немецкое стихотворение рассказывает так:

«Когда Господь однажды сотворил цветы, и все они, следуя его зову, собрались в своем пестром одеянии и спросили, низко кланяясь, какие будут их имена, то Господь дал каждому из них свое название и приказал хорошенько его запомнить.

Но не успел Господь это сказать, как вернулся один из маленьких цветочков и со слезами на глазах воскликнул: «Господи, в таком большом собрании я забыл свое имя». Тогда, взглянув на него, Господь ласково сказал: «Не забудь меня!»

По другому варианту сообщается следующее: «Когда Господь создал мир и дал название

всем творениям, то случайно забыл назвать один маленький цветочек, росший на берегах ручья. Тогда забытый цветочек приблизился к трону Всесильного и попросил и его не забыть в Его любви и также дать ему название. На это любвеобильный Господь отвечал: «Тебя Я не забуду, не забудь ты Меня. Пусть отныне имя твое будет «незабудка».

И вот теперь, когда два любящих друг друга сердца расстанутся, то на прощание они дарят друг другу незабудку.

В одном австрийском сказании говорится:

«Много лет тому назад пошли жених с невестой погулять по берегу Дуная. Вдруг молодая девушка увидела на краю крутого берега неизвестный ей до того времени прелестный цветочек и выразила желание достать его. Молодой человек сейчас же нагнулся и сорвал цветочек, но в то время как он поднимался, нога его как-то скользнула, и он, сорвавшись, упал в реку. Место оказалось глубоким, а помощи никакой.

Напрасно несчастная девушка выбивалась из сил, призывая на помощь, а юноша боролся с течением, стараясь держаться на воде, — никто не откликнулся. Вынырнув еще раз из воды, он успел только крикнуть своей возлюбленной: «Не забудь меня!» — и пошел ко дну. Когда же несколько дней спустя нашли его тело, то в судорожно сжатых пальцах находилось злополучное растение.

Молодая девушка, горько оплакав, похоронила жениха и на могиле его посадила это растение, которое с тех пор и получило название, составленное из последних слов безвременного погибшего в волнах юноши». Эта история и послужила темой для известного стихотворения немецкого поэта фон-Платена¹.

Наконец, в одном старинном германском предании говорится по поводу названия этого цветочка следующее: «Жили-были некогда в одном лесу мальчик с девочкой. Жили они в уединении в самой его глуши, играли постоянно вместе и крепко полюбили друг друга. Когда же они выросли, мальчик, теперь уже юноша, вздумал пойти посмотреть мир.

С грустью проводила девушка своего друга детства через высокий буковый лес, мимо печально поникшей головкой фиалки, мимо веселого цветка боярышника на самую его опушку.

Там они увидели вдруг темно-голубой, похожий большие синие глаза, цветочек, и в горести, разлуки каждый из них сорвал по цветку и передал друг другу на память, убеждая помнить друг о друге и срывать его каждый раз, как он им встретится, в знак того, что не забыли друг друга.

Как обещали, так и исполнили.

Прошли годы, долгие годы. Он все еще не возвращался, а она, состарившись, превратилась уже в седую бабушку. Наступила весна, и она снова отправилась через высокий буковый лес мимо печальной фиалки и веселого боярышника на опушку и вдруг совершенно неожиданно встретилась там с каким-то старичком, таким же седым, как и она.

Они были друг другу незнакомы; но на опушке рос голубой цветочек. Оба они наклонились, чтобы сорвать его, их старые руки встретились, и оба старика, заливаясь слезами, узнали друг друга, узнали, что, несмотря на столько протекших лет, они остались верны друг другу и не забыли данного обещания».

Вот с этих пор наш маленький синий цветок и получил, как говорят, свое название.

Таков целый ряд сказаний о происхождении названия этого прелестного цветка, но вернее

всего он получил имя от своего чудного синего цвета, напоминающего цвет бесконечного небесного свода, среди которого мистически настроенный ум верующего старался всегда отыскать место будущего обитания своей бессмертной души: не нужно забывать, что в человеке вечно жива мысль о бессмертии — как исполнению величайшего обещания, которое вложено в его сердце Творцом. Исполнения этого обещания он ждет и никогда о нем не забывает. Этим-то, мне кажется, лучше всего объясняется даже и то интересное обстоятельство, что цветок носит у всех христианских народов одно общее название — «незабудка».

Замечательно поэтично еще одно сказание о незабудке — персидское, повествующее о том, как однажды утром один ангел сидел плача у врат рая, откуда он был изгнан за то, что полюбил дочь земли.

Он увидел эту девушку в первый раз на берегу реки, когда она убирала свои чудные волосы незабудками, полюбил ее и не мог более с ней расстаться. И вот теперь в наказание за то, что отдал ей свое сердце, он был удален из рая до тех пор, пока эта дочь земли не рассадит незабудки во всех уголках мира.

Задача была нелегкая, но, проникнутая сильной любовью, девушка согласилась ее исполнить.

В продолжение многих лет, во всякую погоду, во всех климатах, день и ночь бродила она по земному шару, рассаживая этот милый цветочек.

Когда же задача была исполнена, оба появились снова перед вратами рая, и врата перед ними не закрылись: она, хоть и смертная, была принята без смерти. «Так как, — сказал страж обители небесной, — ее любовь была выше желания жить, и к тому же тот, которому она отдалась всей душой, был ангел, а любовь к небесному сохраняет от порчи земной. Пусть же, — добавил он, — вкусит она сладостей небесных, величайшая из которых — самоотверженная любовь».

В немецких народных поверьях незабудка играет также роль, приписываемую и многим другим цветам: она находит клады.

Когда ребенку, слуге или рыцарю случится найти его на дороге, то стоит им только подойти к ближайшей скале и дотронуться до нее найденным цветком, как она мгновенно разверзается, и перед их удивленным взором предстает чудная пещера, вся усыпанная золотом, драгоценными камнями и разными другими сокровищами. Оттуда таинственный голос говорит, что все это можно взять — это собственность обладателя цветка, но нужно не забыть только взять самое лучшее, а это и есть сорванная незабудка.

Но жадный до золота человек обыкновенно старается только как можно больше набить себе карманы золотом и драгоценностями и, опьяненный неожиданным богатством, выходит, упустив из виду сделанное ему предостережение.

«Смотри, не забудь самого лучшего», — повторяет таинственный голос в минуту выхода его из пещеры. И тут только вспоминает он о допущенном промахе и, схватившись за голову, спешит вернуться в пещеру. Но уже поздно: скала смыкается, и от входа в пещеру не остается и следа. А между тем последствия этого непослушания, невнимания к словам таинственного голоса не замедляют обнаружиться: вместо золота из карманов сыплется сор, а вместо драгоценных камней валяются голыши...

В Штирии до сих пор существует суеверный обычай заговаривать при помощи незабудки душевную скорбь.

Если влюбленному юноше, говорится в одном старинном альманахе, почему-либо нельзя

жениться на любимой девушке, а между тем любовь эта так сильна, что он не в состоянии ее перенести, то горю этому может помочь незабудка. Стоит ему только вечером, при заходе солнца, в день Иоанна Крестителя взять локон любимой девушки, подаренный ею засушенный цветок (большею частью, конечно, незабудку) или вообще какую-нибудь подаренную ею на память вещь и, разрыв землю гвоздем от гроба, закопать туда эту вещь, приговаривая: «Любовь, я держу тебя и зарываю. Удались из моего сердца вместе с верностью и горем».

Обыкновенно таким образом погребенная любовь, говорит далее этот альманах, проходит быстро и оставляет сердце в покое. Нередко, однако, в лесу на том месте, где она была погребена, вырастает незабудка. Тогда это дурное предзнаменование. Это значит, что любовь была плохо погребена.

По распространенному же в Южной Германии поверью, незабудки вырастают также на могилах некрещенных детей, как бы напоминая или, лучше сказать, упрекая родителей в том, что они забыли исполнить этот необходимый для всякого человека обряд.

Говорят также, что цветы появились и на могильных холмах, под которыми были погребены воины, убитые в битве при Лютцене во время Тридцатилетней войны, и что и тут цветы эти просили оставшихся в живых не забывать молиться за погребенных.

Затем незабудка считается также во многих местностях Германии волшебным цветком, при помощи которого можно узнать имя суженого или суженой. Для этого нужно только не искать незабудку, а воспользоваться случайно попавшейся на дороге. Такую незабудку кладут на голое тело под мышку и, не говоря ни слова, идут домой. И вот имя первого попавшегося в это-то время на дороге или перекрестке мужчины или женщины и будет представлять собой имя суженого или суженой.

В средние века незабудке придавали еще и некоторое религиозное значение. Ее название должно было служить постоянным напоминанием о Боге. Мысль эта особенно часто получала свое символическое, выражение на сделанных из дерева вырезках, изображающих небесное око, окруженное венком из незабудок с надписью: «Помни обо мне».

Вообще в этом небольшом темно-голубом цветочке, по-видимому, заключается та притягательная сила, от которой не в состоянии отделаться ни один склонный к сентиментализму человек. Это цветок тоски, образец верной любви между мужем и женою, и потому в старинной песне поется:

«Вот синий цветочек, его зовут незабудкой. Этот цветочек положи к сердцу и думай обо мне. Если погибнет он, то погибнет и надежда, а мы так полны любовью, что, поверь мне, она никогда во мне не умрет».

Вследствие всего этого незабудка пользуется вообще большою любовью немецкого народа, и во многих местностях Германии в народных училищах существует обычай отправляться весной всей школой в лес за незабудками.

Обыкновенно в этот день занятия в школах продолжаются только до полудня, а затем вся детвора с шумом и песнями отправляется под руководством учителя в ближайший лес, в котором особенно обильно растут незабудки. Прибыв туда, каждый мальчик и каждая девочка стараются набрать как можно больший букет этих цветов и украсить ими себе волосы, шапки и одежду.

Весь день проводится в пении и играх, а вечером, с закатом солнца, вся школа торжественно возвращается домой. Каждый школьник с гордостью несет набранный им букет, который сейчас же ставится в сосуд с водой и служит в продолжение долгого времени предметом восхищения и воспоминания о веселой весенней прогулке.

Такие же погулянки устраиваются часто и взрослыми. В них принимают участие целые семьи: и стар и млад, и хозяин и слуга — словом, весь дом. И прогулки эти представляют не случайное явление, а совершаются из года в год с незапамятных времен. Набранные и засушенные незабудки бережно хранятся от прогулки до прогулки.

Набирают цветов как можно больше, делают из них букеты, вьют венки и гирлянды и украшают ими себя и детей. Пьют кофе, едят пироги, и все общество так веселится, что память о прогулке остается радостным воспоминанием на целый год. На погулянках этих забывается все тяжелое и неприятное и каждый веселится от души. Но особенно радостно, что тут нет больше ни хозяев, ни прислуги. В этот день все равны, все братья.

И такой народной любовью пользуется незабудка не только в Германии, ее любят, ею увлекаются и в других странах.

Так, в окрестностях Люксембурга существует маленькая, чрезвычайно быстрая и прозрачная как стекло речка, носящая поэтическое название Купанье красавиц, или Водопад волшебного дуба. Последнее название дано ей за то, что ключ, дающий ей начало, вытекает с журчанием из корней старого, насчитывающего много сотен лет, дуба. Берега этой романтической речки с июля по август бывают покрыты бесчисленным множеством прелестных крупных ярко-голубых незабудок, число которых еще более умножается их отражением в кристальных ее водах. В это-то очаровательное местечко собираются из города девушки в свободные часы, в дни каникул и, украсившись венками из незабудок, купаются, плещутся и кружатся с пением, как какие-нибудь нимфы, и устраивают таким образом празднество в честь наяд заколдованного дуба...

Незабудку любят и в Англии — здесь с ней связано популярное празднество, известное под названием празднества «майской королевы».

Это празднество, как известно, ведет свое начало еще с древних времен, когда человечество более молодое, более поэтичное, чем в наши дни, с радостью и ликованием встречало ежегодно расцвет природы после тяжелой зимы и устраивало праздник в честь возвращения весны. Днем такого празднества выбиралось 1-е мая, когда вся природа чаще всего уже одевалась в свой очаровательный весенний убор. В Древнем Риме молодые люди накануне этого дня с полночи уходили за город, в поля и леса, и, нарезав там ветвей, плели из них венки и букеты и приносили их в город, чтобы уже к утру убрать ими двери домов и сами здания — словом, чтобы и город обрадовать той желанной весной, которая пока царила только еще в полях и лесах. Весь день шли танцы и царило веселье вокруг большого дерева, посаженного в честь богини цветов — Флоры.

Не утратило своего значения это празднество и в средние века, но приняло несколько иной характер. Украшали церкви древесными ветвями и возносили благодарственные молитвы Творцу за то, что Он сподобил снова увидеть радостные дни обновления природы.

В Англии празднество это, перешедшее вместе с введением христианства, особенно торжественно начали справлять в царствование Генриха VIII, когда ежегодно 1-го мая сами король и королева со всем своим двором, включая сюда даже и кардинала, покидали городские дворцы и отправлялись за город за первыми весенними цветами. Примерно тогда же вошло в обычай сажать в деревнях и даже в городах майское дерева перед домом самой красивой из местных девушек и провозглашать ее королевой этой весны — «королевой мая».

Празднество это со временем стало настолько популярным, что сделаться «майской королевой» было заветной мечтой каждой красивой девушки.

В прелестном стихотворении английского поэта А. Теннисона, переведенном на русский язык А. Плещеевым, мы находим следующее описание такого трепетного ожидания.

Волнуемая, страстным желанием быть избранной королевой мая, девушка говорит своей матери:

«Разбуди меня завтра, родная, Только солнышко в небе блеснет; Всех-то дней этот день веселее: Не бывает такого весь год.

Разбуди же, смотри! С нетерпением Жду давно я веселого дня: Королевой майской, я знаю, Они выберут завтра меня!

Крепок сон мой, сама я не встану; Так смотря же, погромче кричи, Чуть в окно нашей спальни, родная, Золотые проникнут лучи.

Еще много венков мне придется Из цветов и из зелени свить: Ведь я знаю наверное: завтра Королевою майской мне быть!

Я хочу, чтоб сестра моя Ева Шла со мною на праздник весны, Да и ты приходи: королевой Меня видеть вы обе должны.

Даже с гор отдаленных приходят Пастухи, чтоб на праздник взглянуть, А я буду на нем королевой. Разбуди же меня, не забудь!»

Проходят годы, героиня рассказа претерпевает тяжелые невзгоды, но и в самую тяжелую минуту жизни с радостью вспоминает она этот день:

«Хорошо было в мае, родная! Не забыла я этого дня, Как они королевою майской, Всю в цветах, посадили меня.

На лужайке, под деревом майским Танцевали мы долго потом, Пока месяц не всплыл, обливая Кровли наших домов серебром»...

Однако с проникновением в английские народные массы духа меркантильности и наживы прелестный старинный обычай этот стал выводиться и, быть может, исчез бы совсем в наше время, не вздумай его возобновить и поддержать в школах знаменитый английский мыслитель Джон Рёскин. Благодаря его стараниям праздник «майской королевы» празднуется теперь почти во всех девичьих школах Англии и Ирландии. Празднование это происходит с некоторыми вариантами, но общей чертой является избрание «майской королевы», и притом не столько за выдающуюся ее красоту, как это было прежде, сколько за успехи в науках, а главное — за общую любовь к ней.

Приведем для примера, как празднуется этот день в Уайтлендском колледже — школе для девиц, готовящихся к педагогической деятельности.

Уже с раннего утра церковь школы, ее двор и все комнаты убраны цветами, присланными с разных концов Англии прежними питомицами школы. И когда все готово, ученицы с пением: «все вокруг нас красуется и веселится», в торжественной процессии вступают в церковь. Королева ими уже избрана, но имя ее еще хранится в тайне.

Во время пения появляется прошлогодняя королева. Сегодня последний день ее царствования. Она в венке из цветов, в одежде и с крестом, установленными для этого праздника. Ее радостно приветствуют подруги. Став в два ряда и держа в руках гирлянды из цветов, они пропускают ее под этим цветочным сводом на предназначенное ей место. Еще несколько минут, еще несколько аккордов — и, как только это шествие остановится и будет пропето последнее слово гимна, царствованию ее, длившемуся целый год, наступит конец.

Тогда королева, обратившись к своим верноподданным с речью, благодарит их и восхваляет выдающиеся их качества, и одна из ближайших подруг снимает с нее завядший королевский венец-венки и заменяет его венком из незабудок. В руки дает ей букет из незабудок. Пусть

она не забудет год своего царствования, пусть память о том, что она носила высокий титул царицы за свою добродетель, за всеобщую к ней любовь школьных подруг, останется для нее вечной.

По окончании этой церемонии объявляется конец прежнего царствования и провозглашается имя новой избранницы.

Новая королева, при всеобщем ликовании, торжественно входит на трон, и подруги ее проходят перед ней, приветствуя, и получают из ее рук награды — великолепно переплетенные произведения Д. Рёскина. Награды даются не по конкурсу, а раздаются королевой полновластно. Одной королева дает за то, что она всегда оставалась верна своим подругам, другой — за то, что она хорошо знает музыку, третьей — за ее веселый нрав и приятный характер.

Принимая подарки, подруги целуют руку своей королевы.

Затем следует обедня, а по окончании устраивается веселый праздник, который длится до вечера и на котором первое место принадлежит королеве.

Но гораздо раньше учреждения всех этих празднеств «майской королевы» незабудка имела уже в Англии свое значение. Говорят, еще в 1405 году Генрих Ланкастер избрал этот цветок своей эмблемой и, находясь в изгнании, поместил его в цепь ордена Подвязки со словами «не забудьте меня». Таким образом, как роза является историческим цветком для дома Йорка, как лилия — для Стюартов и Бурбонов, фиалка — для Наполеонов, так и незабудка — геральдический цветок для Ланкастеров.

По другим сведениям, первым воспользовавшимся в Англии символом значения незабудки был один из Плантагенетов, который, будучи влюблен в жену герцога Бретонского, обменялся с ней в знак их взаимной любви этим цветком.

По иному источнику, впервые в Англии незабудку как эмблему воспоминания ввел лорд Скельс, брат Елизаветы Вудвилл, жены Генриха IV. После победы на турнире над одним бургундским рыцарем присутствовавшие придворные дамы преподнесли ему, как бы от всей Англии, золотую цепь, украшенную синими эмалевыми незабудками, на память об отваге, оказанной им в этом состязании.

Наконец, скажем еще, что в Англии, как и в некоторых других странах, массовое появление незабудок на местах погребения считается иногда народом за напоминание, присылаемое с того света покойниками. Мисс Пратт в своей статье о битве при Ватерлоо рассказывает, что на другой год после этой битвы незабудки покрыли все поле сражения, особенно на местах пролитой английской крови. Цветы эти, говорит она, как бы желали сказать: «Не забывайте своих верных сынов и братьев, положивших за вас свои головы!»

В Англии о незабудке писали много, и почти нет первоклассного поэта, который бы не посвятил ей прекрасного стихотворения.

Не меньшую роль цветка воспоминания играет незабудка и во Франции, И здесь дарят и хранят ее на память, и здесь посылают ее в знак того, что помнят о тех, кому ее дарят.

Известный французский писатель Гектор Мало, излагая свои воспоминания о Крымской кампании, где он находился в качестве волонтера, рассказывает следующий интересный случай.

Это было как раз в день битвы при Альме и Инкермане. Идя в атаку на страшные неприятельские укрепления и думая, что сегодня, быть может, день его смерти, он вспомнил, что это был также день именин его жены и подумал, как он был бы счастлив, если бы мог ее

поздравить.

Вдруг у ног своих в сыром рву, по которому солдаты двигались, он видит целую полосу прелестных незабудок в полном цвету. Забыв об ежеминутно угрожающей ему опасности, он нагибается и начинает их рвать. В это время над головой его раздаются страшный свист и шипение и, как порывом ветра, осыпает его комьями грязи.

Он поднимается и видит всех своих товарищей убитыми или страшно изуродованными. Это был залп картечью, сделанный по ним из русских батарей. Не нагнись он за незабудками, которые думал послать на память жене, и его, как и его товарищей, не было бы в живых...

Немало стихотворений посвящено незабудке и во Франции, но особенно мило выражается о ней поэт Альме Мартин в своих «Письмах к Софии»:

«Цветы эти распускаются как будто для того, чтобы выражать любовь. Вся их речь — одно слово, но слово, полное прелести. В руках влюбленных они говорят еще: люби меня и не забывай!»

В заключение скажем, что сок незабудки имеет, как говорят, оригинальное свойство способствовать затвердению стали. Для этого раскаленное докрасна стальное лезвие или вообще, какое-либо стальное орудие следует окунуть несколько раз в этот сок и держать в нем до тех пор, пока оно не остынет. Закаленная таким образом сталь до того тверда, что режет железо и точильный камень. Этим способом, как говорят, готовили сталь для знаменитых толедских и дамасских клинков.

В Голландии же из этого сока делают сироп, который употребляется как прекрасное средство против чахоточного кашля.

1 Вспомним стихотворную сказку М.Ю.Лермонтова «Незабудка», имеющую сходный сюжет.

Цветок наших старинных дворянских гнезд, провозвестница весны — сирень

Первые экземпляры в Европе

Гадание по цветку сирени

Превращение красавицы Сиринокс в тростник

Сады наших старых поместий

С сиренью связано у нас воспоминание о весне, о чудном мае, когда обновленная природа является во всей своей красе: кусты и деревья покрыты свежей благоухающей зеленью, луга усеяны пестрыми цветами, в лесах раздаётся пение целых хоров птичек, на опушке жужжат пчелы и шмели, по цветам порхают ярко расцвеченные, только что выведшиеся из куколок бабочки, и человеку легко дышится, хочется жить и жить... Как прав поэт, восклицая:

«Пока еще не отцвели сирени, И сладкое дыханье их волнует грудь, Иной раз хочется пасть на колени, Сказать весне: Не отходи! Побудь...»

Отягощенная крупными кистями своих прелестных белых и лиловых цветов сирень служит теперь лучшим украшением наших садов. Чудный запах ее чувствуется издали, и как-то

невольно тянется рука нарвать цветов, чтобы украсить ими свое жилище.

О возникновении этого прелестного цветка мы находим у Мантегацца следующую поэтическую сказку:

«Был апрель, и земля ждала с нетерпением небесных даров. Желая поскорее видеть на кустах и ветвях деревьев первые птичьи гнезда и на полях и лугах первые цветы, богиня весны отправилась будить солнце, которое, казалось, было погружено еще в сладкую дремоту.

«Вставай,— сказала она ему,— уже первое апреля и с земли поднимается к небу шум едва сдерживаемых страстных желаний и печальные вздохи».

Услышав этот призыв, солнце поспешило встать и через несколько минут в сопровождении богини весны и своей неразлучной спутницы Ирис (радуги) спустилось на землю.

Тогда богиня весны, взяв лучи солнца и примешав к ним пестрые лучи радуги, начала полными пригоршнями сыпать их на борозды полей, на поверхность лугов, на ветви деревьев, в расщелины скал, словом, всюду, где земля только ждала этой всеоживляющей благодати.

И всюду, где нисходили эти живительные лучи, — всюду тотчас выростали розовые, красные, бледно-голубые и темно-синие, золотистые и снежно-белые, крапчатые и полосатые цветы, образуя то звездочки, то зонтики, то колокольчики, то чаши, то колосья, то кисти; форма и окраска сливались друг с другом в опьянении любви — вся земля ликовала среди объятий и поцелуев...

Так солнце неустанно целые дни продолжало свою творческую работу и, пронесясь с богиней весны и радугой через всю землю, достигло крайних ее пределов — Скандинавии, где оно спит обыкновенно месяцами, где цветы бедны и редки и где лед, оковывающий землю в продолжение долгого времени, проникает в нее чуть не на целые аршины¹.

Тут, утомленное, оно хотело прекратить уже свою работу, но богиня весны как женщина, как существо более сострадательное, увидя эту бедную растительностью страну, сжалилось над ней и обратилось к солнцу с просьбой:

«Всемогущее, богатое солнце, позволь мне одеть цветами и эти холодные страны. Радуга, правда, истратила почти все имевшиеся в ее распоряжении краски, однако остается еще немало лилового. Позволь же мне украсить эти страны хоть лиловым».

«Хорошо, — отвечало солнце, — так сейте лиловое!»

И богиня весны, набрав полные пригоршни оставшихся крайних, лиловых, лучей солнечного спектра, начала метать их на кусты и на поля Скандинавии, и куда только попадали эти лучи, там сейчас же появлялись целыми сотнями, целыми тысячами чудные кисти сирени.

Вскоре, однако, здесь оказалось столько сирени, что солнце, обратившись к богине весны, воскликнуло:

«Ну довольно, довольно, разве ты не замечаешь, что всюду только и видно, что лиловое!»

«Ничего, — отвечала богиня, — не мешай мне! Ведь этим несчастным, окованным в лед землям совершенно чужды и сладострастие розы, и поцелуй душистой фиалки, и опьяняющий запах магнолии и туберозы, так дадим же им, по крайней мере, целые леса, целые моря сирени».

Но бог солнца на этот раз не послушался ее и, взяв из рук радуги палитру, смешал остаток

всех имевшихся на ней семи основных цветов и начал сеять полученные от их смешения белые лучи на кусты и деревца. И в результате получилась белая сирень, которая, присоединяясь к лиловой, образовала с ней нежный, приятный контраст...»

Вот почему сирень начинает распускаться с первых же теплых дней весны и нигде так обильно и роскошно не цветет, как в Швеции и Норвегии — этой стране, поражающей весь мир своей удивительной физической и моральной силой...

В Европе сирень — чужестранка. Ее родина — Малая Азия, Персия, откуда она попала к нам лишь в XVI столетии. Впервые она была получена в 1562 году, когда Ангериус Бусбег, получив ее с Востока, привез в Вену из Константинополя, где он находился при султане Солимане в качестве посла императора Фердинанда I.

Около этого же времени, по-видимому, она попала и в Англию, так как при описании парка любимого загородного замка королевы Елизаветы — Нонсеч, разведенного еще в царствование Генриха VIII, говорится, что там было несколько мраморных бассейнов, вокруг одного из которых росло 6 кустов сирени, отличавшихся замечательно приятным запахом... Описание это было сделано в царствование Карла II, подарившего как замок, так и парк одной из своих фавориток, которая, приведя его в упадок, продала затем все, что в нем имелось ценного.

Вследствие этого в XVI столетии сирень являлась в Европе еще большою редкостью, но ее неприхотливость в отношении почвы, ее выносливость при довольно суровой в то время температуре Средней Европы и ее чудные душистые цветы сделали ее вскоре всеобщей любимицей. И лет через 40 почти уже не было в Европе сада или парка, где бы она в обилии не росла.

Особенно она пришлась по вкусу в Германии: из нее делали букеты, плели венки, и не встречалось почти дома, где бы весной она не служила украшением комнат. Дети забавляются ею, как и теперь, делая из отдельных цветочков, втыкая их один в другой, крестики, веночки, которые потом засушивают на память. С особенным вниманием затем всматривались в цветы, отыскивая так называемое счастье — те цветки, которые вместо обычных четырех лопастей (отгибов) трубки венчика имеют их пять, шесть, десять и более. Причиной такого особенного увеличения отгибов цветка сирени является обыкновенно срастание нескольких цветков вместе — способность, свойственная главным образом сирени.

Такие сросшиеся цветы имеют иногда до 30 и даже более отгибов. Вот их-то и считают счастьем, и потому всякая молодая девушка, получив букет сирени, первое, что делает, — ищет эти уродливые цветы, и чем с большим количеством лопастей она найдет цветок, тем больше он предвещает ей счастья.

Особенным обилием таких цветов отличается белая сирень; у лиловой они гораздо реже, и потому найти подобный уродливый цветок среди лиловой считается гораздо более интересным. Найдя такой цветок, счастливицы обыкновенно или засушивают его и хранят в книжке, или же прямо съедают.

Об этом гадании среди молодежи можно часто встретить ходящее по рукам, принадлежащее перу какого-то неизвестного автора следующее стихотворение:

«Помнишь, друг, как раз весною, В ароматный, майский день, Обрывали мы с тобою Расцветавшую сирень. О пяти листочках венчик Ты искала меж цветов И чуть слышно, точно птенчик, Щебетала много слов: «Все четыре, все четыре, Все не вижу я пяти, Значит, счастья в этом мире Мне, бедняжке, не найти».

Затем следует рассказ, как наконец найден был счастливый цветок о пяти отгибах и как он

принес счастье, и заключается все следующей строфой:

«И с тех пор лишь, как я узнаю, Что в саду цветет сирень, Я с любовью вспоминаю Наш счастливый майский день...»

Но бывает также, что цветы сирени вместо четырех отгибов имеют всего три. Тогда, наоборот, цветы эти считаются несчастьем, и их всячески избегают. Словом, в этом отношении сирень имеет нечто общее с клевером и кислицей, листья которых также считаются счастьем, когда количество их больше трех.

Такие счастливые, составленные из четырех лопастей листочки этих растений часто делаются из эмали и золота и служат украшением брошек, колец, браслетов, вообще разных дамских ювелирных украшений, а изображения их часто помещаются на писчей бумаге, конвертах, портмоне и разных безделушках и принадлежностях дамского туалета.

В Англии сирень, странным образом, считается только цветком горя и несчастья, что происходит, вероятно, от ее лилового, переходящего в бледный, как бы трупный оттенок, цвета.

Старая английская пословица даже говорит, что тот, кто носит сирень, никогда не будет носить венчального кольца. И потому послать сватающемуся жениху ветку сирени — значит отказать в руке той девушки, за которую он сватается. К этому вежливому способу там нередко и прибегают.

В Англии долгое время была только лиловая сирень, и про появление белой сложилось такое сказание.

Говорят, что когда один богатый лорд обидел одну доверившуюся ему молодую девушку и она умерла с горя, то провожавшие ее друзья усыпали всю ее могилу целыми горами сирени.

Сирень эта была лиловая, а когда на другой день пришли на могилу, то были несказанно удивлены, увидев, что она стала белой.

Это была первая белая сирень в Англии. Кусты ее показывают и теперь на кладбище местечка Вей в Хартсфордшире.

Цветы сирени обладают замечательно приятным, нежным запахом горького миндаля. Запах этот происходит, как предполагают, как и у других пахнущих миндалем цветов, от присутствия в них минимального количества синильной кислоты — того страшного яда, 5/100 грамма которого достаточно, чтобы отравить человека, и присутствие которого в воздухе в количестве 1/10 на кубический метр является смертельным для дышащих этим воздухом насекомых и даже животных.

По новым исследованиям французского химика Буркело, синильная кислота встречается не только в цветах, но и в листьях сирени. Этим, вероятно, объясняется и целебное действие этих листьев, которые в русской простонародной медицине прикладывают часто для лечения долго не заживающих ран. Действие их в этом случае бывает поразительным, и нам не раз приходилось слышать о заживлении таких ран, лечение которых не поддавалось научной медицине. Листья накладывают на рану свежие, предварительно хорошенько обмыв их, и меняют по мере увядания.

Заметим кстати, что этот страшный яд встречается еще в коре и цветах черемухи, в свежих листьях вишни и персика и в косточках абрикоса, вишни и персика, в семечках яблока. Но самая большая доза яда содержится в горьких миндалях — десяти штук их бывает достаточно, чтобы причинить смерть даже взрослому². Присутствие его обнаруживается также в семечках рябины, кизила, боярышника и даже в семечках и цветах нашей дикой

таволги (*Spiraea ulmaria*), растущей в канавах и по берегам небольших ручьев, приятный сильный запах которой напоминает несколько запах цветов сирени.

Научное название сирени — *Syringa vulgaris* происходит от греческого слова *syrix* — трубка, дудочка, так как, если извлечь из куска ветки или ствола сирени находящуюся в них мягкую пробковую сердцевину, то можно сделать из них нечто вроде свистка или дудки, а дудка, по древнему сказанию, была изобретена мифологическим богом Паном, сделавшим ее из тростника, в который превратилась бежавшая в страхе от его ласк и преследований красавица нимфа Сирига, или Сирикс. Об этом превращении в своих прелестных «Метаморфозах» Овидий повествует так:

«У подножия зеленеющих холмов Аркадии среди лесных нимф жила знаменитая нимфа по имени Сирикс. Возвращаясь однажды с гор, повстречал ее бог Пан... Нимфа пустилась бежать, но была остановлена течением вод реки Ладоны. И стала умолять она своих сестер — вод этой реки, чтобы они, дав ей другой образ, пропустили ее. В это время нагнал ее Пан, хотел обнять, но вместо Сирикс обнял болотный тростник, в который она превратилась и который, колеблемый ветром, испускал свистящие, похожие на жалобу звуки...»

По-французски, сирень называют *Lilas*, откуда производится и название цветка — лиловый. Слово это персидское и обозначает просто «цветок». На Востоке, откуда, как мы знаем, и происходит сирень, она служит эмблемой грустного расставания, и потому влюбленный вручает там ее обыкновенно своей возлюбленной лишь тогда, когда они расходятся или расстанутся навсегда.

В Германии ее называют часто вместо *Flieder* — ее настоящего названия — *Hollunder* (бузина), смешивая ее с этим растением и приписывая ей вследствие этого массу сказаний, поверий и целебных свойств, присущих бузине.

Здесь можно нередко встретить очень крупные старые кусты сирени, но особенно замечательна своей необычайной величиной сирень берлинского госпиталя «*Charite*».

Сирени этой более ста лет. Посаженная в 1801 году, она до того разрослась, что три куста ее занимают пространство в 100 шагов в окружности и 35 в диаметре.

Они окружены прекрасной металлической оградой и походят теперь уже скорее на большие деревья с несколькими толстыми стволами и множеством очень крупных ветвей. Нижние ветви, стелясь по земле, дают многочисленные побеги, из которых образуются новые крупные кусты.

Весной, когда сирень покрывается тысячами чудных лиловых кистей, она представляет зрелище неопишное. А упоительный запах ее так силен, что чувствуется по всей окрестности. Жаль, если эта вековая сирень будет уничтожена, как это одно время думали сделать, освобождая место для постройки нового больничного барака.

За последние годы, не довольствуясь тем прелестным украшением, которое представляет нам естественное цветение сирени на открытом воздухе весной, садоводы ухищряются заставить цвести белую сирень зимой, выгоняя ее для этого в теплицах особым, придуманным для этого способом. Выгнанная таким образом сирень расцветает на небольших кустиках, посаженных в горшки, и представляет собой одно из лучших украшений наших комнат, тем более что цветет довольно долго и особенного ухода, кроме постоянного поддерживания земли влажной, ничего не требует.

Желающие заставить цвести сирень зимою могут сделать это легко и сами. Для этого достаточно осенью взять деревцо с образовавшимися уже на нем почками и, посадив в горшок с землей, поставить его в прохладном месте и дать немного промерзнуть зимой, а за месяц до Рождества окунуть его ветки в теплую (+30 C) воду и, продержав в ней около 6 — 8

часов, поставить в теплое и светлое место близ печки.

Под влиянием этой теплоты почки начнут развиваться и дадут цветы и листья. Это не будут, конечно, такие роскошные, покрытые обильно цветами экземпляры, какие мы видим на окнах цветочных магазинов или вообще зимой у садоводов-специалистов, но тем не менее все наше деревцо будет в цветах, и довольно долго. Говорят, что такого же цветения можно достигнуть и еще проще: нарезав даже зимою веток сирени и поместив их на несколько часов в прохладное темное помещение, откуда потом их вынимают, окунают на 2 — 3 часа в теплую (+30 С) воду и затем ставят близ печки в бутылку с водой.

Но, конечно, главное значение для нас, русских, особенно северян и жителей среднерусских губерний, сирень имеет не в зимнее время, когда она может служить наслаждением лишь для немногих зажиточных людей, а весной в саду, где она является нашей лучшей весенней красой...

У нас с ней связано воспоминание о старинных помещичьих усадьбах, о старинных дворянских гнездах, в которых она составляла всегда необходимую принадлежность садов и парков, и где густые купы ее, посаженные перед фронтонами домов, служили их лучшим украшением весной.

Покрытая в это время тысячами кистей белых и лиловых цветов, она, подобно цветочному морю, заливала весь сад, и упоительный запах ее разносился по всей окрестности. Прибавьте к этому чудное пение соловья и теплую майскую лунную ночь, и вы можете себе представить всю прелесть такого старинного сада.

Вспомните только дивную картину В. Максимова «Все в прошлом», где старушка, погруженная в дорогие воспоминания о милом далеком, сидит в кресле под кустом цветущей сирени. Быть может, эта сирень напоминает ей многое приятное из дней ее молодости? Не здесь ли на скамеечке под такой же цветущей сиренью произошло первое признание ей в любви, не эти ли цветы оцепывали они вместе с любимым человеком, ища в них счастья?

«Заглохший старый сад, приют былых свиданий...Все время унесло, и лишь былые тени
в мечтаньях предо мной из прошлого встают...»

Или вспомните другую такую же прелестную картину В. Поленова «Бабушкин сад»? И здесь опять цветущая сирень, возможно, многое напоминающая той древней старушке, которая бредет, опираясь с одной стороны на палочку, а с другой — на руку молодой девушки.

Словом, сирень, служившая постоянным украшением садов наших дедов, является для нас как бы близким, родным растением, и, встречая где-нибудь ее цветущий куст на чужбине, мы невольно переносимся мыслью на родину, в свой старый родной уголок — это прекрасно выражено в стихотворении высокопоставленного поэта К.Р.З:

«Растворил я окно...И в лицо мне пахнула весенняя ночь
Благовонным дыханьем сирени...Об отчизне я вспомнил далекой,
Где родной соловей песнь родную поетИ, не зная земных огорчений,
Заливается целую ночь напролет
Над душистою веткой сирени».

1 Аршин — старая русская мера длины; равен 4.45 см.2 «Миндаль обыкновенный встречается в двух разновидностях — сладкий и горький, одинаковых по внешним признакам, но резко отличающихся по химическому составу и вкусу семян. Горький миндаль ядовит, дети могут отравиться пятью-десятью миндалинами. Горько-миндальные деревья дико растут в горах Копет-Дага (Туркмения), в Западном Тянь-Шане, в Южной Армении» («Лекарственные растения». М., «Высшая школа», 1975).3 К.Р. — литературный псевдоним великого князя Константина Романовича (1858 — 1915), президента Академии наук и главного начальника

высших военно-учебных заведений. Он был автором многих поэтических сборников. См. «Песни русских поэтов» т. II, Л., 1988. Большая серия «Библиотека поэта».

Два сада грез

Дивный городской сад в Париже

Неописуемая красота роз

Волшебный парк роз в Аи

«Не любить роз нельзя —они слишком прекрасны»...

Что может более располагать к мечтанию, что может перенести в волшебные сады Востока, как не роза — этот цветок грез, цветок неподражаемого изящества и красоты, особенно теперь, когда число ее разновидностей и гибридов достигает многих тысяч!

Собрать их, соединить и представить как можно полнее этот калейдоскоп бесчисленных переливов, тонов, оттенков окраски, запаха и формы розы являлось всегда мечтой розоманов, но осуществление подобных садов грез стало возможным лишь в последнее время.

Одним из подобных эдемов является теперь парижский городской сад роз. Прелестное это учреждение возникло недавно, не более 8 лет тому назад.

Снабдив Париж возможно большим количеством растительности и охраняя тщательно все находящиеся как в самом городе, так и в окрестностях старинные парки и сады, городское управление Парижа задумало устроить этот сад, где могли бы парижане наслаждаться облагораживающей душу красотой цветов, где были бы сосредоточены всевозможные сорта существующих ныне роз.

Местом устройства розария был избран прелестный уголок Булонского леса — прежнее владение графа д'Артуа, носившее поэтическое название «Каприза д'Артуа» и возникшее еще в 1711 году.

Владение это видело многое. Служа при Людовике XIV местом сбора королевских охотников, при Людовике XV оно сделалось местом свиданий, местом пиршеств. Здесь-то задавались и знаменитые пиры в честь Лещинского, отца жены Людовика XVI, Марии Лещинской. Но тот вид, который имеет теперь находящийся в нем замок, он приобрел лишь тогда, когда владельцем его сделался граф д'Артуа — второй брат короля Людовика XVI, истративший на его убранство и коллекции целые миллионы и превративший его в настоящий музей редкостей.

Во время революции замок этот был отнят у короля и подвергся грабежу взбунтовавшейся черни, потом приобретен был Наполеоном I и был некоторое время резиденцией его сына — короля Римского, а затем был куплен одним антрепренером и превратился в публичный сад.

В конце концов он перешел во владение знаменитого пэра Англии — лорда Сеймура. Здесь у Сеймура бывали королева Виктория и Наполеон III с императрицей Евгенией, для наследника которых — принца Наполеона — лорд Сеймур устроил здесь даже зал для фехтования.

После смерти лорда замок был продан с аукциона и приобретен городом Парижем вместе со всем прилежащим к нему чудным парком.

Устроенный здесь сад получил название «Бездевушка». И парижские садоводства приложили все свои старания, чтобы создать что-нибудь изящное.

Старания их не остались тщетными, и когда розы в цвету, то сад представляет действительно нечто очаровательное, волшебное.

Вот что пишет посетивший его один из журнальными корреспондентов:

«Я поклялся не покидать Парижа, не простившись с его чудным уголком, с городским садом роз, носящем название «Bagatelle» — «Бездевушка».

И вот в 8 часов утра я был уже у решетки знаменитого владения д'Артуа. Роскошные, массивные, как бы не забывшие еще своего бывшего величия ворота были заперты. Они открылись при мне, и я имел детскую радость, как это мне и хотелось, быть посетителем, для которого они, проснувшись и как бы потягиваясь еще от сладкого сна, медленно повернулись на своих петлях.

Еще пустые аллеи, по-видимому, несколько не были удивлены моему раннему посещению и любовно протягивали мне свои ветви. Я шел с важностью и уверенностью хозяина. Сторож, приняв меня, вероятно, за кого-то знакомого, вежливо поклонился.

Мне казалось, что я у себя, что я только что вышел из своей любимой комнаты, находящейся вон там, в нижнем этаже маленького дворца, той комнаты, из которой перед удивленными глазами зрителя разворачивается такой чудный вид на парк, на сад роз...

О волшебное, вечно новое зрелище, зрелище, захватывающее вас всего, и прелесть которого нет слов передать! Я чувствую уже свою слабость изобразить пером те потоки мыслей, которые вызывает во мне, отражаясь, как в чистом кристалле, вид последнего земного рая, рая, который, к счастью, нами еще не потерян...

Чтобы почувствовать всю чарующую его прелесть — обернитесь спиной к зданию старой оранжереи, Нам остается только широко раскрыть глаза, смотреть и любоваться.

Перед нами, подобно лакомому блюду, подобно шахматной доске из красок, расстилается полный дивного благоухания сад роз — с его узорчатыми квадратами, с расписными в мавританском вкусе газонами, узкими симметрическими аллеями с бархатными зелеными лужайками, окаймленными высокими штамбами роз, гнущимися под тяжестью своих обильных цветов и окруженными у своего подножия прелестными группами низких розовых кустов...

Глядишь — и так и чудится, что находишься перед каким-нибудь торжественным собранием цветов, перед парадом Флоры или смотром роз в честь Венеры, мраморное изображение которой так и просится на место находящейся здесь бронзовой группы — оленя, преследуемого сворой собак.

В глубине виднеется изящная, в итальянском стиле, прозрачная крытая аллея — пергола, каждый столбик которой, каждая перекладинка исчезают в тысячах то ползущих вверх, то спускающихся вниз вьющихся роз. Подобно, сталактитам, свешиваются здесь целыми кистями бледно-зеленые их ветви, покрытые изящными листьями и пучками прелестных душистых лепестков, в которых с жадностью пьют сладкий нектар бесчисленные пчелы и шмели...

Один я не нахожу сил достаточно насладиться — одиночество меня опьяняет...

Деревья образуют вокруг квадратной стены род рамки различных оттенков и переливов зелени, переходящей постепенно в зелень газонов. Все неподвижно, все полно глубоких

дум... И только птицы, порхая, пересекают быстро воздух, щебечут и прыгают то на траву, то с ветки на ветку.

Вон зяблик со своей бело-полосатой грудкой, вон лазоревка-синичка, черноголовая малиновка, вон наш старый друг снегирь, вон дрозд со своим оранжевым клювом...

Белые хлопья тополей несутся, подобно нежным пушинкам лебедей, и время от времени отцветшая роза роняет свой чудный убор на газон, который ночью тысячи ее сестер уже усеяли своими разных цветов и тонов лепестками — этим благоухающим пеплом своей красы...

Дивные цветы! Из чего вы только сделаны?! Из какого бархата, из какого шелка, из какой чудной материи?!

Есть розы красные, как коралл, и всех нежных оттенков тела: цвета локтя, цвета ногтей, цвета румянца, цвета уха и вздрагивающих ноздрей; цвета алых губ, цвета крови — всех оттенков пурпура и розы.

Другие — лиловые, винно-красные, темные, как малина, или желтые, как сера, и палевые, как абрикос. Одни веселые, смеющиеся, другие — печальные, полные грусти. Одни дерзкие, вызывающие, другие — мечтательные, поэтичные. Одни, образуя кисти, пучки, покрыты такими чудными, такими вкусными на вид плодами, что так и хотелось бы их попробовать. Другие напоминают прелесть тел Рубенса, яркость красок Фрагонара и бледные тона Корреджио.

И мысль переносится к их дивным сестрам — уроженкам ярко освещенных солнцем стран: розам Италии, Испании, розам Востока, розам Персии, так прекрасно воспетым Лоти, розам Исфгани¹, которые падают, подобно хлопьям снега, в теплые воды бассейнов и на фарфоровый пол из лазуревых черепиц, прежде чем превратиться в ту драгоценную душистую эссенцию, которую бережно хранят в хрустальных с золотом сосудах.

Они не могут быть красивее этих — особенно же благодарнее и великодушнее, ибо любезность розы — единственна в мире. Эти дивные цветы жертвуют собой, приносят в дар всем свое благоухание, свою красоту. Кажется, как будто каждая из них говорит: «Я ваша на мгновение, которое в то же время и вся моя жизнь».

Но возможно ли их всех слушать, возможно ли отнестись к ним с должным вниманием, когда их так много?

И в самом деле, какую из них взять, какой отдать предпочтение? Не знаешь, куда глядеть, что вдыхать, чем любоваться. Хотелось бы их всех обнять, зарыться в них, заснуть и умереть...

Но это невозможно, надо идти мимо, предоставив каждую из них своей участи.

А как, о Боже, участь их различна! У скольких из них жизнь пройдет бесследно: засохнут, не будучи даже и сорваны; никто не дотронется до них, не вдохнет их запаха, даже и не полюбуется ими. Одни, быть может, пойдут на праздничный букет или украшение обеденного стола, другие украсят собой свадебную шкатулку, а третьи будут вплетены в венок покойника!

Спрашивается, какую участь избрали бы они, если бы их об этом спросили? Но об этом никто с ними не советуется, а между тем они отвечают, когда их спрашивают. Они говорят о любви, о смерти, о быстролетности поцелуя, о погребальном склепе, о кладбище.

Большая часть из них полна страсти. Есть, однако, и бесстрастные, которые, кажется, дали обет безбрачия и превратились в кармелиток² сада.

Здесь вы можете встретить и язычниц и христианок; и роз-ваханок и роз — участниц духовных процессий. Тут есть розы и для алтаря, и для празднеств, есть розы и для влюбленных, и для поэтов. И все это одни и те же розы. Они цветут для всех.

Для выражения всех радостей, для утешения всех горестей до сих пор не нашлось ничего лучшего розы.

Розы играют такую роль в жизни человека, что кажется если бы они вдруг исчезли, то жизнь наша оказалась бы поблекшей, обесцвеченной.

Они — радость, выражение наших чувства, сердца и разума. При одном слове «роза» как-то дышится легче, все представляется в более ярком свете, и когда упиваешься их запахом, то как бы находишься уже в предвкушении блаженства. Они должны быть во всяком доме как талисман, как дар богу счастья.

Продолжая свою прогулку, я наклонялся, чтобы прочесть название сортов, и мне казалось, что я произношу имена дорогих умерших, для которых эти розы служат как бы живым памятником.

Вот под этой небольшой розой покоится прах Великого Князя Николая Николаевича, рядом этот куст белых пышных роз осеняет память полковника Вильямсона, а в тени этих букетов из розовых роз спит вечным сном Селина... Мне стало даже завидно...

В это время раздался какой-то шум. Желая узнать, в чем дело, я пошел по его направлению и увидел двух садовников, срубавших старое двухсотлетнее громадное дерево. Оно еще стояло, но уже было мертво. Часть ветвей его уже была срублена и лежала связанною.

Двести лет, сколько времени! Чего-чего оно только не было свидетелем. И вот пришел конец. Еще взмах-другой топора — и его не станет больше...

И с грустью удалился я, думая, что жизнь столетнего дерева не дольше жизни розы, распутившейся и осыпавшейся в одно утро...»

Такова картина этого прелестного городского сада, этого сна наяву...

Еще более грандиозным, еще более, если это только возможно, очаровательным является сад или, лучше сказать, парк роз известного розомана Ж.Граверо в Аи, расположенный в исторической долине роз, простирающейся от Бур-ла-рен до Фонтене-о-роз, долине, служившей с давних времен месторождением большинства самых чудных, самых изящных гибридов роз.

Сад этот действительно нечто волшебное — в полном смысле «Сад грез». Во время цветения роз сюда совершается настоящее паломничество. Посмотреть это чарующее зрелище, упиться неопикуемой прелестью роз, их дивным запахом несется все: и венценосный любитель, и простой смертный.

Количество имеющихся там роз громадно — сотни тысяч, миллионы. Это наиболее полная из всех существующих на свете коллекций.

Чтобы собрать их, потребовались не только труд полутора десятков лет и крупный капитал, но и целые специальные экспедиции с целью собирания всех существующих на свете дикорастущих видов роз (шиповника).

Теперь здесь все это собрано, остаются лишь два-три вида, достать которые почти невозможно.

Сад занимает около 2 десятин и включает два отдела: научный с 1.000 (приблизительно)

видов и разновидностей диких роз и садовый — со всеми имеющимися и когда-либо имевшимися разновидностями и гибридами садовых роз, число которых доходит до 6.000 сортов. И число это ежегодно, даже ежемесячно, все более и более увеличивается.

Этот сад имеет форму треугольника, или, лучше сказать, римской цифры V. Трельяжи, крытые аллеи-перголы, все увитые чудными вьющимися розами, группы всевозможных сочетаний роз, украшенные то бюстами, то изящными статуями, чередуются одна за другой.

В центре находится прелестный партер со знаменитой статуей Э. Фальконе «Купальщица», залитой дивными сортами роз и окруженной целым рядом портиков и гирлянд вьющихся роз.

В многочисленных уголках сада, которые все так очаровательны, что не знаешь, какому из них отдать предпочтение, помещаются беседки, павильоны, красивый бассейн для поливки сада, весь увитый розами музей, библиотека, хижина — павильон для садовников и, наконец, единственный в мире театр роз.

Всей декорацией сцены на воздухе служат лишь окружающие ее деревья и дивные розы.

В известные дни при волшебном электрическом освещении здесь даются сцены из балета, который исполняется первыми знаменитыми балеринами Парижа, и где главную роль всегда играет роза.

На представления эти съезжается весь высший свет Парижа, и попасть на них считается верхом счастья.

Волшебная красота, всюду разлитая роскошь красок, дивный, наполняющий весь сад аромат не поддаются никакому описанию.

«Это — заключенная в стены древнего замка заколдованная принцесса «Спящая красавица», — говорит посетивший этот сад знаменитый французский романист Терие.

Чтобы добраться до нее, нужно прорваться сквозь тенистые леса, бесконечные поля. Но что за прелесть, что за очарование, когда наконец до нее доберешься?

Розы расстилаются пышным ковром по земле; вьются гирляндами, аркадами, портиками по проволокам; обвивают колонны, ограды, здания, беседки; убирают своды на бесконечном расстоянии тянувшихся крытых аллей и так и манят в свою таинственную глубь.

Здесь видите вы все переливы белых цветов, начиная от розы *Banksiae* и кончая телесно-белой *Souvenir de Malmaison*; все желтые оттенки, начиная от лесосевого цвета *Gloire de Dijon*, серо-желтого *Marechal Niel* и кончая темно-шафранным *Reve d'or* (золотой сон) и матово-золотым *Chromatella*. Видите нежно-серебристо-розовые *La France* рядом с карминно-красными *Gloire de Bourg-la-reine*, ярко-вишневыми *Marie Henriette*, блестяще-розовыми *Coupe de Hebe* и кончая темным пурпуром *Empereur de Maroc*.

Из всех этих полуоткрытых венчиков, этих нежных губок роз разносится аромат, столь же разнообразный, как и их форма и оттенки: то запах мускуса, напоминающий сады Востока; то нежное, томное, душистое дыхание — как аромат виноградной лозы в цвету; то сладострастное — как поцелуй; то легкое — как восточный ветерок.

Тут опьяняются и зрение и слух. И гармоничным аккомпанементом всему этому гимну запахов и красок в ярких лучах летнего солнца как бы служит гудение пчел, шмелей и златок.

Счастливы тот, кто хоть раз в жизни насладится этой чудной картиной природы — этим праздником для глаз и души.

1 В современном написании — Исфахан. Город в Иране, известный с античных времен; его именем назван один из сортов группы дамасских роз, издавна выращивавшихся в странах Ближнего Востока.2 Кармелиты — члены нищенствующего монашеского ордена.